

ООО «Наука и образование»

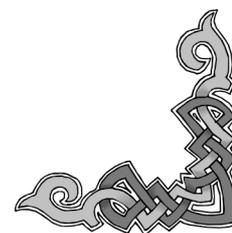
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

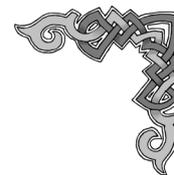

**№ 1
2018**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2018, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-59154 от 22 августа 2014 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Казанцев Виктор Германович, Герой России, доктор социологических наук;

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

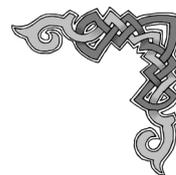
Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

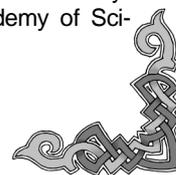
Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Максимчук Ольга Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления и развития городского хозяйства и строительства Волгоградского архитектурно-строительного университета;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

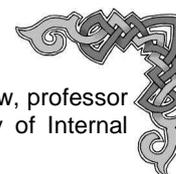
Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Пан Давэй, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Maksimchuk O. Viktorovna, Doctor of Economics, professor, manager of chair of management and development of municipal economy and construction of the Volgograd architectural and construction university;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, chief researcher of the Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» РАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Тюменского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

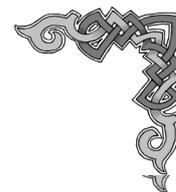
Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Sumachev Alexey Vitalyevich, doctor of law, professor, professor of department of criminal law and process of the Tyumen state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice;

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

Дятлов Александр Викторович

Нарбут Николай Петрович

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
--------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамян Е.П. Трансформация труда в условиях информационного общества	13
Гаврилюк Т.В. Исследования жизненного пути и классовый анализ в зарубежной социологии: точки пересечения	18
Гафиатулина Н.Х., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи	23
Загутин Д.С., Нагнибеда Б.А., Самыгин С.И. Становление экологической безопасности России через подготовку инженеров в системе многоуровневого образования	28
Кареева С.Г., Селезнёв И.А. Социальные аспекты развития инновационной и цифровой экономики России в условиях интеграционных процессов в Евразии	33
Касьянов В.В. Современное осмысление понятия «Информация»	37
Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин С.И. Российская государственная семейная политика в свете управления демографическими процессами	41
Кротов Д.В., Загутин Д.С., Самыгин С.И. Значение сетевых структур и информационных технологий в вопросе формирования социального поведения Digital поколения	45
Муха В.Н., Тучина О.Р. Межкультурная компетентность как фактор преодоления этноцентризма в условиях современной образовательной среды	49
Палий В.М. Социологические аспекты взаимоотношений власти и общества	54
Фатьянов В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной российской молодежи	58
Шевченко А.И. Социально-философский анализ проблемы регулирования образовательной сферы в условиях интенсивной трансформационной динамики общества	61
Эбзеев А.А. Глобалистический контекст геостратегии этнических элит северо-кавказского региона	65

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бикмашев В.А. Преступления против основ конституционного строя – преступления против национальной безопасности Российской Федерации	71
Гаевой А.И., Омельченко А.Е. К вопросу об объективной истине, о ее месте и роли в уголовно-процессуальном доказывании: современные подходы в ее понимании	74
Голубкина К.В., Абрамян С.К. Электронное правительство и электронная демократия как новые явления информационного общества	80
Голубчиков С.В., Новиков В.К., Баранова А.В. Виды профессиональной тайны и её защита	83

Григорьева А.Г., Лебедева А.Д., Лукин В.К. Городское хозяйство как предмет ведения местных советов в годы новой экономической политики	87
Димитрова Е.А. К вопросу о целесообразности решения проблемы наркопотребления путем обязательной постановки потребителей наркотических средств и психотропных веществ на диспансерное наблюдение	92
Качалов П.Н., Огрин Г.В. К вопросу о состоянии современного реформирования системы государственной службы в России	95
Лопотенко Ю.Ю. Принудительные работы как индикатор гуманизации уголовного законодательства РФ	99
Мансуров Г.З., Бельдина О.Г. Невозможность исполнения трансграничных денежных обязательств: общее и особенное	102
Маринова С.Ш., Кандрина И.А. Порядок пересмотра и внесения поправок и изменений в Конституции (уставы) субъектов Российской Федерации	106
Мовсесян А.Э. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	110
Москаленко Г.Е. Право и солидарность в концепции М.М. Ковалевского	113
Попов Е.А., Абрамян С.К., Агафонов А.В. Государственно-частное партнерство как объект правового регулирования	116
Прошин В.М. Меры профилактики налоговых преступлений	119
Сыротюк М.В. Особенности правового статуса ребенка в России	122
Хамидуллина Ф.И. Договорные отношения в аспекте формализации нравственных начал гражданского права	125
Штырхунова Н.А., Абрамян С.К. Правовой статус органов внутренних дел на транспорте	129
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Гарская Е.С. Социально-экономические проблемы сельских территорий в аспекте демографической ситуации в Псковской области	135
Грузина Ю.М., Масино М.Н. Анализ возможных стратегий реагирования на риски ключевых стейкхолдеров платёжных систем различного уровня	138
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Гусикова А.Ф., Папазян М.В. Управление персоналом для повышения безопасности движения на автотранспортных предприятиях	144
Подгорный Б.Б. Региональные власти и фондовый рынок: документальный анализ	148
Садиг Рза Исмаил оглы Актуальность и спектр исследования инноваций в современной экономической науке	152
Цалко Т.В. Маркетинговые аспекты взаимодействия субъектов рынка образовательных услуг	155

CONTENTS:

Congratulations	6
------------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Elena P. Abramyan Transformation of labor in the information society	13
Tatiana V. Gavrilyuk Life course studies and class analysis in western sociology: the crossing points	18
Natalya K. Gafiatulina, Andrey V. Rachipa, Sergey I. Samygin The information network environment as a factor of influence on the social health of Russian student youth	28
Dmitry S. Zagutin, Boris A. Nagnibeda, Sergey I. Samygin Formation of ecological safety of Russia through training of specialists in the system of multilevel education	28
Svetlana G. Karepova, Igor A. Seleznev Social aspects of the development of innovation and digital economy of Russia in context of integration processes in Eurasia	33
Valery V. Kasyanov Modern judgment of the concept «Information»	37
Valery V. Kasyanov, Arthur K. Manucharyan, Sergey I. Samygin Russian state family policy in focus of the demographic processes governing	41
Dmitry V. Krotov, Dmitry S. Zagutin, Sergey I. Samygin Value of the network structures and information technologies in the question of formation of social behavior of Digital generation	45
Victoria N. Mukha, Oksana R. Tuchina Intercultural competence as the factor of overcoming ethnocentrism in today's educational environment	49
Vitaly M. Paliy Sociological aspects of the relationship of power and society	54
Victor M. Fatyanov Role of network communications in the process of formation of legal culture of modern Russian youth	58
Andrey I. Shevchenko Socially-philosophical analysis of problem of adjusting of educational sphere in the conditions of intensive transformation dynamics of society	61
Ahmat A. Abzeyev The globalistic context of the geostrategy of ethnic elites in the North Caucasus region	65

JURISPRUDENCE

Vitaly A. Bikmashev Crimes against bases of the constitutional system – crimes against the national security of the Russian Federation	71
Gaevoy I. Alexander, Ada E. Omelchenko To a question of an objective truth, of her place and a role in criminal procedure proof: modern approaches in her understanding	74
Ksenia V. Golubkina, Syuzanna K. Abramyan Electronic government and electronic democracy as the new phenomena of the information society	80
Sergey V. Golubchikov, Vladimir K. Novikov, Anastasia V. Baranova Types of professional secrecy and its protection	83
Anna G. Grigorieva, Anna D. Lebedeva, Vladimir K. Lukin Urban economy as a subject of local advice in the years of new economic policy	87

Elena A. Dimitrova To the issue of appropriateness of solution of the problem of drug using by obligatory registration of narcotics drugs and psychotropic substances users for dispensary supervision	92
Pavel N. Kachalov, Galina V. Ogrina On the state of the modern reform of the civil service system in Russia	95
Yury Yu. Lopotenko Forced labor as an indicator of humanization of the criminal legislation of the Russian Federation	99
Gafur Z. Mansurov, Oxana G. Beldina Impossibility of execution of transboundary monetary obligations: general and special	102
Svetlana Sh. Marinova, Irina A. Candrina Procedure for review and amendment and the amendments to the Constitution (statutes) of constituent entities of the Russian Federation	106
Ashot E. Movsesyan Problems of qualification of crimes connected with illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues	110
Gleb E. Moskalenko Law and solidarity in the M.M. Kovalevsky conception	113
Evgeny A. Popov, Syuzanna K. Abramyan, Alexander V. Agafonov Public-private partnership as a subject of legal regulation	116
Vladimir M. Proshin Measures to prevent tax crimes	119
Maya V. Syrotyuk Features of the legal status of the child in Russia	122
Farida I. Hamidullina Contractual relations in the aspect of formalization of the moral principles of civil law	125
Syuzanna K. Abramyan, Natalya A. Shtyrkhunova Legal status of internal affairs bodies on transport	129

ECONOMIC SCIENCES

Elena S. Garskaya Socio-economica problems of rural areas as viewed from the demographics of Pskov oblast	135
Yulia M. Gruzina, Mstislav N. Masino Analysis of possible strategy of response to risks of key stakeholders of payment service providers of various level	138
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Amalia F. Gusikova, Marina V. Papazyan Personnel management to improve traffic safety on transport companies	144
Boris B. Podgorny Regional authorities and the stock market: a documentary analysis	148
Sadig Rz Ismail Oglou Actuality and spectrum of research of innovations in the modern economic science	152
Tatiana V. Calko Marketing of subjects of the market of education	155

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абрамян Елена Петросовна

специалист по учебно-методической работе учебно-методического управления, Северо-Кавказский федеральный университет
aspiranti2014@yandex.ru

Elena P. Abramyana

specialist in educational and methodical work of the educational-methodical department of the North-Caucasian Federal University
aspiranti2014@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

TRANSFORMATION OF LABOR IN THE INFORMATION SOCIETY

Аннотация. В статье анализируется проблема трансформации труда в условиях информационного общества с использованием данных социологического опроса индивидуальных предпринимателей, фрилансеров и студентов и делается вывод о том, что наблюдается конфликт между современным рынком труда, ориентированным на автономность, мобильность, креативность специалиста и социально-экономическими условиями жизни, определяющими материальный доход как основную цель трудовой деятельности, также требующими от человека краткосрочной занятости по совместительству, которая не предполагает вовлеченности и интереса к работе.

Annotation. The article analyzes the problem of the transformation of labor in the conditions of the information society using the data of a sociological survey of individual entrepreneurs, freelancers and students and concludes that there is a conflict between the modern labor market, oriented toward autonomy, mobility, the creativity of the specialist and the socioeconomic conditions of life, determining the material income as the main goal of labor activity, also requiring from a person short-term employment on a part-time basis Wu, who does not imply involvement and interest in the work.

Ключевые слова: труд, трансформация труда, рынок труда, информационное общество, факторы трансформации труда.

Keywords: labor, labor transformation, labor market, information society, labor transformation factors.

Глобальные процессы информатизации во многом определяют специфику современного труда, новых форм его организации и социально-трудовых отношений. Высокий динамизм информационно-коммуникативных технологий и их детерминирующее воздействие на занятость населения, в частности, на формирование гибких форм занятости и удаленного рынка труда, становятся наиболее актуальным предметом исследования социологических дисциплин.

вития науки и техники, знаний, умений и навыков человека. Следует отметить, что взгляды на труд претерпели естественную эволюцию. Представления о труде как «наказании» и «телесном мучении», свойственные античности, сменяются взглядами на труд как виде деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека. В индустриальном обществе труд становится объектом научного анализа и является основным видом хозяйственной деятельности, формируются такие важные категории трудовой деятельности как: наемный труд, рабочее время, профессия и т.п. «Труд и профессия становятся осью человеческого существования, определяя положение в обществе, доход, образ жизни, круг общения и т.п. Труд превращается в главный фактор самоидентификации, формируется особый менталитет человека индустриального общества, который мыслил и определял себя только посредством работы» [3, с. 45–46]. По мнению З. Баумана, это период «твердой» современности, которая характеризовалась крепкой «брачной» связью между капиталом и трудом. З. Бауман пишет, что «рабочие зависели от того, чтобы быть нанятыми, из-за средств к существованию; капитал зависел от их найма из-за необходимости своего воспроизводства и роста» [4, с. 156].

Труд как «вечная естественная необходимость» является «фундаментальным видом жизнедеятельности человека и основой возникновения и функционирования общества» [1, с. 332–333], выступает источником общественного богатства, также характеризует уровень и качество жизни населения. Г. Селье метафорично характеризует труд в качестве «философского камня, который превращает весь неблагородный металл человечества в золото» [2]. Классическая формула «труд создал человека», сформулированная Ф. Энгельсом, показывает, что в процессе трудовой деятельности развиваются в диалектическом единстве общество и человек. Поэтому исторические эпохи различаются, в первую очередь, средствами производства, которые отражают уровень раз-

В условиях информационного общества представления о труде, его организационные формы и социально-трудовые отношения изменяются. Исследователи информационного общества, футурологии в основном отмечают трансформацию труда в сторону автономии под воздействием информационно-коммуникационных и сетевых технологий. Гибкая занятость, формирование электронной самозанятости характеризуют современный рынок труда, интеллектуальный труд определяется в качестве основного. Например, Д. Белл всю вторую половину XX века характеризует как третью технологическую революцию. С точки зрения ученого, постиндустриальное общество как новый принцип социально-технологической организации, строится на услугах медицины, образования, программирования и т.д. [5]. По мнению З. Баумана, современный капитал путешествует налегке, «имея при себе лишь ручную кладь – портфель, портативный компьютер и сотовый телефон» [4, с. 163]. Основными двигателями прогрессивного общества становятся креативные люди и их идеи, которые создаются единожды, внедряются и потом приносят прибыль. В условиях текучей современности формируется гибкая занятость, неустойчивый рынок труда, «гибкость – лозунг дня» [4, с. 159] и нет никаких гарантий, что профессионализм и компетентность обеспечат постоянную работу.

О трансформации труда также говорит Э. Тоффлер в своем интервью на тему «Будущее труда» [6]. По мнению ученого, представления о труде устарели, они связаны, с воззрениями о разделении труда и отчуждении, что не подходит для современного общества. Трудовая деятельность на фабриках, как правило, сводилась к выполнению повторяющихся, специализированных действий. Рабочий не имел отношения к производственному процессу, также не обладал свободой действий при исполнении своих обязанностей. Э. Тоффлер отмечает, «что меня постоянно изумляет, так это ностальгия, которая заставляет сохранять такую работу, которая не является более эффективной» [6]. Третья волна предполагает другую модель труда и связанные с ней типы занятости. Трудящийся человек Третьей волны является более свободным в выборе профессиональной траектории, креативным, «он становится похож на независимого ремесленника, чем на взаимозаменяемых рабочих конвейера» [6], но лучше образован и имеет право голоса при организации трудового процесса.

Проблема трансформации труда и форм занятости в условиях преобладания сетевых структур в информационном обществе также исследуются М. Кастельсом, который пишет о «конце труда» в классическом понимании. Ученый выделяет основные характеристики труда, т.е. неполный рабочий день, работа по контракту, неформальная работа и т.д., отмечает «феминизацию труда» [7]. В «Манифесте против труда» группой «Кризис» [8] достаточно пессимистично характеризуется настоящее и будущее труда как «трупа

мертвого труда». Авторы манифеста отмечают, что общество, которым правит труд, находится в глубоком кризисе. Показателем такого кризиса также является невозможность продажи «рабочей силы». «Кто не работает – тот не ест! Этот циничный принцип все еще остается в силе, сегодня более чем когда-либо, именно потому, что он безнадежно устарел» [8].

Таким образом, в современной социологии формируется новая система представлений о труде, в которой лидирует уже не производительный труд, а труд услуга. Общество труда создало парадоксальное представление о труде, т.е. труд исчерпывает сам себя, с одной стороны, развитие цивилизации увеличивает производительность труда, с другой – уменьшает потребность в труде в его классическом понимании.

По данной проблеме «Трансформация труда в современном информационном обществе» был проведен социологический опрос (600 человек) трех социальных групп (фрилансеры, индивидуальные предприниматели, студенты г. Ставрополя) в целях проведения сравнительного анализа представлений о труде и факторах его трансформации. Поэтому основными задачами опроса являлись: выяснение отношения к труду студентов, индивидуальных предпринимателей, фрилансеров; определение доминирующих факторов, влияющих на трансформацию труда в современном обществе.

Результаты опроса (табл. 1, 2) показали, что 56 % фрилансеров, 45 % индивидуальных предпринимателей и 42 % студентов считают труд необходимым для творческой и профессиональной самореализации. Важно отметить, что респонденты не показали уверенности в том, что в современном обществе преобладает интеллектуализация труда, физический труд обесценился в обществе: не уверены 30 % фрилансеров и 36 % индивидуальных предпринимателей, студенты в большей степени считают, что современное общество связано с интеллектуализацией труда – 32,5 %.

Вызвало интерес мнение, связанное со спецификой организации труда, т.е. всего 22 % фрилансеров и 23 % индивидуальных предпринимателей «скорее согласны» с тем, что современная трудовая деятельность характеризуется неполным рабочим временем, временной и нестабильной работой. «Скорее согласны» с тем, что автономия труда в современном обществе является критерием успеха профессиональной деятельности – 42 % фрилансеров, 45 % индивидуальных предпринимателей и 30,5 % студентов. Устойчивым считается мнение в кругу фрилансеров, что любой труд должен приносить хороший материальный доход – 76 %. Важным показателем является то, что среди индивидуальных предпринимателей сформировалось мнение – 32 %, что профессионализм и компетентность не обеспечивают успешную трудовую деятельность.

Таблица 1

В какой степени Вы согласны или не согласны с характеристиками труда в современном обществе

	Определенно не согласен	Скорее не согласен	Не уверен	Скорее согласен	Определенно согласен
Фрилансеры					
Труд – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей, необходимых для удовлетворения потребностей	–	12 %	8 %	32 %	48 %
Труд – это необходимость для человека, т.к. важна творческая, профессиональная самореализация в жизни	–	12 %	8 %	24 %	56 %
Преобладает интеллектуализация труда, физический труд обесценился в обществе	14 %	20 %	30 %	16 %	20 %
Профессионализм и компетентность не обеспечивают успешную трудовую деятельность	18 %	38 %	20 %	16 %	8 %
Любой труд должен приносить хороший материальный доход	–	2 %	6 %	16 %	76 %
Современная трудовая деятельность – это неполное рабочее время, временная и нестабильная работа	24 %	24 %	20 %	22 %	10 %
Успешная трудовая деятельность связана с самозанятостью (предприниматель, фрилансер и др.)	12 %	–	34 %	42 %	12 %
Индивидуальные предприниматели					
Труд – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей, необходимых для удовлетворения потребностей	5 %	9 %	27 %	23 %	36 %
Труд – это необходимость для человека, т.к. важна творческая, профессиональная самореализация в жизни	5 %	5 %	9 %	36 %	45 %
Преобладает интеллектуализация труда, физический труд обесценился в обществе	5 %	14 %	36 %	18 %	27 %
Профессионализм и компетентность не обеспечивают успешную трудовую деятельность	9 %	32 %	9 %	18 %	32 %
Любой труд должен приносить хороший материальный доход	5 %	18 %	9 %	23 %	45 %
Современная трудовая деятельность – это неполное рабочее время, временная и нестабильная работа	18 %	23 %	18 %	23 %	18 %
Успешная трудовая деятельность связана с самозанятостью (предприниматель, фрилансер и др.)	9 %	5 %	14 %	45 %	27 %
Студенты					
Труд – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей, необходимых для удовлетворения потребностей	4 %	5 %	8 %	32 %	51 %
Труд – это необходимость для человека, т.к. важна творческая, профессиональная самореализация в жизни	4 %	7 %	12,5 %	34,5 %	42 %
Преобладает интеллектуализация труда, физический труд обесценился в обществе	6,5 %	11 %	21,5 %	32,5 %	28,5 %
Профессионализм и компетентность не обеспечивают успешную трудовую деятельность	37 %	22 %	16 %	13 %	12 %
Любой труд должен приносить хороший материальный доход	4 %	4 %	16 %	31 %	45 %
Современная трудовая деятельность – это неполное рабочее время, временная и нестабильная работа	13 %	30 %	31 %	18 %	8 %
Успешная трудовая деятельность связана с самозанятостью (предприниматель, фрилансер и др.)	5,5 %	9 %	31 %	30,5 %	24 %

К основным факторам трансформации труда в информационном обществе (табл. 2), по мнению респондентов, следует отнести: состояние си-

стемы образования, отсутствие интереса к работе, процессы информатизации, изменившие требования к специалистам.

Какие факторы, по Вашему мнению, влияют на трансформацию труда в современном информационном обществе?

	Фрилансеры	Индивидуальные предприниматели	Студенты
Состояние системы образования, низкий уровень профессиональной подготовки выпускников	52 %	36 %	47 %
Безработица	32 %	25 %	38 %
Трудовая миграция	10 %	32 %	15,5 %
Отсутствие интереса к работе (работа ради денег)	20 %	47 %	48 %
Низкая оценка в обществе физического труда, преобладание интеллектуального труда	20 %	13 %	22 %
Увеличение процента фрилансеров на рынке труда	–	17 %	11 %
Процессы информатизации, изменившие требования к специалистам	36 %	43 %	21 %
Важен материальный достаток, поэтому можно работать по совместительству на нескольких работах	34 %	4 %	18 %
Затрудняюсь ответить	–	6 %	7,5 %

Таким образом, в современном информационном обществе наблюдается трансформация труда, которая обуславливает профессиональную деятельность человека. Труд понимается не только как создание материального блага, но и как свободная, творческая деятельность, направленная на самореализацию человека. Например, А. Турен определял специфику современности с позиции вложения инвестиций, которые имеют не только экономический смысл, «центральным пунктом протеста и требований является счастье» [9, с. 139].

Литература:

1. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб. : Наука, 2006.
 2. Селье Г. Стресс без дистресса. М. : Прогресс, 1982. [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/PSIHO/SELYE/distree.txt>
 3. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. № 3, 2007.
 4. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.
 5. Дэниел Б. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.
 6. Будущее труда. Интервью Элвина Тоффлера // Гуманитарные технологии.
- Аналитический портал. [Электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>
7. Кастельс М. Материалы для исследовательской теории сетевого общества (Castells M. Materials for an exploratory theory of network society. Brit. J. of. Soc., 2000, N 51, p. 5–24) // URL: <http://christsocio.info/content/view/142/1/>

Теоретические и эмпирические исследования показывают, что процессы трансформации труда в информационном обществе носят противоречивый характер, т.е. специфика современного рынка труда требует от человека автономности, мобильности, креативности и вовлеченности в профессиональную деятельность. С другой стороны, социально-экономические условия жизни «заставляют» человека ставить материальный доход в основу трудовой деятельности, работать на нескольких работах, утрачивая интерес к работе.

Literature:

1. Sotsiologiya truda. Teoretiko-prikladnoj tolkovyj slovar' / Otv. red. V.A. YAdov. SPb. : Nauka, 2006.
 2. Sel'e G. Stress bez distressa. M. : Progress, 1982. [EHlektronnyj resurs] // URL: <http://lib.ru/PSIHO/SELYE/distree.txt>
 3. SHevchuk A.V. O budushhem truda i budushhem bez truda // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. № 3, 2007.
 4. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb. : Piter, 2008.
 5. Dehniel B. Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M. : Academia, 1999.
 6. Budushhee truda. Interv'yu EHLvina Tofflera // Gumanitarnye tekhnologii.
- Analiticheskij portal. [EHlektronnyj resurs] // URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/2502>
7. Kastel's M. Materialy dlya issledovatel'skoj teorii setevogo obshhestva (Castells M. Materials for an exploratory theory of network society. Brit. J. of. Soc., 2000, N 51, p. 5–24) // URL: <http://christsocio.info/content/view/142/1/>

8. Манифест против труда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/>

9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

8. Manifest protiv truda [Elektronnyj resurs] // URL: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/>

9. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvuyushhego. Ocherk sotsiologii. M., 1998.

Гаврилюк Татьяна Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент, старший научный сотрудник,
Тюменский индустриальный университет
tv_gavrilyuk@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И КЛАССОВЫЙ АНАЛИЗ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ¹

Аннотация. В статье представлен обзор аксиоматики исследований жизненного пути в современной западной социологии. Структуралистский ракурс анализа в конвенциональной трактовке жизненного пути предполагает внимание к механизмам воспроизводства социального неравенства, что сближает данное исследовательское поле с классовым подходом. Было установлено, что для большинства современных исследований, акцентирующих проблематику неравенства, характерно исходное допущение о различиях нормативных жизненных паттернов среднего и рабочего класса. Стратегии жизненного пути и легитимные средства достижения успеха у исторически дискриминируемых социальных групп отличаются от традиционных, предписываемых доминирующей культурой среднего класса.

Ключевые слова: жизненный путь, исследования жизненного пути, биография, класс, классовый анализ, рабочий класс, средний класс, социальное неравенство, ролевой переход, нормативность.

Исследования жизненного пути («life course studies») представляют собой мультидисциплинарную исследовательскую программу, использующийся в социологии, демографии, психологии, криминалистике и медицине. Чаще всего life course studies характеризуют как особую «перспективу» или «подход», не наделяя статусом теории, что обусловлено спецификой возникновения и институционализации подобных исследований как результата накопления лонгитюдных статистических данных в Европе и США [7]. Аксиоматика этого подхода в социологии базируется на позитивистской доктрине, предполагающей поиск каузальных закономерностей как автономных социальных фактов, наблюдаемых в больших массивах данных. Конвенциональные терминологические рамки исследований жизненного пути формируются к середине 1980-х гг. В 2000-х гг. интерес к проблематике акту-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России»

Tatiana V. Gavrilyuk

candidate of sociological sciences,
associate professor, senior researcher of
Industrial University of Tyumen, Tyumen
tv_gavrilyuk@mail.ru

LIFE COURSE STUDIES AND CLASS ANALYSIS IN WESTERN SOCIOLOGY: THE CROSSING POINTS

Annotation. The article presents an overview of the life course studies axiomatics in modern Western sociology. The conventional structuralist perspective of the life course analysis implies attention to the mechanisms of social inequality reproduction, which brings this research field closer to the class approach. It was found that for the most of modern studies, which emphasize social inequality problematics, the initial assumption about the differences in the normative life patterns of the middle and working class is salient. Life strategies and legitimate means of achieving success for historically discriminated social groups differ from the traditional ones, prescribed by the dominant middle class culture.

Keywords: life course, life course studies, biography, class, class analysis, working class, middle class, social inequality, role transition, normativity.

ализируется, резко возрастает общее количество публикаций, расширяются поля применения подхода и налаживаются междисциплинарные связи.

Ключевой категорией для данной исследовательской программы является *жизненный путь* («life course») – распределенная во времени и упорядоченная *последовательность событий* («events») или ролевых переходов («role transitions») на *протяжении жизни* («lifespans») человека [4, с. 56]. Жизненный путь аналитически разделяется на несколько базовых *траекторий* («trajectories»), плавными из которых являются образовательная, семейная, включающая брак и родительство, профессиональная и карьерная. Траектории ограничены и детерминированы *переходами*, предполагающими возникновение или завершение некоего нового состояния, направления активности, смену социальных ролей. Исследовательский интерес сосредоточен на взаимном влиянии, последовательности и временной синхронизации множественных траекторий и ролевых переходов, при этом особое внимание

акцентируется на ключевых для жизненного пути транзитивных точках – переходу к взрослому состоянию («transition to adulthood») и выходе на пенсию («retirement») [10, с. 32–33]. Статистический анализ трендов индивидуальных жизненных траекторий позволяет выделить типичные для данного общества *социальные траектории* жизни, фокусирующиеся на темпоральной динамике наиболее распространенных в данном обществе *жизненных паттернов*.

Для данной исследовательской программы характерен макросоциологический ракурс анализа, при котором индивидуальный жизненный путь выступает в качестве производной структурных возможностей и ограничений, существующих в рассматриваемый исторический период. При этом как отдельные значимые исторические события, так и тенденции масштабных социальных изменений выступают в качестве детерминанты основных жизненных паттернов представителей той или иной возрастной когорты. Так, работы основателей подхода Д. Элдера [11], Д. Хогана [15] и Дж. Моделла [19] посвящены анализу влияния исторического контекста на воспроизводство структур жизненного пути населения США в эпоху после Второй мировой войны.

В 1970–1980-е гг. такие авторы, как Д. Хоган [15] и Дж. Мейер [18] настаивают на росте стандартизации жизненного пути в течение XX века как следствии влияния государства и увеличении институциональной регламентации социальной жизни. В этот же период выдвигаются эмпирические гипотезы о существовании некоего «*нормативного*» *жизненного пути* и различных траекторий в его рамках [20], а также рассматриваются многообразные варианты отклонения от модальных тенденций. Нормативные паттерны выявляются как позиция в структуре представлений и ценностей респондентов относительно «допустимой», «правильной» или «идеальной» последовательности и временных рамок исполнения социальных ролей в течение человеческой жизни. Например, большинство американских исследований 1960–1980 гг. свидетельствуют о закреплении в массовом сознании идей относительно «лучшего возраста» ролевых переходов [14].

На рубеже 1990–2000 гг. растущая индивидуализация жизненных паттернов интерпретировалась авторами и в позитивном ключе, как следствие снижения институциональных ограничений и роста возможностей индивидуального выбора [24], и в негативном – как проявление кризиса традиционных институтов, затрудняющего переход во взрослую жизнь современных молодых людей [3]. Внимание также сосредотачивалось на последствиях глобальной трансформации капиталистической экономики, проблематизирующей переход во взрослую жизнь, который по-прежнему связывался с освоением профессиональных ролей, формирующих экономический фундамент для формирования семьи. По мнению ряда авторов, трансформация труда, приведшая к доминированию на рынке низкооплачиваемой работы со слабыми карьерными перспективами, а также рост безработицы, снижают

возможности социальной мобильности молодежи и затрудняют её переход в состояние взрослости [16, с. 17].

Анализ сопряженности динамики жизненного пути и неравенства социальных статусов становится актуальной исследовательской проблемой в начале 2000-х гг. Доминирующим в настоящее время является стратификационный подход, связывающий жизненные траектории с различными факторами дифференциации – возраст, гендер, территория проживания, доход, образование и раса. Классовый подход в *life course studies* представлен в значительно меньшей степени, однако классовая проблематика, не артикулированная в качестве центральной для исследовательской методологии, прослеживается во множестве работ, выполненных в русле стратификационной или интерсекциональной перспективы. Так, Дж. Голдштейн и С. Кенни, анализируя брачное поведение женщин, приходят к выводу о диверсификации жизненных паттернов, свидетельствующих об инверсии традиционных классовых различий. Согласно их данным, афроамериканские женщины, не окончившие колледж, имеют наименьшую вероятность вступления в брак, в то время как шансы белых образованных женщин на замужество в последнее время возрастают. Наблюдаемая тенденция разрушения связи социального класса с нормативно закреплёнными паттернами демографического поведения женщин (рабочий класс – раннее замужество и многодетность, средний класс – преимущественное внимание образованию и карьере, более позднее замужество, меньшее количество детей) приводит авторов к довольно популярному на рубеже 1990–2000-х годов выводу о «конце классов» [9].

Вместе с тем, большинство исследований, акцентирующих проблематику неравенства, сохраняют исходное допущение о различиях образа жизни и нормативных паттернов среднего и рабочего класса. Например, в работе А. Джеронимо конца 1980-х гг. утверждается, что раннее родительство в возрасте 16 лет для афроамериканских женщин с низким социально-экономическим статусом может быть более подходящей жизненной стратегией и не иметь таких же негативных социальных, физических и психологических последствий, как для белых женщин и мужчин с высоким социально-экономическим статусом [8]. Современные исследования также демонстрируют сохраняющуюся связь подростковой беременности и социального класса – расовые меньшинства в США в два и более раза чаще становятся родителями в подростковом возрасте, чем белое население [25]. Ранние беременности имеют непосредственную корреляцию с низким социально-экономическим статусом и маргинализацией [5] или являться частью социально приемлемой жизненной стратегии для низшего класса и меньшинств [17; 22].

Представление о «нормативном жизненном пути», сложившееся в *life course studies* во второй половине XX века, по мысли ряда современных авторов, отражает лишь перспективу белого мужчины среднего класса. Для экономически

неблагополучных меньшинств переход к взрослости начинается в более раннем возрасте [24], стратегии жизненного пути и легитимные средства достижения успеха у исторически дискриминируемых социальных групп молодежи отличаются от традиционных, предписываемых доминирующей культурой среднего класса. В исследовании М. Аугустин и Д. Джексон, выявляя корреляцию между «преждевременным» переходом во взрослую жизнь и антисоциальным поведением, эмпирически установлено, что в большинстве случаев для менее привилегированных групп данный переход оказывает защитное влияние, предотвращая антисоциальное поведение, или же не оказывает никакого влияния; для групп же с более высоким доходом и уровнем жизни, раннее начало взрослой жизни приводит к росту антисоциального поведения. Таким образом, преждевременный переход более нормативен, или, по крайней мере, менее стигматизирован социальной средой низшего класса [2, с. 17].

Классовые различия также сказываются на переходе молодых людей от учебы к работе, влияя на их отношение к труду, мотивацию, адаптационные способности и развитие карьеры. Увеличивающийся разрыв в доступе к высшему образованию заставляет молодежь из маргинализированных слоев населения (малообеспеченные семьи, этнические меньшинства) прикладывать усилия для более раннего начала трудовой активности. В целом уже в период школьного обучения многие из них имеют более высокооплачиваемую, но и более тяжелую работу, чем их более обеспеченные сверстники [21]. Как отмечают исследователи, в целом переход во взрослую жизнь молодежи рабочего класса осуществляется быстрее, нежели у молодежи среднего класса [13]. Проблематичной остаётся и роль институтов послешкольного образования (колледж и университет) в процессе перехода ко взрослой жизни представителей разных классов. Отмечается, что вместо того, чтобы служить каналом вертикальной социальной мобильности и сокращать классовые барьеры, данные социальные институты воспроизводят сложившиеся структуры социального неравенства. Выступая механизмом социальной селекции, они сохраняют и поддерживая кумулятивное отставание представителей рабочего класса, чьи конкурент-

Литература:

1. Aronson P. Breaking barriers or locked out? Class-based perceptions and experiences of post-secondary education. In J.T. Mortimer (Ed.), *Social class and transitions to adulthood*. New Directions for Child and Adolescent Development, 119, 2008. Pp. 41–54.
2. Augustyn M.B. An Intersectional Look at the «Rush to Adulthood!»: Considering the Role of Gender, Race and SES in the Link Between Precocious Transitions and Adult Antisocial Behavior / M.B. Augustyn, D.B. Jackson. *Youth & Society*, 2017. P. 1–24.
3. Booth A. Transitions to adulthood in a changing economy: No work, no family, no future? / A. Booth,

ные шансы по сравнению с молодежью среднего класса остаются низкими [1, с. 50].

Одно из ключевых для современной социальной теории противоречий – социальной структуры и индивидуальной агентности – не обошло и поле исследований жизненного пути. Многие авторы критиковали конвенциональный подход за элиминирование субъектности в анализе устойчивых жизненных паттернов. С одной стороны, апелляция к общепринятым объяснительным конструктам, таким как раса, гендер, класс и влияние социальных институтов, не позволяла прояснить значение индивидуального волевого акта, различия индивидуальных способностей и прикладываемых усилий в достижении цели, раскрыть механизм осуществления значимых выборов. С другой стороны, невнимание к структурным ограничениям вызывало опасные общественно-политические импликации: когда жизненный путь трактуется лишь как производная индивидуальных решений и действий, ответственность за собственную биографию полностью перекладывается на индивида, а существующие барьеры и препятствия, связанные с социальным неравенством, игнорируются или сознательно замалчиваются.

Снятие концептуального напряжения между теориями структуры и агентности позволило использовать понятие биографии для исследования процесса социального конструирования жизни в пределах институционально заданных параметров [12]. Эвристические возможности теорий социального действия и качественных методов исследования позволяют выявить субъективные смыслы, вкладываемые в процессы ролевых переходов представителями разных социальных классов и когорт. Сближение прежде противоречивых методологических позиций позволило авторам обозначить необходимость пересмотра ряда базовых аналитических категорий (например, отказать от упрощенного взгляда на социальный переход как на набор определенных событий) и более отчетливо артикулировать необходимость герменевтической перспективы в исследованиях жизненного пути [6]. Классовая перспектива в *life course studies* помогает прояснить различия в динамике жизненного пути представителей разных классов и социальных групп, предлагая многомерные модели социальной дифференциации.

Literature:

1. Aronson P. Breaking barriers or locked out? Class-based perceptions and experiences of post-secondary education. In J.T. Mortimer (Ed.), *Social class and transitions to adulthood*. New Directions for Child and Adolescent Development, 119, 2008. Pp. 41–54.
2. Augustyn M.B. An Intersectional Look at the «Rush to Adulthood!»: Considering the Role of Gender, Race and SES in the Link Between Precocious Transitions and Adult Antisocial Behavior / M.B. Augustyn, D.B. Jackson. *Youth & Society*, 2017. P. 1–24.
3. Booth A. Transitions to adulthood in a changing economy: No work, no family, no future? / A. Booth,

A.C. Crouter, M.J. Shanahan. Westport: Praeger, 1999.

4. *Braboy Jackson P.* The structure of life course: gender and racioethnic variation in the occurrence and sequencing of role transitions. In *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* / P. Braboy Jackson, A. Berkowitz. *Advances in Life Course Research*, Volume 9, 2005. P. 55–90.

5. *Boonstra H.D.* What is behind the declines in teen pregnancy rates? [Электронный ресурс]. *Guttmacher Policy Review*, 17(3), 2014. URL: <https://www.guttmacher.org/sites/default/files/pdfs/pubs/gpr/17/3/gpr170315.pdf> (Дата обращения: 18.01.2018).

6. *Bird K.* The secret of transition: the interplay of complexity and reduction in life course analysis. In / K. Bird, H. Kruger. *Towards an Interdisciplinary Perspective on the Life Course* *Advances in Life Course Research*, Volume 10, 2005. P. 173–194.

7. *Bynner J.* Institutionalization of life course studies. In M.J. Shanahan et al. *Handbook of Life Course*. Springer International Publishing Switzerland. 2016. P. 27–58.

8. *Geronimus A.T.* On teenage childbearing and neonatal mortality in the United States. *Population and Development Review*, 13, 1987. P. 245–279.

9. *Goldstein J.R.* Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women / J.R. Goldstein, C.T. Kenney. *American Sociological Review*, 66, 2001. P. 506–519.

10. *Elder G.H.* *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968–1980*. Ithaca : Cornell University Press, 1985. P. 32–33.

11. *Elder G.H.* *Children of the great depression: Social change in life experience*. Chicago : The University of Chicago Press, 1999.

12. *Falk S.* Social change, the life course, and socialization: biographies of labor market entrants after inification / S. Falk, A. Weymann. *Advances in Life Course Research*, Volume 7, 2002. P. 501–526.

13. *Furstenberg F.F.* Growing up is harder to do / F.F. Furstenberg, S. Kennedy, V.C. McLoyd, R.G. Rumbaut, R.A. Settersten. *Contexts*, 3 (3), 2004. Pp. 33–41.

14. *Hogan D.* The variable order of events in the life course. *American Sociological Review*, 43, 1978. Pp. 573–586.

15. *Hogan D.P.* *Transitions and social change: The early lives of American men*. New York : Academic Press, 1981.

16. *Macmillan R.* The structure of the life course: classic issues and current controversies. *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* *Advances in Life Course Research*, Volume 9, 2005. P. 3–24.

A.C. Crouter, M.J. Shanahan. Westport: Praeger, 1999.

4. *Braboy Jackson P.* The structure of life course: gender and racioethnic variation in the occurrence and sequencing of role transitions. In *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* / P. Braboy Jackson, A. Berkowitz. *Advances in Life Course Research*, Volume 9, 2005. P. 55–90.

5. *Boonstra H.D.* What is behind the declines in teen pregnancy rates? [Электронный ресурс]. *Guttmacher Policy Review*, 17(3), 2014. URL: <https://www.guttmacher.org/sites/default/files/pdfs/pubs/gpr/17/3/gpr170315.pdf> (Дата обращения: 18.01.2018).

6. *Bird K.* The secret of transition: the interplay of complexity and reduction in life course analysis. In / K. Bird, H. Kruger. *Towards an Interdisciplinary Perspective on the Life Course* *Advances in Life Course Research*, Volume 10, 2005. P. 173–194.

7. *Bynner J.* Institutionalization of life course studies. In M.J. Shanahan et al. *Handbook of Life Course*. Springer International Publishing Switzerland. 2016. P. 27–58.

8. *Geronimus A.T.* On teenage childbearing and neonatal mortality in the United States. *Population and Development Review*, 13, 1987. P. 245–279.

9. *Goldstein J.R.* Marriage delayed or marriage forgone? New cohort forecasts of first marriage for U.S. women / J.R. Goldstein, C.T. Kenney. *American Sociological Review*, 66, 2001. P. 506–519.

10. *Elder G.H.* *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968–1980*. Ithaca : Cornell University Press, 1985. P. 32–33.

11. *Elder G.H.* *Children of the great depression: Social change in life experience*. Chicago : The University of Chicago Press, 1999.

12. *Falk S.* Social change, the life course, and socialization: biographies of labor market entrants after inification / S. Falk, A. Weymann. *Advances in Life Course Research*, Volume 7, 2002. P. 501–526.

13. *Furstenberg F.F.* Growing up is harder to do / F.F. Furstenberg, S. Kennedy, V.C. McLoyd, R.G. Rumbaut, R.A. Settersten. *Contexts*, 3 (3), 2004. Pp. 33–41.

14. *Hogan D.* The variable order of events in the life course. *American Sociological Review*, 43, 1978. Pp. 573–586.

15. *Hogan D.P.* *Transitions and social change: The early lives of American men*. New York : Academic Press, 1981.

16. *Macmillan R.* The structure of the life course: classic issues and current controversies. *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* *Advances in Life Course Research*, Volume 9, 2005. P. 3–24.

17. *Meier A.* Intimate relationship development during the transition to adulthood: Differences by social class / A. Meier, G. Allen. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 119, 2008. P. 25–39.

18. *Meyer J.* The self and the life course: Institutionalization and its effects. In: A. Sorenson, F. Weinert and L. Sherrod (Eds), *Human development and the life course: Multidisciplinary perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 199–216.

19. *Modell J.* Into one's own: From youth to adulthood in the United States, 1920–1975. Berkeley: University of California Press, 1989.

20. *Moer P.* Continuities and discontinuities in women's labor force activity. In: G.H. Elder Jr. (Ed.), *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968–1980*. Ithaca: Cornell University Press, 1985.

21. *Mortimer J.T.* Working and growing up in America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

22. *Penman-Aguilar A.* Socioeconomic disadvantage as a social determinant of teen childbearing / A. Penman-Aguilar, M. Carter, M.C. Snead, A.P. Kourtis. *U.S. Public Health Reports*, 128 (2 Suppl. 1), 2013. P. 5–22.

23. *Roy K.* Growing up as «man of the house»: Adultification and transition into adulthood for young men in economically disadvantaged families. In K. Roy & N. Jones (Eds.), *Pathways to adulthood for disconnected young men in low-income communities* / K. Roy, L. Messina, J. Smith, D. Waters. *New Directions in Child and Adolescent Development*, 143, 2014. P. 55–72.

24. *Shanahan M.J.* Pathways to adulthood in changing societies: Variability and mechanisms in life course perspective. *Annual Review of Sociology*, 26, 2000. P. 667–692.

25. *Wiltz T.* Racial and ethnic disparities persist in teen pregnancy rates. Stateline, NV: Pew Charitable Trusts, 2015.

17. *Meier A.* Intimate relationship development during the transition to adulthood: Differences by social class / A. Meier, G. Allen. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 119, 2008. P. 25–39.

18. *Meyer J.* The self and the life course: Institutionalization and its effects. In: A. Sorenson, F. Weinert and L. Sherrod (Eds), *Human development and the life course: Multidisciplinary perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 199–216.

19. *Modell J.* Into one's own: From youth to adulthood in the United States, 1920–1975. Berkeley: University of California Press, 1989.

20. *Moer P.* Continuities and discontinuities in women's labor force activity. In: G.H. Elder Jr. (Ed.), *Life course dynamics: Trajectories and transitions, 1968–1980*. Ithaca: Cornell University Press, 1985.

21. *Mortimer J.T.* Working and growing up in America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

22. *Penman-Aguilar A.* Socioeconomic disadvantage as a social determinant of teen childbearing / A. Penman-Aguilar, M. Carter, M.C. Snead, A.P. Kourtis. *U.S. Public Health Reports*, 128 (2 Suppl. 1), 2013. P. 5–22.

23. *Roy K.* Growing up as «man of the house»: Adultification and transition into adulthood for young men in economically disadvantaged families. In K. Roy & N. Jones (Eds.), *Pathways to adulthood for disconnected young men in low-income communities* / K. Roy, L. Messina, J. Smith, D. Waters. *New Directions in Child and Adolescent Development*, 143, 2014. P. 55–72.

24. *Shanahan M.J.* Pathways to adulthood in changing societies: Variability and mechanisms in life course perspective. *Annual Review of Sociology*, 26, 2000. P. 667–692.

25. *Wiltz T.* Racial and ethnic disparities persist in teen pregnancy rates. Stateline, NV: Pew Charitable Trusts, 2015.

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры региональной социологии и
моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Рачипа Андрей Валерьевич

доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии, истории и политологии,
Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах,
Южный федеральный университет
rachipa@sfnu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор
кафедры управления персоналом
и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Natalya K. Gafiatulina

candidate of sociological science,
associate professor of chair of region
sociology and modeling of social processes,
Institute of sociology and regional studies,
Southern federal university
gafiatulina@yandex.ru

Andrey V. Rachipa

doctor of sociological sciences, professor of
department of sociology, history and political
science, Institute of management in
economic, ecological and social systems,
southern federal university
rachipa@sfnu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of
chair of human resource
management and sociology,
Rostov state economic university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**ИНФОРМАЦИОННАЯ
СЕТЕВАЯ СРЕДА
КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ
НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Данная статья посвящена определению влияния фактора сетевой среды на социальное здоровье российской студенческой молодежи. «Сетевые сообщества» являются не только универсальным средством коммуникации, но и источником возникновения рисков и угроз социальному здоровью студенческой молодежи.

Ключевые слова: социальное здоровье, российская студенческая молодежь, информационная сетевая среда, мотивы сетевого поведения.

Современная российская молодежь формируется и функционирует в информационном сетевом пространстве, сформированном на пересечении реального и виртуального миров. Информационная сетевая среда становится одним из главных атрибутов современного мирового сообщества, различных социальных групп, и в особенности это касается студенческой молодежи, поскольку виртуальному общению эта особая социальная группа отдает все большее предпочтение. Сетевая среда как обширное виртуальное информационное поле образуют осо-

**THE INFORMATION
NETWORK ENVIRONMENT AS
A FACTOR OF INFLUENCE ON
THE SOCIAL HEALTH OF
RUSSIAN STUDENT YOUTH**

Annotation. This article is devoted to determining the influence of the network environment factor on the social health of Russian student youth. «Network communities» are not only a universal means of communication, but also a source of risks and threats to the social health of student youth.

Keywords: social health, Russian student youth, information network environment, motives of network behavior.

бую реальность «Онлайн» и вследствие этого способствуют порождению новой молодежной Интернет-культуры со своими понятиями, правилами, ценностями, принципами, образом жизни, которая на сегодняшний день является одной из главных составляющих становления информационного общества [1].

О том, что социальные сети прочно укоренились в общественной жизни учащейся и студенческой молодежи, и стали частью молодежных повседневных практик, свидетельствуют данные

ВЦИОМ и ФОМ, согласно которым в России на 2014 г. среди молодежи интернетом пользуются порядка 90 % респондентов [2].

Рост влияния информационной сетевой среды на самые различные сферы общественной жизни сопровождается ростом рисков их использования. «Сетевые сообщества» являются не только универсальным средством коммуникации, но и источником возникновения рисков и угроз социальному самочувствию и здоровью многих социальных групп, и особенно это касается студенческой молодежи, которой присуще стремление ко всему новому, необычному и неизведанному. Обратной стороной молодежной «сетевизации» стало появление новых типов и способов социального взаимодействия, характеризующихся, в том числе, и социально опасными проявлениями. Эти проявления выражаются, с одной стороны, в отсутствии системы санкций и контроля над распространением информации любого типа в Интернете, с другой – угрожают психическому и социальному здоровью молодых поколений россиян.

Погружение в виртуальный мир сетевой среды с риском риска для социального здоровья молодежи связано как с субъективными факторами (проблема выбора образа и стиля жизни как формы социального самоопределения, жизненной самореализации); так и объективными факторами, например, такими как социально-экономический кризис в России: кризис ухудшил и без того маргинальное, неустойчивое социальное положение молодых людей и поставил их в конфликтные противоречия с обществом. Это предопределило для многих молодых людей появление риска нереализованных возможностей, что неизбежно привело молодежь к активному потреблению продукции масс медиа, проводником которой является в первую очередь социальная сеть Интернет.

Неоднозначность и рискогенность влияния сетевой среды на молодежь вызывает интерес к изучению этой проблемы. Поэтому возникает необходимость исследования мотивов сетевого поведения и пользовательской активности современной молодежи в сетях с тем, чтобы определить риски для социального здоровья студенческой молодежи.

Прежде всего, определимся, что же мы понимаем под категорией «социальное здоровье» молодежи в рамках данной публикации.

Первоначально стоит обратиться к Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которая интерпретирует здоровье в качестве междисциплинарного понятия, исходя из социальной модели здоровья, в которую включаются не только физические и физиологические возможности человека, но и социальные, а также личностные ресурсы [3].

Социальное здоровье связано с влиянием на личность других людей, общества в целом, и зависит от места и роли молодого человека в межличностных отношениях [4]. Социальное

здоровье отражает меру социальной активности, выступает формой активного, деятельного отношения к миру, включенности индивида в общество, в разнообразные социальные связи и отношения, в том числе и в сетевое взаимодействие. Указанные вопросы находятся в фокусе внимания научных интересов зарубежных социологов, а именно: Т. Майза, Д. Ханефельд, Д. Вейрей, Н. Лунт, О. Манор; а также отечественных социологов: Р.А. Зобова, И.В. Кузнецовой, Л.В. Колпиной, Т.Б. Сергеевой, Т.Б. Соколовой, А.Н. Сошнева.

По мнению Л.А. Байковой, социальное здоровье молодежи может рассматриваться как результирующая переменная социально детерминированного поведения. «Существует синергетичная взаимосвязь этих двух феноменов – «здоровье общества» и «социальное здоровье каждого субъекта общественных отношений». Состояние социальной среды, социально-экономические катаклизмы ведут к росту количества правовых нарушений, проявлению девиантного поведения» [5, с. 13].

Социальное здоровье молодежи является неким новообразованием, которое возникает и развивается вместе со становлением личности и детерминировано социальными отношениями, господствующими в той или иной социальной группе в той или иной сфере (в том числе и в сфере сетевого поведения). Социальная составляющая здоровья отражает социальные связи, межличностные отношения и сетевые контакты [5].

Таким образом, использование нами категории «социальное здоровье» молодежи обосновано процессом включения молодого человека в качестве дееспособного субъекта в систему социальных отношений, т.е. диалектической взаимосвязью с вопросами взаимодействия в системе «личность – общество», «личность – сетевое сообщество».

Информационная сетевая среда становится фактором виртуализации сознания молодежи, в чем многим ученым видится отрицательный потенциал влияния сетевого сообщества на состояние социального здоровья.

А каковы же мотивы сетевого поведения российской студенческой молодежи? Начнем с того, что студенческая молодежь в большей степени, чем иные социальные группы, в силу возрастных, психологических и социальных особенностей отличается высокой степенью восприимчивости к воздействию разного рода информации сети Интернет. При этом ведущим мотивом высокой пользовательской активности российской студенческой молодежи является доминирование позитивного восприятия от интернета, как от источника информации и средства коммуникации.

У студенческой молодежи преимущество отдается познавательной мотивации сетевого поведения, связанной, главным образом, с подготовкой к учебным занятиям. Познавательная мотивация сетевого поведения обосновывается ре-

спондентами с точки зрения требований профессиональной подготовки, минимизации усилий (экономии сил и времени), возможности совмещения подготовки к учебным занятиям с общением. Помимо тех профессиональных знаний, которые, по мнению респондентов, они приобретают, адресуясь к Интернету, происходит открытие нового в сфере повседневной культуры, поведенческих норм и культурных практик.

Вторым мотивом сетевого поведения студенческой молодежи, напрямую связанным с первым, познавательным, выступает мотив информационный, заключающийся в получении и потреблении молодежью разного рода информации. Третьим мотивом, являющимся, на наш взгляд, квинтэссенцией первого и второго – является коммуникативный мотив, который заключается в представлениях молодежи об Интернете как способе общения. Получение информации и коммуникация, в свою очередь, может приводить к четвертому и пятому мотивам – экономическому и мотиву потреблению разного рода услуг, приводящим к самостоятельному зарабатыва-

нию молодыми людьми денег на удовлетворение собственных потребностей. Шестым мотивом сетевого поведения российской студенческой молодежи является мотив самореализации, заключающийся в удовлетворении социальных потребностей (в принадлежности, принятии, росте). И, наконец, седьмым мотивом сетевого поведения студенческой молодежи является ее праздное времяпрепровождение в социальных сетях, имеющее развлекательный характер (прослушивание музыки, чтение разнообразных новостей, просмотр фильм, фотографий, видео, участие в сетевых играх и развлечениях).

В соответствии с авторским социологическим опросом (двух субъектов Южного федерального округа и двух субъектов Северо-Кавказского федерального округа) по изучению состояния и факторов формирования, структуры, функций и уровней рискогенности социального здоровья молодежи в современном российском обществе, мы обнаружили, что важным для опрошенной студенческой молодежи является «общение в сети интернет».

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы занимаетесь следующими видами деятельности?» (варианты ответов даны по группам в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	Часто	Время от времени	Редко	Не занимаюсь	
Общение в сети интернет	Республика Чечня				
	42,7	28,2	17,7	11,3	
	Ростовская область				
	68,8	22,8	7,9	0,5	
	Республика Дагестан				
	46,8	36,4	11,6	5,2	
Всего:	Республика Адыгея				
	55,8	20,9	16,3	7,0	
	56,6	28,2	11,4	3,8	
	Проведение времени за компьютером (работа, учеба)	Республика Чечня			
		31,5	35,5	22,6	10,5
		Ростовская область			
57,7		32,8	8,9	0,5	
Республика Дагестан					
26,6		40,2	25,7	7,5	
Всего:	Республика Адыгея				
	44,2	39,5	11,6	4,7	
	41,2	37,0	16,9	4,8	
	Проведение времени за компьютером (игра)	Республика Чечня			
		8,9	18,5	29,8	42,7
		Ростовская область			
12,5		19,0	29,8	38,8	
Республика Дагестан					
8,1		17,6	35,0	39,3	
Всего:	Республика Адыгея				
	18,6	18,6	30,2	32,6	
	11,0	18,0	31,4	39,6	

Таким образом, исходя из данных, представленных в таблице, важным для опрошенных является «общение в сети интернет», причем его частотность довольно высока (больше половины опрошенных). Следовательно, одной из главных форм поведения современной студенческой молодежи стало общение и времяпрепровождение в социальных сетях.

В этой связи одним из отрицательных качеств информационной сетевой среды, на наш взгляд, можно отнести то, что она набирает обороты и понемногу выходит на первый план в межличностной коммуникации. Людям, особенно молодежи, становится проще общаться на различных сайтах, чем в реальной жизни, а это грозит риском деградации специфически человеческой

речевой функции. Такого рода сайты оказывают влияние не только на психическое, но и социальное здоровье молодых людей, они становятся зависимыми от сети Интернет, и в связи с этим возникло совершенно новое понятие, характеризующее патологическую форму сетевого поведения – «игромания» – «Интернет-зависимость».

И.А. Болдакова к социальным рискам виртуальной социализации и мотивации сетевого поведения для социального здоровья студенческой молодежи относит: во-первых, нарушение основных функций социализации (обеспечение преемственности в развитии); во-вторых, возникновение агрессивных форм поведения вплоть до молодежного радикализма, причем одним из факторов развития агрессии являются разнообразные сетевые игры; в-третьих, получение информации из сети Интернет сомнительного содержания, причиняющей определенный вред социальному здоровью и психосоциальному развитию студенческой молодежи; в-четвертых, нарушение процесса включения молодого человека в качестве дееспособного субъекта в систему общественных отношений (поскольку молодой человек, общающийся в виртуальном мире, может удовлетворять свои потребности, не затрачивая особых усилий) [6].

И, конечно, следствием того, что современной молодежи становится легче реализовать себя в виртуальном мире, нежели в реальном, является рост различных форм девиантного поведения [7].

Так, российский исследователь сетевого поведения Л.А. Оганисян, анализируя риски социализации молодежи интернете, в качестве основных рисков сетевого поведения называет следующие: негативное влияние на развитие личности; нарушение прав человека; получение недостоверной, опасной информации; формирование интернет-зависимости; негативное влияние на психическое и социальное здоровье; отрицательное воздействие на физическое здоровье; девальвация морали и нравственности; снижение общего культурного уровня; вытеснение и

Литература:

1. Шимко С.В. Специфика социализационных рисков в российском обществе : монография. Ростов н/Д., 2012. 122 с.
2. ФОМ. Соцсети: кто и для чего их использует. 24.09.2014. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11718> (дата обращения: 15.10.2017).
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
4. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье молодежи как ресурс развития социального партнерства в структуре дополнительного профессионального образования // Образование, наука, инновации: Южное измерение. 2014. № 3 (35). С. 111–117.

ограничение традиционных форм общения; различные негативные социальные влияния [8].

В результате проведенного анализа, мы выделили следующие риски для социального здоровья студенческой молодежи, возникающие в результате наличия указанных нами ранее мотивов сетевого поведения:

– во-первых, информационные риски, заключающиеся в столкновении с социально деструктивной, дезинформирующей, а зачастую и противоправной информацией, нарушающей социальное взаимодействие молодежи в системе «личность – общество»;

– во-вторых, риски формирования аддиктивных форм поведения в результате воздействия киберинформации девиантной и делинквентной направленности [9];

– в-третьих, коммуникативные риски, возникающие в результате формирования зависимости от онлайн-коммуникации и пользования различными сетевыми ресурсами;

– в-четвертых, риск подмены реальных отношений на виртуальные, и, как следствие этого, – возникновение рисков ограничения эмоциональных контактов и традиционных форм общения, а также нарушения реальных социальных коммуникаций;

– в-пятых, риск преувеличения виртуальных ценностей и девальвации нравственного поведения: известно, что социальные сети нивелируют у молодых людей основные традиционные общечеловеческие ценности [10].

Таким образом, мы не без оснований полагаем, что социальные сети, становясь мощным агентом социализации учащейся и студенческой молодежи, по силе воздействия отрицательного характера на социальное здоровье выступают источником рискогенности для социального здоровья студенческой молодежи и фактором риска современного пространства российского общества.

Literature:

1. Shimko S.V. Specificity of socialization risks in Russian society : monograph. Rostov n / D., 2012. 122 p.
2. POF. Social networks: who uses them for what. 09/24/2014. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11718> (date of circulation: 15.10.2017).
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
4. Gafiatulina N.Kh. Social Youth Health as a Resource for the Development of Social Partnership in the Structure of Additional Professional Education // Education, Science, Innovation: The Southern Dimension. 2014. № 3 (35). P. 111–117.

5. Байкова Л.А. Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория, практика: монография. Рязань, 2011. 224 с.

6. Болдакова И.А. Основные риски киберсоциализации молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 37. С. 151–155. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>

7. Комбарова Е.В. Особенности социального риска молодежи в условиях современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 44–49.

8. Оганисян Л.А. Современная молодежь в сети Интернет // Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Самара, 2015. 418 с.

9. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

10. Муллахмедова С.С. Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества / С.С. Муллахмедова, Д.С. Шихалиева, Н.Х. Гафиатулина, Э.М. Загирова. Махачкала : ДГТУ, 2017. 189 с.

5. Baykova L.A. Social health of children and youth: methodology, theory, practice: monograph. Ryazan, 2011. 224 with.

6. Boldakova I.A. The main risks of cybersocialization of young people // Scientific and methodical electronic journal «Concept». 2015. P. 37. P. 151–155. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>

7. Kombarova E.V. Peculiarities of Social Risk of Youth in Conditions of Modern Russian Society // Srednerussky Vestnik Social Sciences. 2010. № 1. P. 44–49.

8. Oganisyan L.A. Modern youth in the Internet // Social behavior of youth on the Internet: new trends in the era of globalization: materials of the International. scientific-practical. Conf. students, graduate students and young scientists. Samara, 2015. 418 p.

9. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

10. Mullakhmedova S.S. Spiritual development of personality in the conditions of modernization of Russian society / S.S. Mullakhmedova, D.S. Shikhalieva, N.Kh. Gafiatulina, E.M. Zagirova. Makhachkala : DGTU, 2017. 189 p.

Загутин Дмитрий Сергеевич

доктор философских наук,
кандидат технических наук,
профессор кафедры связей
с общественностью,
Донской государственной
технической университет
rostov-zd@mail.ru

Нагнибеда Борис Алексеевич

кандидат технических наук,
доцент кафедры горного дела,
Южно-Российский государственный
политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова
ban_novoch@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78_@yandex.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ ЧЕРЕЗ
ПОДГОТОВКУ ИНЖЕНЕРОВ
В СИСТЕМЕ МНОГОУРОВНЕВОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Авторы статьи отмечают, что уровень экологической культуры общества и отдельных специалистов оказывает непосредственное влияние на экологическую безопасность биосистем, использование природных ресурсов. Однако сегодня в результате влияния научно-технического прогресса, понятие экологической безопасности уже вбирает в себя и аспекты отражающие влияние научно технической революции на формирование отношения отдельного человека на окружающую природу. Сегодня в России вопросу экологической безопасности не достаточно полно уделяется внимания, но самое важное, на наш взгляд, это некорректное толкование понятия промышленной экологии в нормативной документации, что безусловно не позволяет разглядеть основную опасность надвигающуюся на современное общество.

Ключевые слова: экология, производство, промышленная экология, экологическая безопасность, творческая деятельность, социальная экология.

Dmitry S. Zagutin

doctor of philosophical science,
Candidate of Technical Sciences,
Professor of the Department of
Communications with the public,
The Don State Technical University
rostov-zd@mail.ru

Boris A. Nagnibeda

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of
the Department of Mining,
South-Russian State polytechnical University
(NPI) of M.I. Platov
ban_novoch@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of Management
staff and sociology,
Rostov State University
the University of Economics
samugin78_@yandex.ru

**FORMATION OF ECOLOGICAL
SAFETY OF RUSSIA THROUGH
TRAINING OF SPECIALISTS IN
THE SYSTEM OF MULTILEVEL
EDUCATION**

Annotation. Level of ecological culture of society and certain experts exerts direct impact on ecological safety of biosystems, use of natural resources. However today as a result of influence of scientific and technical progress, the concept of ecological safety already incorporates also the aspects reflecting influence of scientifically technical revolution on formation of the relation of the certain person on the surrounding nature. The issue of environmental safety is not paid enough attention, but most importantly, in our opinion, this is an incorrect interpretation of the concept of industrial ecology in the regulatory documentation, which certainly does not allow us to discern the main danger looming on modern society.

Keywords: ecology, production, industrial ecology, ecological safety, creative activity, social ecology.

Ключевыми решениями 2017 года в России стало внедрение современных природоохранных технологий, улучшение экологических показателей регионов, создание эффективной системы утилизации отходов, защита Байкальской природной территории, сохранение для будущих поколений водных, лесных и земельных ресурсов, развитие заповедных систем.

В указанный период времени, большое внимание уделено вопросам совершенствования нормативно-правовой основы в области экологии, а также развитию особо охраняемых природных территорий (ООПТ), поддержания биологического разнообразия.

Так в рамках экологического просвещения за 2017 г. в Ростовской области проведено 22 массовых, научных и практических мероприятия. Среди них фестиваль «Наука в открытом доступе: Экология 2017», фестиваль науки «Включай ЭКОлогику», организация просветительских мероприятий в эколого-образовательном центре «Экориум», организация и проведение экологической смены в рамках окружного молодежного форума «Ростов» и многие другие. Основная задача Года экологии – обеспечение экологической безопасности и сохранение уникальной природы России, не смотря на то, что отражает основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года и Государственную программу Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы [3, 4], решена лишь частично.

На практике мало внимания уделяется вопросам социальной экологии, а точнее особого раздела – экологии человека, о чем хотелось более подробно осветить в данной статье. Социальная экология изучает отношения между человеческим сообществом и окружающей географической, социальной и культурной средой, влияние производственной деятельности на состав и свойства окружающей среды, экологическое воздействие антропогенных факторов на генофонд человечества и здоровье человека. При этом под окружающей средой социальная экология понимает совокупность естественных условий и общественных творений, в которых живет человек как природное и социальное существо, т.е. атмосферу, гидросферу, литосферу, растения, животные, микроорганизмы и, наконец, техносферу.

Однако в жизни мы видим как рост потребительской и одновременно падение экологической культуры человека в настоящий период развития цивилизации становится источником экологических рисков и угроз для всего населения Земли. Очевидно, что такие тенденции негативно оказывают влияние на будущее планеты и человечество в целом.

Сегодня такая область научного знания, как промышленная экология должна стать основой в формировании экологической культуры населения и, прежде всего, у будущих инженеров. Очевидно, что от уровня экологической культуры

молодого поколения, включающую в себя не только знания в области экологии, но и социальные ценности, нравственные идеалы, зависит состояние экологической безопасности России. Поэтому, государство должно формировать в сфере образования ту среду, в которой будет продуктивно развиваться экологическая культура у будущих специалистов. В контексте этого, необходимо осуществить методологическое и теоретическое осмысление процессов подготовки инженерных кадров в области экологии.

Следует отметить, что на данный момент, отсутствуют научные работы, в которых проблема образования как образовательных стратегий экологической безопасности России рассматривалась бы в социально-философском аспекте, позволяющем изучить, оценить и обобщить имеющиеся общепедагогические, социально-философские, исторические, культурологические и иные подходы к ее решению. Мы видим, что решение данного вопроса должно заключаться, в том числе, и в развитии морально-ценностной системы координат у будущих инженеров. В сущности, образование выполняет две ключевые функции.

«Во-первых, образование – это система социализации конкретного индивидуума. Приходит в школу ребенок, а выходит социализированный в этом обществе индивидуум, готовый к жизни» [1; 5]. Во-вторых, система образования выполняет нациообразующую функцию. «Знаменитая фраза Бисмарка о том, что битву при Садовой выиграл школьный учитель, сказана именно об этом. Без прусской школы не было бы прусской армии, не было бы прусского государства: прусская школа сделала нацию, которая оказалась способна на такие деяния».

По мнению некоторых отечественных исследователей, ряд стратегических ошибок, допущенных «реформаторами», позволяет утверждать, что такого института, как среднеобразовательная или высшая школа, которая была бы готова воспроизводить нацию, в России сегодня нет [10].

В качестве основных причин низкого образовательного потенциала нашей страны, в области экологии, нами выделены следующие:

- всевозможные «дорожные карты» и новый Закон «Об образовании в РФ» создал базу для сворачивания сети школ с углубленным изучением ряда предметов, практиковавшуюся с начала 1960-х годов и давшую стране выдающихся ученых и инженеров, программистов, не говоря уж о сотнях тысяч грамотных специалистов с выстроенной морально-ценностной системой координат, в которой приоритет отдается сохранению природы, а не личной наживы;
- чуждые образовательным ценностям принципы оценки деятельности школ и университетов, основанные на странных и, главное, не выдерживающих ни какой критики принципах;
- за период реформ значительно понизился социальный статус профессий ученого, препода-

вателя и учителя. И дело не только в низких зарплатах и увеличении нагрузок, а в том, что добившись униженного социального положения представителей этих профессий, происходит выдавливание из этих профессий молодежи, – ту, которая не изберет эти профессии, и ту, которая уйдет из нее, не видя перспектив нормальной работы, и ту, которая, не желая изменять профессии, уедет за границу в поисках лучших условий для работы;

- сегодня государством образование рассматривается как затратная сфера. Оно не рассматривает образование как сферу производительную, даже больше – как единственную производительную сферу, безусловно, необходимую стране – ведь без никакие другие производительные сферы не могут существовать без образования. Но для правительства затраты на образование всего лишь затраты. В реалиях сегодняшнего дня для него это исключительно потеря денег.

Уровень экологической культуры общества и отдельных специалистов оказывает непосредственное влияние на экологическую безопасность биосистем, использование природных ресурсов. Однако сегодня в результате влияния научно-технического прогресса, понятие экологической безопасности уже вбирает в себя и аспекты отражающие влияние научно-технической революции на формирование отношения отдельного человека на окружающую среду [6].

Необходимо по-новому акцентировать внимание на развитие промышленной экологии, с перспективой повышения уровня экологической безопасности в Российской Федерации, что, на наш взгляд сегодня, должно параллельно протекать с выработкой экологической правовой политикой отвечающей требованиям современных и перспективных угроз. Такой подход позволит определить статусные характеристики социальных институтов в сфере экологической безопасности. Будут решены вопросы взаимодействия государственных структур с гражданским обществом в вопросе обеспечения экологической безопасности [6; 7].

Важно в развитии промышленной экологии – формирование соответствующего сознания у молодых поколений. Экологическое сознание выступает как против экологического пессимизма, так и алармизма (от франц. *alarme* – тревога), ратующего за резкое ограничение и вообще приостановку технико-экономического развития, выступающего против безудержного оптимистического взгляда на неисчерпаемые богатства природы [7; 9].

В настоящее время, как мы отмечали ранее, не уделяется внимания развитию социальной экологии, нет программ, позволяющих повышать уровень ответственности каждого гражданина перед обществом и окружающей природой. Сегодня, под экологией человека понимают ветвь социальной экологии, которая изучает место человека в экосистеме, взаимовлияние экосистемы и человека и последствия этого влияния.

Рассматривая воздействие экосистемы на человека, экология человека исследует мутагенное воздействие многих факторов на наследственность человека, предупреждает появление генетически детерминированных болезней и профессиональных заболеваний. В поле ее интересов находятся даже такие проблемы, как влияние космических факторов на духовное, физическое и моральное развитие человека [10]. В этом своем качестве она соприкасается с космической медициной. Рассматривая воздействие на человека трудовой среды как совокупности материальных факторов конкретного процесса труда и устанавливаемых в этом процессе межличностных отношений, экология человека соприкасается с проблемами эргономики, охраны труда, инженерной психологии.

Для ликвидации экологического кризиса, установления равновесия общества и природы необходимо рассматривать развитие техники как часть культурного развития человечества, цель которого – создание условий для реализации потенций человека как высшей ценности, как высшего творения природы. «Однажды, и только однажды, в ходе своего существования как планеты, Земля могла покрыться оболочкой жизни, – писал Тейяр де Шарден. – Подобно тому однажды, и только однажды, жизнь была в состоянии подняться на ступеньку мышления». Человек же преобразовывая природную среду, превратил эту среду, биосферу в ноосферу – сферу разума.

Таким образом, понятие «производственная экология» – не простое и однозначное, а сложное переплетение технических, социальных, юридических, психологических, физиологических и других областей знаний, объединяющих воедино технику, окружающую среду и человека. Развитие производственной экологии осуществляется по таким важнейшим направлениям, как совершенствование техники, эстетизация производства, научная организация труда и управления, опираясь на знания социальной экологии.

Анализируя промышленную экологию в научной литературе можно выделить различные подходы к пониманию. В одних случаях данный термин трактуется в чисто инструментальном плане, в других как явление культуры, в третьих в ее взаимоотношениях с научными знаниями. Инженер на окружающую его реальность в процессе своей профессиональной деятельности смотрит с практической точки зрения, он постоянно осмысливает рациональность и практическую пользу своих действий. Все, что лежит вне поля его профессии как бы отходит на второй план, за исключением повседневными профессиональными нуждами. Это означает, лишь то, что в первую очередь на производстве его интересует чисто инженерные вопросы. Поэтому инженер может обратить свой взгляд на промышленную экологию лишь тогда, когда он осознает ее полезность для своих действий.

Сегодня инженер все чаще имеет дело не только с техническими устройствами, а с системой «человек-машина» и даже порой со сложными системными комплексами, в которые включены техноло-

гический процесс, природная и социокультурная среда. Возникает необходимость знать не только технологический процесс, но и функции человека в этом процесс, его взаимоотношения с машиной, знать социокультурную и даже естественную среду его деятельности. Тем самым на первый план выходят вопросы формирования отношения у каждого человека к окружающей среде, развития социальной экологии в вопросе обеспечения экологической безопасности.

В современном мире экологическое образование выходит на первое место среди факторов развития цивилизации. Это связано с переходом цивилизации в постиндустриальную стадию развития. Если сегодня не принять системные меры, конкретные, целенаправленные меры, то нельзя исключать, что нашей стране в этом мире, не окажется места. Стратегическая доктрина прогресса индустриально развитых стран мира опирается на концепцию всемирного развития чело-

веческого потенциала ориентированного на сохранение окружающей среды

Непрерывное образование служит безопасности страны на всех уровнях: личности, общества, государства. Оно играет существенную роль в укреплении всех ее видов. Так, например, без квалифицированных кадров невозможны экономическая и экологическая безопасность государства; технологическая безопасность немыслима без научных разработок [8].

В настоящее время, единственным путем являться сохранение, мобилизация и развитие интеллектуального, творческого потенциала нашей Родины. А будущее нашей страны связано с переходом на инновационный путь развития, учитывающий фактор сохранения природы, в реализации которого никак не обойтись без эффективной системы непрерывного многоуровневого образования.

Литература:

1. *Негодаев И.А.* Философия техники М. Академия.1997. 168 с.
2. *Гурба В.Н.* Государственное и международное управление непрерывным образованием и развитием управленческих и педагогических кадров для реализации безопасности и устойчивости образовательной, социокультурной и гуманитарной сфер: основные идеи проекта / В.Н. Гурба, Л.М. Сухорукова // Вестник непрерывного образования. 2008. № 1–2. С. 43–47.
3. *Орлов М.О.* О мерах по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года / М.О. Орлов, И.П. Паргачёва, И.В. Салтыкова, О.Ю. Сундатова. Аналитический вестник № 11 (668). 2017 с. 97.
4. Государственная программа российской федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 326. с. 176.
5. *Сухорукова Л.М.* Современные международные инициативы и глобальные тенденции в стратегическом управлении развитием систем непрерывного образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Ростов-на-Дону : ИПО ЮФУ. № 5 (20). 2011. с. 21–26.
6. *Загутин Д.С.* Формирование творческого мышления инженера через коммуникационные технологии образовательной среды, как фактор промышленной безопасности страны Вестник непрерывного образования. 2016. № 1. С. 60–66.
7. *Нагнибеда Б.А.* Проблемы развития социальной экологии в аспекте обеспечения промышленной безопасности / Б.А. Нагнибеда, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 40–44.

Literature:

1. *Negodaev I.A.* Philosophy of Technology M. Akademiya.1997. 168 p.
2. *Gurba V.N.* State and international management of continuing education and development of administrative and pedagogical personnel for the implementation of the security and sustainability of the educational, socio-cultural and humanitarian spheres: the main ideas of the project / V.N. Gurba, L.M. Sukhorukova // Bulletin of Continuing Education. 2008. № 1–2. P. 43–47.
3. *Orlov M.O.* On measures to implement the Fundamentals of State Policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030 / M.O. Orlov, I.P. Pargacheva, I.V. Saltykova, O.Yu. Sundatova. Analytical Herald № 11 (668). 2017 p. 97.
4. State Program of the Russian Federation «Environmental Protection» for 2012–2020 years Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation from 15.04.2014 № 326. p. 176.
5. *Sukhorukova L.M.* Modern international initiatives and global trends in the strategic management of the development of lifelong learning systems. // Education. The science. Innovations: The Southern Dimension. Rostov-on-Don : IPO SFU. № 5 (20). 2011. P. 21–26.
6. *Zagutin D.S.* Formation of the creative thinking of the engineer through the communication technologies of the educational environment, as a factor of industrial security of the country. Bulletin of continuous education. 2016. № 1. P. 60–66.
7. *Nagnibeda B.A.* Problems of development of social ecology in the aspect of ensuring industrial safety / B.A. Nagnibeda, S.I. Samygin // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2017. № 8–9. P. 40–44.

8. *Москалец П.В.* Экологическая и промышленная безопасность, мониторинг формационно-обменных процессов на промышленных объектах. Образование и наука в современном мире / П.В. Москалец, А.Д. Ястремский, М.В. Сидорова. Инновации. 2017. № 1. с. 344.

9. *Колесникова Г.И.* Организация научно-исследовательской и педагогической деятельности в области управления персоналом Ростов-на-Дону, 2015. Сер. Высшее образование.

10. *Нагнибеда Б.А.* Становление техногенной культуры инженеров в формате промышленной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 65–68.

8. *Moskalets P.V.* Environmental and industrial safety, monitoring of formation and exchange processes at industrial facilities. Education and science in the modern world / P.V. Moskalets, A.D. Yastremsky, M.V. Sidorova. Innovation. 2017. № 1. p. 344.

9. *Kolesnikova G.I.* Organization of research and educational activities in the field of personnel management Rostov-on-Don, 2015. Ser. Higher education.

10. *Nagnibeda B.A.* Establishment of Technogenic Culture of Engineers in the Format of Industrial Safety // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2016. № 10. P. 65–68.

Карпова Светлана Геннадьевна

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований РАН
Svetlran@mail.ru

Селезнёв Игорь Александрович

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований РАН
igdrake@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ
И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЕВРАЗИИ**

■ ■ ■
Аннотация. Данная статья посвящена социальным перспективам развития инновационных проектов в рамках ЕАЭС. В частности, показаны как возможности и перспективы, открывающиеся при внедрении технологий реализации цифровой экономики, так и возникающие угрозы и риски.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, инновационные проекты, цифровая экономика, социальные риски.

■ ■ ■
В глобализирующемся мире макрорегиональную интеграцию можно рассматривать как метод повышения конкурентоспособности, когда конкурировать между собой станут уже не отдельные национальные экономики, а крупные региональные экономические союзы. Поэтому неудивительна потребность постсоветских стран в интеграционных процессах на евразийском пространстве, в создании такого «мощного наднационального объединения», которое бы стало одним из полюсов современного мира, при этом играя роль «эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [1].

Таким важнейшим региональным интеграционным объединением, способствующим сближению экономик постсоветских государств и их развитию стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС). И три года работы ЕАЭС показали, что это объединение становится надёжной интеграционной структурой на постсоветском пространстве. По словам Президента России, за это время ЕАЭС доказал свою состоятельность и эффективность: увеличиваются показатели внут-

Svetlana G. Karepova

Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research the
Russian Academy of Sciences
Svetlran@mail.ru

Igor A. Seleznev

candidate of sociological sciences ,
docent, senior researcher,
Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences
igdrake@yandex.ru

**SOCIAL ASPECTS OF
THE DEVELOPMENT OF
INNOVATION AND DIGITAL
ECONOMY OF RUSSIA
IN CONTEXT OF INTEGRATION
PROCESSES IN EURASIA**

■ ■ ■
Annotation. This article is devoted to the social prospects of development of innovative projects in the framework of the EAEU. In particular, it is shown how the opportunities and prospects for the introduction of technology implementation of the digital economy and emerging threats and risks.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, innovative projects, digital economy, social risks.

■ ■ ■
ренного товарооборота и объёмы внешней торговли, укрепляются позиции наших поставщиков на рынках третьих стран, улучшается структура экспорта, в котором растёт доля товаров с высокой добавленной стоимостью, создаются новые совместные предприятия, запускаются перспективные инвестиционные проекты, налаживается тесная промышленная кооперация, расширяется ассортимент производимой на территории ЕАЭС продукции, что даёт потребителям доступ к более качественным и недорогим товарам и услугам [2].

Следует заметить, что с 1 января 2018 г. Россия приняла председательство в органах ЕАЭС: в Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии. Ранее, в 2017 г. Президент России выступил с инициативой формирования многоуровневой интеграционной модели в Евразии – «большого евразийского партнёрства». Россия способна активно и плодотворно участвовать в процессе интеграции и залогом её успеха станет способность предложить масштабные проекты разви-

тия. Это должна быть политика опережающего развития, основанная на концентрации ресурсов стран-партнеров по евразийскому интеграционному процессу на ключевых направлениях нового технологического уклада. Решение этой проблемы еще несколько лет назад предлагалось через создание евразийской инновационной системы, объединяющей национальные инновационные ресурсы. Однако, несмотря на принятие еще в 2009 г. Межгосударственным Советом Евразийского экономического сообщества «Концепции создания Евразийской инновационной системы», по ряду причин, в запланированные данной концепцией сроки не удалось приступить к реализации межгосударственной целевой программы «Евразийская инновационная система». Тем не менее, создание эффективной инновационной системы в ЕАЭС продолжает оставаться важной и актуальной задачей, решение которой требует совместных усилий стран-членов Союза. И важнейшим этапом развития инновационной активности в ЕАЭС являются перспективы внедрения информационно-коммуникативных технологий, или цифровую экономики.

В январе 2018 г. Президент России направил обращение главам государств ЕАЭС, в котором заявил, что необходимо ускорить реализацию общей «цифровой повестки» ЕАЭС, координировать действия по развитию «интернет-экономики», формированию общих правил ведения цифровой торговли, единых стандартов обмена информацией и ее защиты [2]. Это особо важно, поскольку антироссийские экономические санкции Запада затрагивают технологическую сферу, и необходимо осуществлять импортозамещение в области передовых технологий. В этой связи призыв Президента РФ В.В. Путина к руководителям стран ЕАЭС о необходимости ускорить внедрение цифровой экономики, по мнению экспертов, связан со стремлением решить эту проблему. Сотрудничество с нашими евразийскими экономическими и политическими союзниками, как со странами ЕАЭС, так и шире – государствами Шанхайской организации сотрудничества (Китай, Индия) позволит отчасти компенсировать ограничительные меры со стороны США и Евросоюза. Оптимальным вариантом здесь представляется сотрудничество со всеми странами, которые не присоединились к антироссийским санкциям. И совместное внедрение принципов цифровой экономики может помочь не отставать в технологическом плане от западных стран. Тем более, что в этой области китайские компании сейчас находятся на передовых позициях. По данным четвертой Всемирной конференции по интернету, объем цифровой экономики в КНР составил 22,5 трлн юаней или около 3,5 трлн долларов, что соответствует 30 % ВВП страны [3].

В обращении Президента РФ говорилось и о необходимости внутренней «донастройки» ЕАЭС, унификации нормативно-правовых баз [2; 4]. И такие шаги применительно к развитию «цифровой экономики» были уже сделаны чуть ранее. 11 октября 2017 г. Высший Евразийский экономический совет утвердил Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. Согласно этому документу, проработка предло-

жений по цифровой повестке ведется в сферах формирования и развития цифровой экономики, в том числе по вопросам, которые не оговорены Договором о ЕАЭС, в рамках выработки инициатив. Цели реализации цифровой повестки заключаются в актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках ЕАЭС с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств Союза, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, развития трудовых ресурсов. Реализация цифровой повестки позволит ускоренными темпами двигаться к выравниванию темпов экономического развития и формированию условий для отраслей будущего на территории государств-членов ЕАЭС [5].

По заявлению К. Минасян, члена Коллегии (министра) по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям ЕЭК, данный документ открыл новую цифровую страницу в евразийской интеграции. В нём определены рамки цифровой интеграции, где именно будет совместно реализовываться цифровая повестка и прописаны механизмы реализации, в том числе, самым быстрым и надежным способом – через инициативы. Министр призвала представителей экспертного и бизнес-сообществ участвовать в обсуждении инициатив и проектов реализации цифровой повестки и предлагать свои: «Любой гражданин или предприниматель, бизнес и госорган может прийти на площадку ЕЭК со своей цифровой инициативой, и мы ее обязательно рассмотрим, в соответствии с утвержденным порядком» [6].

По словам К. Минасян, первый проект в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС, который будет запущен в ближайшее время, связан с цифровой прослеживаемостью движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов. Это первый из шести приоритетов для инициатив, прочие пять это: цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры, цифровая промышленная кооперация, соглашение об обороте данных, система регулятивных «песочниц». По словам министра, цифровая прослеживаемость позволит бизнесу, потребителям и государственным органам видеть весь путь товара от производства до покупателя и упростить взаимодействие всех участников цепочки. Это создаст условия взаимного цифрового обмена и взаимодействия и в сфере торговли и для органов госуправления. И, по примерным подсчетам, реализация совместной цифровой повестки ЕАЭС принесет Союзу дополнительный прирост ВВП до 1 % в год, а также почти 8 млн новых рабочих мест к 2025 г. Кроме того, консолидация усилий позволит странам ЕАЭС стать полноправным участником глобального цифрового рынка [6].

Итак, каковы перспективы развития цифровой экономики в современной России в условиях евразийской интеграции? Что применительно к реализации цифровой повестки дня Российская Федерация как лидер интеграционных процессов и наиболее крупная экономика ЕАЭС может

предложить своим партнерам по Союзу? Каково наше понимание социальных изменений в обществе, связанных с цифровой повесткой дня?

Ведь, по мнению специалистов, становление цифровой экономики способно в дальнейшем оказать ключевое влияние на результаты экономического роста. По некоторым оценкам, цифровую экономику называют очередным и эпохальным этапом промышленной революции, сопоставимой с изобретением паровых машин и электричества. Информационно-коммуникативные технологии способны обеспечить конкурентоспособность экономики за счет резкого снижения операционных затрат на производство и повышения производительности труда. В качестве наглядного примера можно привести электронную торговлю или организацию работы общественного транспорта посредством цифровых технологий. И подобные изменения происходят в самых различных сферах, которые касаются повседневной жизни [3]. Это, прежде всего, экономика, которая трансформируется с помощью цифровых технологий и базируется на нескольких ключевых параметрах: мощной коммуникационной сети; доступе к информационным ресурсам; новых методах и моделях принятия решений, т.е. ином управленческом подходе. Речь идет об экономике нового технологического поколения, сетевых технологиях, экономике нацеленной на создание фактически нового рынка труда в высокотехнологических отраслях и др. Эта экономика рассчитана на максимальное использование человеческого капитала и формирование высоких стандартов качества жизни.

Однако следует отметить, что современные технологии во многом не предсказуемы на практике и таят огромное число скрытых противоречий. Помимо созидательного эффекта существует обратная, пока непознанная сторона, где открытие новых возможностей и повышение качества жизни людей сопряжено с угрозами и рисками нового типа (экономического, техногенного, социального и т.д. характера) имеющими скрытый или «отложенный» эффект и которые, возможно, скажутся не при жизни сегодняшних поколений людей, а на их потомках.

К ним можно отнести ряд социальных вызовов цифровой экономики относящихся к сферам науки, образования, рынка труда, этики, морали, законотворческой практики с которыми нам предстоит столкнуться:

1. Взаимодействие и трансформация человеческого интеллекта с искусственным интеллектом.
2. Технологическая трансформация, ведущая к поляризации доходов и уходу с рынка труда ряда профессий.
3. Структурная безработица, актуализация в перспективе темы «лишних не востребованных профессионально людей» и как следствие маргинализация ряда социальных групп.
4. Проблемы, связанные с малозащищенными слоями населения.

5. «Черная занятость».

6. Проблемы, связанные с трудовыми миграционными процессами.

7. Возникновение ряда этических вопросов, связанных с формированием единого реестра данных граждан.

8. Отмена существующих образовательных моделей и переориентирование всей системы на подготовку ограниченного количества руководящих специалистов в сфере цифровых технологий.

9. Спрос на новые типы компетенций и новые формы подготовки в условиях быстрой смены технологий. Так, результат опроса госслужащих авторами программы «Развитие цифровой экономики в России до 2035 г.» показал, что 50 % из них не владеют элементарной компьютерной грамотностью.

10. Творческий вызов. Универсальность и узость задач цифрового образования не способствует креативности, необходимо комплексное, разнонаправленное образование.

11. Вызов, связанный с ключевыми аспектами безопасности информационных систем. (Кибербезопасность, киберугрозы, кибератаки, управление персональными данными, анализ возможных угроз и вызовов становятся приоритетными);

12. Формализованное закрепление в нормативных актах всех содержательных аспектов функционирования цифровой экономики.

Целесообразно комплексно взглянуть на данные вызовы и риски, для того чтобы понять, что они обостряют уже существующие угрозы, связанные с национальной безопасностью во всех областях жизнедеятельности современного российского общества. Во избежание их перехода на системный неуправляемый уровень, риски проекта «Цифровая экономика РФ», должны быть проанализированы и оценены специалистами.

Во-первых, инструменты аналитики данных и технологии компьютерной симуляции заменяют эксперименты, что позволяет безболезненно для общества решать вопросы прогнозирования и социального конструирования.

Во-вторых, потенциал развития страны определяется ее человеческим капиталом, одной из важнейших составляющих которого является уровень образования населения. Речь идет о развитии новых форм, методов непрерывного разновозрастного образования, профессиональных компетенций, индивидуальных траекторий образования. Таким образом, без знаний, поставляемых фундаментальной наукой, невозможна подготовка профессиональных кадров для цифровой экономики.

Итак, мы можем наблюдать как принятие цифровой повестки открывает перед обществом новые возможности и даёт новые перспективы интеграционным процессам, но в то же время несёт опасности и риски. Изучение и моделирование этих процессов – тема отдельного дальнейшего исследования.

Литература:

1. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // «Известия», 2011, 3 октября / URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
2. Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663>
3. Цифровой подход Путина компенсирует влияние санкций Запада для России и ЕАЭС / URL: https://rueconomics.ru/301837-cifrovoy-podhod-putina-kompensiruet-vliyanie-sankcii-zapada-dlya-rossii-i-eaes#from_copyhttps://rueconomics.ru/301837-cifrovoy-podhod-putina-kompensiruet-vliyanie-sankcii-zapada-dlya-rossii-i-eaes
4. Путин призвал ускорить развитие цифровой экономики в ЕАЭС // «Российская газета», 2018, 18 января / URL: <https://rg.ru/2018/01/18/putin-nuzhno-koordinirovat-dejstviia-po-razvitiu-internet-ekonomiki-v-eaes.html>
5. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. / URL: <http://docs.cntd.ru/document/555625953>
6. Первые цифровые инициативы ЕАЭС уже на старте / URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-12-2017.aspx>

Literature:

1. Putin V.V. New integration project for Eurasia – a future that is born today // «Izvestia», 2011, October 3 / URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
2. Address of the President of Russia to the heads of member States of the Eurasian economic Union / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663>
3. Putin's digital approach compensates for the effect of Western sanctions for Russia and the EAEC / URL: https://rueconomics.ru/301837-cifrovoy-podhod-putina-kompensiruet-vliyanie-sankcii-zapada-dlya-rossii-i-eaes#from_copyhttps://rueconomics.ru/301837-cifrovoy-podhod-putina-kompensiruet-vliyanie-sankcii-zapada-dlya-rossii-i-eaes
4. Putin urged to speed up the development of the digital economy in the EEU // «Rossiyskaya gazeta», 2018, January 18 / URL: <https://rg.ru/2018/01/18/putin-nuzhno-koordinirovat-dejstviia-po-razvitiu-internet-ekonomiki-v-eaes.html>
5. About the Main directions of implementation of the digital agenda of the Eurasian economic Union by 2025 / URL: <http://docs.cntd.ru/document/555625953>
6. The first digital initiative of the EEU at the start. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-12-2017.aspx>

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории России,
Кубанский государственный университет.
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov

doctor of sociological sciences,
doctor of historical sciences,
professor, head of the department of
history of Russia,
Kuban State University.
culture@kubsu.ru

СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИЯ»

MODERN JUDGMENT OF THE CONCEPT «INFORMATION»

Аннотация. В данной статье проводится анализ проблемы современного осмысления понятия «информация». Рассматриваются различные подходы к использованию понятия в экономических отношениях, социальных, культурных новациях. Автор считает, что информация становится одним из важнейших инструментов формирования будущего человечества.

Ключевые слова: информация, человек, экономика, социум, культура, цивилизация.

Annotation. In article the problem of modern judgment of the concept «information» is analyzed. Various approaches to use of a concept of the economic relations, social, cultural innovations are considered. The author considers that information becomes one of the most important instruments of formation of future mankind.

Keywords: information, person, economy, society, culture, civilization.

Нет сомнения в том, что информация в современных условиях информационно – технологической революции требует нового осмысления. В специальной литературе долгое время основной акцент ставился прежде всего на роли информации в процессах принятия решений. Сегодня это восприятие информации видится крайне узким и не учитывает разностороннюю деятельность людей в бесконечном потоке коммуникаций.

В XXI веке типичным становится понимание человека как личности, которую надо рассматривать в различных измерениях: профессиональном, социальном, психологическом, культурном, историческом. И в каждом таком измерении ему всегда нужна информация. Как пишет Дж. Глик: «Информация есть везде, информация правит миром, она – его кровь и топливо» [1].

Любая информация является описанием некой реальности – определенного объекта, его изображением. Это своеобразный след, который человек оставляет на земле как результат своей деятельности и жизни. Семантическая информация выявляет смысл рассматриваемого объекта, фактологическая информация описывает его состояние и т.д. А значит, каждая из них предоставляет определенные сведения об исследуемом объекте, то есть выполняет относительно него информационную функцию независимо от природы этого объекта – вещественной (реальной), виртуальной (возможной) и понятийной. Информация о конкретном объекте становится его заменителем. При этом описание может изображать объект с любой точностью, лимитированной только применяемыми способами и средствами наблюдения, исследования и измерения, а также языком.

Однако чрезмерное количество информации вовсе не гарантирует снижения неопределенности последствий от предпринимаемых действий. Иногда такой избыток, наоборот, парализует человека и не столько проясняет вопрос, сколько «ослепляет» индивида, принимающего решение, который не в состоянии рационально проанализировать множество полученных сведений.

В середине прошлого века стало активно обсуждаться восприятие информации как ресурса. Информации как ресурсу можно приписать некоторые особенные свойства. Поскольку информационные ресурсы подобны другим ресурсам, таким как деньги или земля, то они имеют свою ценность, требуют расходов на их приобретение и могут использоваться для достижения определенных целей, например, экономических.

Так же, как и другие ресурсы, информация иногда становится объектом кражи, но ее законный владелец может даже не заметить – в отличие от хищения материальных ресурсов, – что охраняемая им информация стала доступна другим людям. Ее просто скопировали, не оставив и следа этого действия.

Информация является мобильным и неисчерпаемым ресурсом и в связи с этим выделяется не как «какой-то ресурс», а как основной фактор развития экономической системы в целом. Рано или поздно энергетические и материальные (сырье) ресурсы нашей планеты должны быть исчерпаны.

Уже сегодня их использование становится все более дорогостоящим. Спасением могут стать только износостойкие ресурсы – прочные, поз-

воляющие рационализировать эксплуатацию других ресурсов. Таким ресурсом может стать информация. Кроме того, информация является также фактором получения прибыли, то есть является своего рода капиталом – информационным капиталом, который имеет определенные особенности: подвергается быстрому обесцениванию из-за устаревшей информации (в основном фактографической); не расходуется в процессе эксплуатации, поскольку информация, обладая свойствами дублирования, может неоднократно использоваться разными людьми; весьма мобилен, может быстро передаваться на любые расстояния и одновременно потребляться многими пользователями.

Желательным свойством любого вида капитала является мобильность, скорость циркуляции. Информация, благодаря современным информационным технологиям, относится к ресурсу, который циркулирует в обществе с высокой скоростью и может охватывать практически неограниченные сферы жизнедеятельности общества [2].

В современном мире, особенно с развитием Интернета, информация становится предметом поиска для многих покупателей (пользователей) и часто продается. Таким образом, можно предположить, что хотя она и не соответствует всем критериям традиционных товаров, однако имеет ряд общих с ними важных особенностей и потому может считаться товаром. Современные информационные технологии способствуют более быстрой циркуляции информации, что дополнительно повышает ее качество как товара.

Однако информация – специфический товар. После совершения акта купли-продажи она не сменяет своего владельца автоматически и по-прежнему принадлежит ему. Продавец может сохранить ее для себя (например, записать на носителях) и продать еще раз, другому покупателю. Информация может быть продана одновременно многим потребителям, как, например, лекции или фильмы для просмотра зрителями в кинотеатре или концертном зале.

Акт купли-продажи происходит в условиях информационной асимметрии: сторона-продавец, как правило, знает, что предлагает и продает, а покупателю чаще всего неизвестно, что он покупает. О полезности приобретенной информации люди выносят суждение только в процессе ее применения, например, прослушав лекцию или прочитав купленную книгу или газету. Укажем также, что в ходе купли-продажи зачастую возникают большие трудности в области защиты права собственности этого ресурса или права пользования им [3].

Таким образом, информация – это своего рода метаэнергия, которая движет большим количеством энергии и определяет предпринимаемые человеком действия. В ней скрыта потенциальная сила, раскрытие которой, то есть преобразование в кинетическую силу, происходит в момент ее получения человеком и принятия на этой основе соответствующих решений. Это не только энергия, воздействующая на человека в физическом

смысле, но и фактор, влияющий на его поведение, выбор предпринимаемых действий и решений. Благодаря информации, принимаемой в виде слова, один человек проникает в разум другого, передавая ему определенное содержание, – следовательно, в некоторой степени формирует его картину мира, предлагая ему свои взгляды.

Так формируется процесс манипуляции информацией, который позволяет глубоко проникнуть в разум человека, изменить мыслительные процессы индивида, его критерии и оценки, предпочитаемые ценности и установки. Как считает С. Кара-Мурза, «манипуляция – это вид применения власти, при котором тот, кто владеет ею, влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает» [4]. По мнению Е. Доценко, манипуляция – это «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [5].

И еще один очень важный акцент. На «мягкой силе» информации основана реклама. Ее целью является не только информирование о конкретных изделиях или вещах, но также и убеждение – искушение потенциального клиента приобрести их – с применением различных социально-психологических техник. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что и этих процессах информация часто используется как завораживающее средство.

Последствия таких действий могут быть как положительными, так и негативными. Примером последних является реклама табачных изделий или спиртных напитков в интернете, где совершенно открыто говорится, что, «реклама алкоголя напрямую влияет на выбор несовершеннолетних потребителей» [6]. Характерен и другой пример. М. Хюсман с группой исследователей отслеживал корреляцию между просмотром телепередач и агрессивностью людей в течение 20 лет. Установлено, что тяжесть совершенных преступлений у 30-летних напрямую связана с имевшимися в детстве предпочтениями в телепередачах [7]. Поэтому следует опасаться манипулирования информацией. Это может быть особенно опасно, когда под видом привлекательных картинок интернета информация вводит в заблуждение людей. Например, «рекламируемый сегодня стиль жизни недоступен половине населения страны. Транслируемая прежде всего на эту половину реклама вызывает очевидный когнитивный диссонанс, чувство несоответствия констант своего существования телевизионной картинке, принимаемой за норму» [8].

В то же время, информация, несмотря на все негативные последствия манипулирования ею, является «питательной средой» для человеческого разума в процессе создания социальной, экономической и политической действительности, сотворения культурных ценностей и социокультурной среды. Культура включает в себя взаимодействие людей, которые как личности, взаимосвязаны общими интересами. Функцией

так понимаемой культуры является удовлетворение таких потребностей человека, которые вытекают из сферы духа, а не из его биологического существования. С появлением цивилизации растет производство продуктов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей (в том числе технологии в IT-сфере). Культура же предполагает бескорыстное действие человека с точки зрения его физического существования и в рассматриваемом здесь смысле означает область значений, лишенных, как правило, практической полезности. Индивид, оторванный от культуры своей родины, подобен вырванному из почвы растению, на которой оно раньше росло. Человек «не может быть человеком, если он оторван от своей почвы, лишен осознанной истории, продолжительности своего существования» [9]. Поэтому он не может полностью подчиниться техническому порядку и стать его функциональным придатком: человек всегда должен сопротивляться ему, чтобы сохранить себя и свою человечность.

Однако следует отметить, что в некоторых обстоятельствах усвоенные культурные правила и нормы могут создавать своеобразную зашоренность, когда человек слишком узко и одномерно воспринимает и оценивает окружающий его мир. Иногда это становится причиной нетерпимости и враждебности по отношению ко всему «иному», чужому для данной культуры. Человеку

Литература:

1. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М. : АСТ., Corpus, 2013. С. 16.
2. Касьянов В.В. Социология интернета / В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко. М., 2017. С. 186.
3. Информатика : учебник / Под ред. проф. Н.В. Макаровой. М. : Финансы и статистика, 2006. С. 345.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt> (дата обращения: 20.07.2017).
5. Средства психологического воздействия и манипуляции общественным сознанием в рекламе. URL: <http://www.psy-navigator.ru/2012-01-29-15-08-53/37.html> (дата обращения: 23.06.2017).
6. Реклама алкоголя влияет на несовершеннолетних. URL: http://meddaiy.ru/article/01Aug2014/rekl_nal (дата обращения: 23.06.2017).
7. Аленинская О.А. Влияние рекламы и средств массовой информации на психологическое здоровье нации / О.А. Аленинская, О.И. Демина. URL: <https://www.rae.ru/forum2012/14/1270> (дата обращения: 23.06.2017).
8. Савельева О.О. Социология рекламного воздействия. М. : РИП-холдинг, 2006. С. 257.

бывает трудно смириться с тем, что есть и другие нормы, привычки и предпочтения. Более того, культура может стать причиной и иррациональных действий, силой, побуждающей к культурным, религиозным и племенным войнам [10].

Информация в контексте культуры играет двоякую роль. С одной стороны – это материал, позволяющий создавать новые элементы духовной культуры, новые культурные факты. К ним нужно отнести, в частности, новые понятия и термины, сопровождающие анализ информации, процессы обмена ею и развитие информационных технологий, которые обогащают язык, современного общества, а также более глубокие знания о сущности и роли информации, новые нормы и обычаи в сфере обмена и обращения с информацией. С другой стороны, информация – это носитель культурного контента, позволяющий передавать знания о культуре, благодаря чему мы познаем культуру прошлых цивилизаций и эпох, сохраняем культурные достижения.

Таким образом, в современном мире информация играет всё возрастающую роль в экономических, социальных и культурных преобразованиях человечества, становится важнейшим инструментом формирования будущего нашей цивилизации. Именно поэтому понятие «информация» требует новых современных подходов, анализа и осмысления.

Literature:

1. Glik J. Information. History. Theory. Stream. M. : Nuclear heating plant., Corpus, 2013. P. 16.
2. Kasyanov V.V. Sociology of the Internet / V.V. Kasyanov, V.N. Nechipurenko. M., 2017. P. 186.
3. Informatics : textbook / Under the editorship of the prof. N.V. Makarovoy. M. : Finance and statistics, 2006. P. 345.
4. Kara-Murza S.G. Manipulation with consciousness. URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt> (date of the address: 7/20/2017).
5. Means of psychological influence and manipulation with public consciousness in advertizing. URL: <http://www.psy-navigator.ru/2012-01-29-15-08-53/37.html> (date obrashchekniya: 6/23/2017).
6. Advertizing of alcohol influences minors. URL: http://meddaiy.ru/article/01Aug2014/rekl_nal (date of the address: 6/23/2017).
7. Aleninskaya O.A. Influence of advertizing and mass media on psychological health of the nation / O.A. Aleninskaya, O.I. Dyomina. URL: <https://www.rae.ru/forum2012/14/1270> (date of the address: 6/23/2017).
8. Savelyeva O.O. Sociology of advertizing influence. M. : RIP-holding, 2006. P. 257.

9. Ясперс К. Духовная ситуация времени. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левиной. М. : Политиздат, 1991. С. 323.

10. Касьянов В.В. Социология культуры. Москва – Краснодар, 2015. С. 191.

9. *Jaspers K.* A spiritual situation of time. Smysl and purpose of history/not ruble with him. M.I. Levina. M. : Politizdat, 1991. P. 323.

10. *Kasyanov V.V.* Culture sociology. Moscow – Krasnodar, 2015. P. 191.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Манучарян Артур Константинович

кандидат социологических наук,
преподаватель,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор
кафедры управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СВЕТЕ УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Аннотация. Данная статья посвящена государственной семейной политике и системе управления демографическими процессами в России. В статье говорится о том, что для преодоления последствий «демографической ямы» и кризиса, в целом, потребуется новая система управления демографическими процессами, имеющая в качестве долгосрочной цели укрепление института семьи, а в качестве среднесрочной – поддержку рождаемости у всех категорий семей.

Ключевые слова: государственная семейная политика, демографические процессы, демографический кризис, оптимистический демографический сценарий, Концепция демографической политики.

Семейная политика государства и приоритет управления демографическими процессами в современном мире признаны наиболее значимыми. В каждом государстве внимание к проблемам демографии отражается в национальной демографической политике, а также ее составляющих – миграционной и семейной политике.

Государственная семейная политика в России – новое, весьма актуальное направление в исследовании социально-экономических отношений. Это – направление требует усиленного внимания со стороны государства и развития по всем направлениям, а не только в области социальной государственной политики.

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of chair of history of Russia,
Kuban state University
culture@kubsu.ru

Arthur K. Manucharyan

candidate of sociological sciences,
lecturer, Kuban state University
culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of
department of judicial
examination and criminalistics,
Rostov state economic university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

RUSSIAN STATE FAMILY POLICY IN FOCUS OF THE DEMOGRAPHIC PROCESSES GOVERNING

Annotation. This article is devoted to the state family policy and the system of demographic processes management in Russia. The article says that in order to overcome the consequences of the «demographic hole» and the crisis as a whole, a new system for managing demographic processes will be needed, which has as a long-term goal the strengthening of the family institution, and as a medium-term support for the birth rate in all categories of families.

Keywords: state family policy, demographic processes, demographic crisis, optimistic demographic scenario, the concept of demographic policy.

Методологические основы семейно-брачных отношений представлены в классических теориях мировых ученых (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.). Современные концепции семьи и семейной политики, разработанные российскими исследователями (А.И. Антонов, И.С. Голод, В.М. Медков, А.Г. Харчев и др.) расширяют представления о государственной семейной политике. В своих работах ученые показывают состояние российских семей в экономическом, социокультурном и демографическом аспектах, преимущественно негативного характера, и указывают на необходимость управления демографическими (семейными) процессами в со стороны государства [1].

Государственная семейная политика, как отмечает в своей статье А.В. Сидоров, представляет собой «комплексную систему государственной деятельности, направленную на семью как на социальный институт, основной целью которой является укрепление, развитие, суверенитет, защита прав и интересов семьи, основанные на правовом регулировании отношений с государством» [2].

Стоит заметить, что на протяжении примерно десяти последних лет государственная семейная политика воспринималась как часть социальной государственной политики, без учета ее влияния на демографические процессы. Данное положение отслеживается в Основных направлениях государственной семейной политики, утвержденных Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина в 1996 г. [3]. Несомненно, что он сыграл немаловажную роль для поддержки семьи, родительства и детства, невзирая на то, что некоторые заявленные цели на поверку оказались декларативными, основные направления семейной политики продолжают сохранять свою актуальность. В последующие годы появились новые задачи поддержки семьи в рамках демографических Концепций на период до 2015г. и на период до 2025 г. [4], Концепции государственной политики в отношении молодой семьи разработаны Минобрнауки РФ в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации.

В семейный актив следует отнести и Национальный план действий в интересах детей РФ до 2020 года с соответствующим разделом «Цели и задачи Национального плана действий в интересах детей Российской Федерации до 2020 года». Но в разделе нашли отражение лишь проблемы детей, а вне семейно-родительских отношений трудно обеспечить их системное решение.

Основные направления семейной политики в 1996г. были разработаны на переходный период в силу невозможности «разработки конкретных мер государственной семейной политики без детальной оценки социально-экономической ситуации, которая сложится в условиях стабилизации и подъема» [3]. Причем цели и задачи практически никак не коррелировались с демографическими процессами. И это понятно, поскольку в то время демографическая проблема еще не встала со всей остротой, как спустя десятилетие, а семейная политика воспринималась только как часть социальной политики, обеспечивающая государственные гарантии защиты и поддержки семьи, детства [5].

В первом десятилетии наступившего века демографический кризис потребовал введения нового комплекса мер поддержки семей с детьми с целью увеличения рождаемости. Одновременно возросла актуальность разработки новой модели государственной семейной политики. В появив-

шихся вариантах концепций более четко обрисовывались ее пронаталистские очертания. Уже в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, принятой в 2007 г., одна из приоритетных целей сформулирована как обеспечение выполнения молодой семьей социально-демографических функций, включая стимулирование рождаемости и воспитания детей.

Необходимо признать, что внедренный с 2007 г. комплекс поддержки семей, оказался результативным в демографическом плане, поскольку рождаемость в этот период росла беспрецедентными темпами даже в период кризиса. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) возрос за 2007–2013 гг. с 1,3 до 1,7 ребенка на одну женщину. То, что меры оказались действенными, подтвердили данные переписи, зафиксировавшие рост доли многодетных семей с 6,6 % до 7 % за период с 2002 по 2010 гг. [6].

Несмотря на очевидное улучшение ситуации, демографический кризис не миновал, среди семей по-прежнему доминируют однодетные семьи, СКР не достиг ни уровня 1990г., ни уровня воспроизводства населения – 2,1 ребенка на женщину. «Демографическая яма», связанная с малочисленным молодым поколением, рожденным в 1990-е годы, несет негативные тренды почти во все сферы экономики и социальной жизни [6]. В первую очередь, это отражается на численности населения в трудоспособном возрасте, и, как следствие, возрастает нагрузка на пенсионное и социальное обеспечение, общественное здравоохранение.

При этом сегодня российское государство возлагает повышенные надежды одновременного решения двух разнонаправленных задач – демографического и экономического роста. А это означает, что для преодоления последствий «демографической ямы» и кризиса, в целом, потребуется новая система управления демографическими процессами, прежде всего в самой сложной сфере – рождаемости, которая зависит непосредственно от решения семьи.

Согласно расчетам, «для оптимистического сценария» роста численности населения страны к 2050 г. до 154 млн человек, озвученного В. Путиным, недостаточно целевых показателей, заложенных в федеральной Концепции демографической политики: увеличения СКР до 1,95 ребенка на одну женщину и ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет [7].

Расчетные показатели «оптимистического сценария», представленные Институтом научно-общественной экспертизы, свидетельствуют, что при ежегодном фиксированном миграционном приросте в 300 тыс. чел. соответствующим параметрам Концепции, они должны быть значительно выше (табл. 1) [8]:

Таблица 1

Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России		
Показатель	2018 г.	2025 г.
Суммарный коэффициент рождаемости, детей на 1 женщину	1,75	2,05
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	74	79

Добиться такого роста только за счет мер социальной поддержки семей с детьми невозможно. Семейной политике государства, безусловно, требуется концептуально новый управленческий подход, имеющий в качестве долгосрочной цели укрепление института семьи, а в качестве среднесрочной – поддержку рождаемости у всех категорий семей. По данным социологических исследований репродуктивных планов населения главные препятствия для рождения детей – материальные и жилищные трудности и неуверенность в завтрашнем дне, причем риск бедности – одна из главных причин откладывания деторождения или вовсе отказа от детей [9].

В период преодоления демографического кризиса стратегия государственной семейной политики должна быть направлена на максимальное снижение препятствий для семей иметь большее количество детей. Для этого государству необходимо руководствоваться принципами социальной справедливости и солидарности, в частности, справедливостью со стороны государства должна реализовываться в отношении тех, кто значительную часть материальных и временных ресурсов инвестирует в национальное будущее и безопасность страны – новые поколения россиян [8]. Государство, на наш взгляд, должно разделить с родителями бремя обязанностей и ответственности за воспитание и социализацию детей, а также в значительной степени компенсировать семейные расходы в виде лучшей занятости, социальных выплат, льгот, налоговых преференций.

При этом государственная семейная политика должна преследовать несколько ключевых принципов:

- универсальности – т.е. направленности абсолютно на все семьи;
- семейности – т.е. направленности на всех членов семьи, а не на отдельных ее членов;
- социальности – концентрации внимания на социально-уязвимых категориях семей и семей с особыми потребностями (многодетных, с одним родителем, с инвалидностью родителя или ребенка).

В рамках стратегии семейной политики следует выделить следующие приоритеты в целях реализации оптимистического демографического сценария:

- укрепление института семьи и сокращение уровня семейного неблагополучия в числе которых: разводы, социальное сиротство, беспризорность, плохие жилищные условия, бедность и др.;
- государственную поддержку многодетных семей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- создание системы социальных гарантий и социально-экономических возможностей, необходимых для рождения и воспитания нескольких детей в семье;

– разработку механизмов улучшения жилищных условий каждой семьи по мере рождения детей;

– создание условий для успешного и эффективного совмещения женщинами своих родительских и профессиональных обязанностей, прежде всего за счет развития системы дошкольного образования и услуг по уходу за детьми до 3-х лет.

Измеряемыми целями стратегии государственной семейной политики в области управления демографическими процессами должны стать:

- 1) увеличение суммарного коэффициента рождаемости при одновременном росте желаемого числа детей в современной семье;
- 2) увеличение среди семей с детьми доли семей с тремя и более детьми;
- 3) снижение уровня семейного детского и молодежного неблагополучия [10].

В рамках реализации Основных направлений деятельности Правительства РФ до 2025 года целесообразно реализовать целый комплекс мер, в числе которых:

- для сокращения бедности разработать и ввести систему ежемесячных пособий на детей в малообеспеченных семьях начиная со второго ребенка;
- в условиях дефицита экономических ресурсов на пособия разрешить нуждающимся семьям использовать «материнский капитал» на текущее потребление на условиях социального контракта;
- расширить действие «материнского капитала» на образование родителей, детей, лечение ребенка или матери, на приобретение автотранспорта, средств для ведения подсобного, фермерского хозяйства, семейного бизнеса и т.д. («материнский капитал» рассматривать не как расходы, а как возвратные инвестиции в экономику России);
- обеспечить благоустроенным жильем все многодетные семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, начиная с демографически неблагополучных регионов;
- обеспечить информационную поддержку реализации мер семейной политики, повышение ценности детей в обществе, престижа многодетности.

Новая стратегия государственной семейной политики потребует совершенствования системы управления демографическими процессами, включения ее в систему стратегического планирования социально-экономического развития РФ.

Таким образом, государственная семейная политика в свете управления демографическими процессами затрагивает все аспекты жизни семей с детьми – экономическую, жилищную, трудовую, пенсионную и другие сферы, а также формирование благоприятной жизненной среды для современной семьи. Эффективность государственного управления в этой сфере можно

измерить не только в области рождаемости и репродуктивных установок, но и на показателях семейного неблагополучия в жизни родителей с

детьми, детской бедности, снижения разводов, беспризорности и других асоциальных явлений в социальной сфере.

Литература:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
2. *Сидоров А.В.* Семейная политика в системе государственной социальной политики // *Власть*. 2015. № 11. С. 83–88.
3. Указ Президента Российской Федерации от 14.05.1996 г. № 712 «Основных направлениях государственной семейной политики».
4. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года от 09.10.2007г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».
5. *Касьянов В.В.* Демографические вызовы национальной безопасности России / В.В. Касьянов, А.К. Манучарян, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 6–7.
6. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
7. *Путин В.* «Строительство справедливости. Социальная политика для России». Электронный ресурс: URL: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793>. Дата обращения 21.01.2018 г.
8. *Рыбальченко С.И.* Семейная политика и управление демографическими процессами в современной России // *Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: Материалы научно-практической конференции*. Ростов н/Д., 2014. С. 72–80.
9. *Росстат.* «Семья и рождаемость». Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г.
10. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное самочувствие молодежи в условиях рискогенности российского общества // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2011. № 1. С. 17–24.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
2. *Sidorov A.V.* Family Policy in the System of State Social Policy // *Vlast*. 2015. № 11. Pp. 83–88.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 14.05.1996. № 712 «The main directions of the state family policy».
4. Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025 from 09.10.2007. № 1351 «On the approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation to us until 2025».
5. *Kasyanov V.V.* Demographic challenges to Russian national security / V.V. Kasyanov, A.K. Manucharyan, S.I. Samygin // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2017. № 6–7.
6. Information materials on the final results of the 2010 All-Russian Population Census. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
7. *Putin V.* «Building Justice. Social policy for Russia» Electronic resource: URL: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793>. Date of circulation 21.01.2018.
8. *Rybalchenko S.I.* Family policy and management of demographic processes in modern Russia // *Socio-political aspects of demographic processes in modern Russia: Proceedings of the scientific-practical conference*. Rostov n / D., 2014. P. 72–80.
9. *Rosstat.* «Family and Fertility». Analytical report on the results of selective observation of reproductive plans of the population in 2012.
10. *Gafiatulina N.Kh.* Social well-being of young people in the context of risky Russian society // *Personality in extreme conditions and crisis situations of vital activity*. 2011. № 1. P. 17–24.

Кротов Дмитрий Валерьевич

доктор социологических наук, профессор
кафедры экономической теории,
Ростовский государственный
экономический университет (РГЭУ РИНХ)
dsm2000@mail.ru

Загутин Дмитрий Сергеевич

доктор философских наук,
кандидат технических наук,
профессор,
Донской государственный
технический университет
rostov-zd@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samugin78@yandex.ru

**ЗНАЧЕНИЕ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ВОПРОСЕ
ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
DIGITAL ПОКОЛЕНИЯ**

■ ■ ■
Аннотация. По мнению авторов, в условиях интенсивного развития информационно-коммуникативных технологий, обращение к проблеме социализации молодежи в обществе приобретает чрезвычайно важное значение на пути формирования высоко культурного, интеллектуального общества. В данной статье исследователи поставили цель выявить и оценить с точки зрения социализации молодежи ключевые научные подходы в рассмотрении данного вопроса.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, социализация молодежи, социальные сети, социальный институт.

■ ■ ■
Как предсказать свойства поколения и социальное поведение, опираясь на сравнительный анализ поколенческих «паттернов»? Эти вопросы сегодня в большей степени разрабатываются бизнесом, с тем, чтобы определять перспективные предпочтения поколений и формировать соответствующий спрос на товары или услуги. Чем точнее мы можем предсказать поведение аудитории, потребителей, тем точнее мы можем прогнозировать спрос.

Развитие информационно-коммуникативных технологий, внедрение в массы социальных сетей

Dmitry V. Krotov

Doctor of Social Sciences,
Professor of chair Economic theory
Rostov state economic university (RINH)
dsm2000@mail.ru

Dmitry S. Zagutin

candidate of technical sciences,
doctor of philosophy,
professor,
Don state technical university
rostov-zd@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor,
Rostov state economic university (RINH)
samugin78@yandex.ru

**VALUE OF THE NETWORK
STRUCTURES AND INFORMATION
TECHNOLOGIES IN THE QUESTION
OF FORMATION OF SOCIAL
BEHAVIOR OF DIGITAL
GENERATION**

■ ■ ■
Annotation. Under the circumstances of information communicative technology`s intensive development, the appeal to the problem of young people`s socialization in the society gains in a crucial importance on the way of highly cultured, intelligent society`s formation. The researchers pursue the aim to find out and appreciate from the view of young people`s socialization key scientific approaches while considering this question in the present article.

Keywords: information communicative technology, young people`s socialization, networks, social institute.

■ ■ ■
интернета вызывает глубинные сдвиги в развитии культуры молодежи и её социализации.

Данные тенденции влияют на формирование принципиально новой модели общества, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных акторов, участвующих в формировании личности молодого человека, движимые собственными мотивами и обладающие для этого соответствующим опытом. При этом, надо понимать, что в социальных сетях чаще приходится наблюдать акторов, выступающих в качестве

коллективных субъектов, социальных групп, общностей людей, совершающих действия направленные на других участников [11].

В современную эпоху информационных технологий возрастает роль и значение сетевых структур в вопросе воспитания молодёжи и формирования её культуры и интеллекта. Сегодня в научной литературе можно выделить большое количество типов контактов людей с новыми технологиями, цифровой средой.

Первый тип контакта с цифровой средой представляет собой поколение людей, которое создавало эти технологии, это поколение придумывало первые протоколы, программы, социальные площадки, компьютерные сети, это поколение людей, чье активное творчество, а точнее инженерное творчество пришлось на 1950–1960-е годы. Тем самым мы выделяем поколение создателей виртуальной реальности

Второе поколение – поколение «цифровых эмигрантов», в полной мере осознающие, что такое реальная и виртуальная действительность, поэтому легко переходят из одного мира в другой, ощущают грань-границу раздела виртуальности от реальности. Поэтому здесь акцент сделан на «эмигрантах». Это поколение, которое в равной степени владеет концепцией реальности и виртуальности и строго ощущает границу между реальным и виртуальным. Поэтому у данного поколения в большинстве своем существует ощущение игры в виртуальном пространстве. Это мы можем увидеть в сетевых псевдонимах - NIKах, это заметно по тому как отличается поведение людей данной группы в реальной и виртуальной реальности их «АВАТАРов».

И наконец, третье поколение, третий тип – «цифровых аборигенов», «цифровых туземцев». Это поколение подрастающей молодежи, которая не знает реальности без интернета, это поколение, которое выходит в интернет, в виртуальную реальность с помощью мобильных и сверхмобильных устройств. У данного поколения отсутствует граница между реальной и виртуальной реальностью. Их реальность это смешанная реальность, в которой виртуальная и объективная реальность органично дополняют друг друга.

Разбирая приведенные типы поколений можно выделить для каждого типа и свою мораль, ценностные ориентиры.

Насущной потребностью современного общества является выстраивание механизмов социализации молодёжи, направленных на создание такого социального поведения, при котором молодёжь будет стремиться к высокой культуре развития и активно стремиться к созиданию новых культурных ценностей в процессах творчества и самотворчества. Решающее значение в переходе на более высокую ступень развития человечества имеет культивирование творчески ориентированной личности «синергетического» типа мышления, способной адекватно оценивать обстановку, взвешивать альтернативные мнения

и принимать продуманные решения на основе анализа соответствующей информации [2].

Данная задача особенно актуальна, так как сегодня наблюдается среди молодёжи эффект культурной дезориентации. Данный эффект усиливается, в том числе, из-за вовлеченности молодёжи в социальные сети и бесконтрольного использования информационных технологий в повседневной и образовательной среде. И здесь важную роль играют регуляторы социального поведения. Объективно рассматривая роль гаджетов в образовательной среде для молодёжи, приходим к однозначному выводу, что современные информационные технологии формируют в сознании молодого поколения иллюзию знания, формируют иллюзорные компетенции. К сожалению, лишь при наличии в руках смартфона молодой человек может транслировать знания.

Социальное поведение личности может быть сформировано в процессе целенаправленного воспитания при социализации. Проецируя социальное поведение на социальные сети, можно увидеть, что в качестве субъекта поведения выступает личность молодого человека и социальной группы, к которой он себя относит. Результатом социального поведения является развитие взаимодействий и взаимоотношений личности с другими людьми и общностями в интернет пространстве [9].

В социальном поведении молодёжи интернет пространства, особое место занимают социальные действия, по отношению к другим участникам, группам, обществам и предметному миру. К сожалению, специфика социальных сетей такова, что эти действия регулируются только на уровне заявлений, правил, на которые никто не обращает внимание, в силу того, что существует определенная анонимность.

Можно смело говорить о социальных сетях как общественном институте, который оказывает непосредственное влияние на социализацию молодёжи и формирование шаблонов социального поведения. Можно определить виртуальные социальные сети как набор формальных и неформальных правил, норм, установок, регулирующих различные сферы деятельности молодёжи и организующих их в систему ролей и статусов [4].

Тем самым, многие свои потребности молодёжь частично или полностью удовлетворяет через информационно-коммуникативные сети – в виртуальном мире, отрываясь от жизни реальной, настоящей.

Анализ влияния Интернета как принципиально нового средства коммуникации на человека и культуру проводился так же в работах В.П. Гончарова, Н.В. Корытникова, К.Э. Разлогова, Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна, М.Ю. Попова, С.И. Самыгина, Д.С. Загутина [5].

Также ряд авторов выделяют социально-философские и социально-психологические аспекты социализации и виртуализации общества.

Последствия влияния виртуальной реальности на человека и общество исследуют Т.А. Бондаренко, Б.В. Марков, А.Ю. Фимин [6] и др.

Решающая роль, как отмечают ряд авторов, на первых стадиях социализации принадлежит традиционному механизму социализации, т.е. усвоение норм поведения в семье, в то время как в подростковом возрасте на первый план выходит институциональный механизм социализации, а именно информационно-коммуникативные сети, которые состоят из виртуальных социальных групп. И здесь на первый план в вопросе выработки норм социального поведения молодежи выходят сетевые структуры и информационные технологии [3].

Важно отметить, что составными элементами виртуальной социальной сети являются молодые люди, социальные связи и действия, социальные взаимодействия и отношения, социальные группы, общности, нормы и ценности, в совокупности своей и представляющие из себя digital поколение, не ограничивающие виртуальность и реальность. Каждый из этих элементов находится в более или менее тесной связи с другими и играет специфическую роль в функционировании digital поколения как целого. Именно благодаря своей структуре digital поколение качественно отличается от предыдущих поколений в вопросе морали, нравственности, ценностных ориентаций. Digital поколение – это такой социальный организм, который функционирует и развивается по своим собственным законам. Это приводит к росту числа несовершеннолетних с девиантным поведением, проявляющееся в асоциальных действиях (алкоголизм, наркомания, нарушение общественного порядка, хулиганство, вандализм, рост преступности среди молодежи и др.), а также развитие различных форм экстремизма и агрессии в молодежной среде [2].

В нашем исследовании социального поведения молодежи, а именно его формирование через интернет пространство и информационные технологии, мы обращаем своё внимание на такие показатели как мораль, нравственность, этика, проявляющееся в коллективном поведении социальных сетей [1].

Информационные технологии, как главный инструмент глобализации, оказывают неоднозначное влияние на каждое поколение людей. С одной стороны они увеличивают его возможности в плане реализации своих способностей. С другой – происходит трансформация личности в контексте ценностно-мировоззренческих установок: ориентация на принципы гедонизма, потребительства и нравственного релятивизма.

Деструктивными следствиями интернет-пространства также является воздействие на психоэмоцио-

нальную сферу человека, углубление чувства страха, возрастание психологической напряженности. Термин «экзистенциальный вакуум», введённый в науку экзистенциалистами, как утрата человеком смыслов, обозначает сегодня новые формы экзистенциального кризиса. «Экзистенциальный эскапизм» обозначает социальную самоизоляцию человека, замещение реального мира виртуальной реальностью, деструкцией личности, превращением ее из субъекта в объект манипуляции.

Социальная изоляция повышает степень манипулятивности человека. Принимая во внимание, что именно молодежь является ее объектом, то есть та часть населения, мировоззрение которой находится в процессе становления, и которая будет определять будущее страны, то ясно, что интернет-пространство и национальная безопасность тесно связаны.

Понижение экзистенциальной безопасности личности используют в информационной войне – войне идей и ценностей. Объектом ее является по преимуществу, не физическое уничтожение человека, на воздействие на его психоэмоциональную и оценочную сферу, создание напряженности в обществе, его атомизацию, разобщение людей по принципу «войны всех против всех».

Информационная война как реальность ведется на трех уровнях: фактологическом, концептуальном и смысловом. Подача информации, ее интерпретация и осмысление. Информационные «факты» в этом противостоянии нельзя назвать фактами в научном смысле этого слова, как то, что должно обладать объективным содержанием. Это вбросы, «фейковые новости», слухи, рассчитанные на эмоциональную, а не на рациональную сферу восприятия. На втором и третьем уровне происходит замещение ценностей и смыслов одного общества чужими ценностями и смыслами.

Объектом информационной войны, как правило, становятся те ценности и смыслы, которые объединяют общество, сплачивают людей в единое целое, повышают их самооценку, достоинство, а значит и укрепляют государство в целом. Не случайно, что именно Победа в Великой Отечественной войне стала объектом информационной агрессии. Укрепление национальной безопасности государства в информационном пространстве, во-первых, предполагает возвращение мышления человека в сферу рациональности, то есть формирование каждым самостоятельности мышления, критического отношения к информации в сетевом пространстве, а также меры со стороны общества и государства по ограничению деятельности разрушителей, как внутри, так и извне. Во-вторых, противодействие разрушению нашей идентичности в информационном пространстве на законодательном уровне.

Литература:

1. Лубский А.В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // Информатика и образование. 2007. № 6. С. 10–14.

Literature:

1. Lubsky A.V. Methodological problems of using ICT in the educational space of higher education // Informatics and education. 2007. № 6. P. 10–14.

2. *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. М. : Педагогика, 1981. 181 с.
3. *Фокин Н.И.* Актуальные проблемы формирования образовательной стратегии как ключевого фактора обеспечения национальной безопасности России // Образование.Наука.Инновации: Южное измерение. 2014. № 4 (36).
4. *Захараш Т.Б.* Теоретические основы формирования индивидуального и коллективного опыта у студентов. // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 5. С. 165–172.
6. *Лубский А.В.* Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 59–75.
7. *Косинов Н.Ю.* Коммуникационные технологии образовательной среды в процессе формирования творческого мышления инженера / Н.Ю. Косинов, А.Г. Егорова // Вестник непрерывного образования. 2015. № 3. С. 67–73.
8. *Руденко А.М.* Социальная психология для бакалавров : учебник / А.М. Руденко и др.; под ред. А.М. Руденко. Ростов н/Д : Феникс, 2016. 332 с.: ил. (Высшее образование).
9. *Загутин Д.С.* Профилактика молодёжного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в Ростовской области / Д.С. Загутин, М.В. Ивченко // Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. С. 82–89.
10. *Lubsky A.V.* Russia in search of national integration model / A.V. Lubsky, A.G. Lurje, A.V. Popov, I.B. Serikova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. № 4. С. 209–214.
11. *Самыгин С.И.* Социальные сети как социальный институт социализации молодёжи / С.И. Самыгин, М.Ю. Попов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 46–49.
2. *Lerner I.Ya.* Didactic bases of teaching methods. M. : Pedagogika, 1981. 181 p.
3. *Fokin N.I.* Actual problems of the formation of educational strategy as a key factor in ensuring national security of Russia // Education. Science. Innovations: The Southern Dimension. 2014. № 4 (36).
4. *Zakharash T.B.* Theoretical bases of formation of individual and collective experience at students. // Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical sciences. 2009. № 5. P. 165–172.
6. *Lubsky A.V.* Russian sociology at the turn of the century: the state and development trends // Humanitarian of the South of Russia. 2012. № 1. P. 59–75.
7. *Kosinov N.Yu.* Communication technologies of the educational environment in the process of forming the creative thinking of an engineer / N.Yu. Kosinov, A.G. Egorova // Bulletin of continuous education. 2015. № 3. P. 67–73.
8. *Rudenko A.M.* Social Psychology for Bachelors: A Textbook / A.M. Rudenko and others; under red. A.M. Rudenko. Rostov n/D : Phoenix, 2016. 332 p.: Im. (Higher education).
9. *Zagutin D.S.* Prevention of youth extremism and aggression in social networks on the example of youth policy in the Rostov region / D.S. Zagutin, M.V. Ivchenko // Bulletin of Continuing Education. 2015. № 2. P. 82–89.
10. *Lubsky A.V.* Russia in search of national integration model / A.V. Lubsky, A.G. Lurje, A.V. Popov, I.B. Serikova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. № 4. P. 209–214.
11. *Samygin S.I.* Social networks as a social institution of socialization of youth / S.I. Samygin, M.Y. Popov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. № 5. P. 46–49.

Муха Виктория Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

Тучина Оксана Роальдовна

доктор психологических наук,
заведующая кафедрой философии,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

Victoria N. Mukha

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of
the Department of Sociology,
jurisprudence and work with personnel,
The Kuban state University of Technology
v.mukha@bk.ru

Oksana R. Tuchina

Doctor of Psychology Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Kuban State Technological University
v.mukha@bk.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ¹

INTERCULTURAL COMPETENCE AS THE FACTOR OF OVERCOMING ETHNOCENTRISM IN TODAY'S EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация. В статье изложены результаты исследования межкультурной компетентности в условиях современной образовательной среды. Представлен анализ основных теоретических проблем, связанных с междисциплинарным статусом данного понятия. Рассмотрено соотношение понятий «компетенция» и «компетентность», проведен анализ трактовок межкультурной компетентности в психологии, теории коммуникаций, педагогике, охарактеризовано отличие отечественных и зарубежных исследований данного явления, представлена характеристика основных структурных элементов межкультурной компетентности. Далее излагаются результаты эмпирического исследования проявления межкультурной компетентности студентов в условиях современной образовательной среды на примере отношения студентов КубГТУ к своим иностранным сокурсникам. Выявлено, что опрошенные не испытывают напряжение при общении с иностранными студентами и готовы более тесно общаться с ними. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и реализации современных образовательных программ направленных на формирование межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, образовательная среда, этноцентризм, толерантность, межкультурные контакты, межкультурное восприятие.

Annotation. The article describes the study of intercultural competence in modern educational environment. The main theoretical problems related to the interdisciplinary status of this concept were analyzed. The article deals with the correlation between the concepts of «competence» and «competence», analyzes interpretations of intercultural competence in psychology, communication theory, pedagogy, characterizes the difference between domestic and foreign studies of this phenomenon, and describes the main structural elements of intercultural competence. The author presents the results of an empirical study of the manifestation of the intercultural competence of students in the conditions of the modern educational environment by the example of the attitude of KubSTU students towards their foreign fellow students. It has been revealed that the respondents do not experience tension when communicating with foreign students and are ready to communicate more closely with them. The results obtained can be used in the development and implementation of modern educational programs aimed at building intercultural competence.

Keywords: intercultural competence, educational environment, ethnocentrism, tolerance, intercultural contacts, intercultural perception.

Расширение сферы межкультурного взаимодействия выступает одним из социокультурных последствий процессов глобализации [1].

Ситуациями взаимодействия с представителями других культур пронизаны все сферы общественной жизни, ими наполнена жизнь современного человека в быту, в трудовом и образовательном коллективе и т.п. Нередко межкультурное взаимодействие сопровождается напряженностью из-за языковых, этнических и религиозных отличий, что требует от взаимодействующих

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык».

щих сторон соответствующих навыков и определенного уровня толерантности. По сути, современное поликультурное пространство российского общества требует от индивида межкультурной компетентности, что в свою очередь актуализирует внимание исследовательского сообщества к данному явлению.

Межкультурная компетентность становится объектом исследований представителей целого ряда наук, приобретает междисциплинарный статус. Но к настоящему времени, остаются дискуссионными некоторые аспекты трактовки данного понятия.

Во-первых, в литературе зачастую можно встретить разночтения в понимании терминов «компетенция» и «компетентность»: они могут трактоваться и как тождественные, и как относительно самостоятельные, и как взаимопересекающиеся. А.П. Садохин, проведя обстоятельный категориальный анализ и рассмотрев понимание данных терминов в педагогике, психологии, социологии и теории коммуникаций, определяет компетентность «как совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих ее субъекту эффективно решать вопросы и совершать необходимые действия в какой-либо области жизнедеятельности», тогда как компетенция представляет собой «совокупность объективных условий, определяющих возможности и границы реализации компетентности индивида» [2, с. 157]. В настоящей работе, мы придерживаемся именно этого понимания данных терминов.

Во-вторых, само понятие «межкультурная компетентность» в различных науках и разными исследователями трактуется своеобразно. В частности, в психологии межкультурная компетентность понимается как личностное образование, включающее «знание жизненных привычек, нравов, обычаев, установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки; индивидуальных мотиваций, форм поведения, невербальных компонентов (жесты, мимика), национально-культурных традиций, системы ценностей» [3]. В теории межкультурной коммуникации данное понятие определяется как совокупность знаний, навыков и умений, которые позволяют успешно коммуницировать с представителями других культур в повседневной и профессиональной сферах. В педагогике межкультурная компетентность трактуется как интегральное качество личности, «способность эффективно осуществлять межкультурное взаимодействие, выступая в роли посредника между представителями своей и иной культуры, осознавая себя представителем определенной этнической общности, нации и всего человечества, и воспринимая ситуацию межкультурного диалога как непереносимое условие самореализации и взаимообогащения представителей различных культур» [4, с. 58]. Отдельно следует отметить исследования зарубежных авторов, в частности работу Д. Диардорфф, которая обобщив экспертные мнения специалистов по межкультурной проблематике, выделяет три среза межкультурной компетентности: способность результативно общаться в ситуациях межкультурного взаимо-

действия на основе имеющихся знаний; способность проявлять гибкость взглядов в различных культурных контекстах; способность определять культурно обусловленное поведение и вести себя сообразно ему [5].

В целом, авторы определяют рассматриваемое понятие не только как знания, умения и навыки, необходимые для плодотворного взаимодействия с представителями различных культур, но и определенное ценностное отношение к другой культуре, а так же готовность и способность вести диалог с ее носителями. При этом в определениях отечественных исследователей межкультурная компетентность рассматривается как некое статичное состояние – результат, итог, сформировавшееся личностное образование, тогда как их зарубежные коллеги акцентируют внимание на динамическом характере межкультурной компетентности.

В третьих, открытым остается вопрос о структуре межкультурной компетентности. А.М. Хупсарокова и Ф.П. Хакунова выделяют когнитивный компонент, включающий в себя знания и умения необходимые для жизнедеятельности в поликультурном окружении; мотивационно-ценностный компонент, содержащий систему ценностей, ориентированных на толерантное отношение к представителям других социокультурных групп и межкультурное взаимодействие; деятельностно-поведенческий, представленный эффективными моделями межкультурного взаимодействия [6]. Сходная структура представлена в работах А.П. Садохина, который делит содержание межкультурной компетентности на три группы элементов. Аффективные элементы – это эмпатия и толерантность, образующие психологический базис для эффективного межкультурного взаимодействия. Когнитивные элементы представлены этноцентризмом и этнокультурным релятивизмом, обеспечивающие понимание коммуникативного поведения партнера по взаимодействию. Процессуальные элементы – это конкретные стратегии поведения в ситуациях межкультурных контактов [2, с. 164].

Зарубежные исследователи так же солидарны в том, что межкультурная компетентность имеет сложную структуру. Так Г. Чен предлагает трехфакторную модель межкультурной компетентности, включая в нее межкультурное понимание (когнитивный компонент), межкультурную сензитивность (аффективный компонент) и межкультурную эффективность (поведенческий компонент) [7; 8].

Обобщая представленные точки зрения, можно отметить, что межкультурная компетентность включает три основных компонента: когнитивный, содержащий знания о своей и других культурах; ценностно-эмоциональный, представленный системой ценностных ориентаций, ориентированных на толерантное взаимодействие; поведенческий, выраженный в системе навыков межкультурного взаимодействия.

Межкультурную компетентность можно отнести к базовой компетентности, которой должен вла-

деть современный человек. В. Хутмахер, выступая на заседании Совета Европы, отметил, что для предупреждения ксенофобии, расовой, межэтнической и межконфессиональной нетерпимости, образование должно формировать у молодежи компетенции, необходимые для жизни в поликультурном обществе: «понимание различий, уважение друг друга, способность жить с людьми других культур, языков и религий» [9].

Образовательная среда выступает тем пространством, в котором происходит активное межкультурное взаимодействие, закрепляются межкультурные стереотипы, формируется система ценностных ориентаций относительно своей собственной культуры и иных культур [10]. Межкультурное взаимодействие, как правило, сопровождается этноцентризмом, который выражается в том, что индивид оценивает окружающую действительность и поведение партнера по взаимодействию сквозь призму ценностей и норм своей собственной культуры. И это серьезное препятствие для эффективной межкультурной коммуникации [2, с. 160], источник возникновения межэтнической напряженности, интолерантных установок и поведенческих актов. В связи с этим, важным представляется прикладное исследование межкультурной компетентности современных студентов в образовательном пространстве вуза.

В рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» проводилось исследование толерантности и межкультурной компетентности студентов Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ). В рамках данной статьи представим результаты социологического исследования, посвященного изучению восприятия российскими студентами иностранных студентов.

КубГТУ ведет подготовку иностранных студентов, в каждом институте и почти на каждом курсе есть иностранные студенты, соответственно для конструктивной адаптации как принимающего студенческого сообщества, так и самих иностранных студентов, для разработки мероприятий по формированию межкультурной компетентности учащихся необходимы эмпирическое исследование проявления межкультурной компетентности. Исследование проводилось в декабре 2017 года. Использовался метод анкетного опроса, опрашивались студенты 2–4 курсов (специалитет), 2–3 курсов (бакалавриат) очной формы обучения. Применялась квотная выборка, объем выборки составил 623 человека. Контролируемые параметры: форма обучения (очная), институт, курс; отбор респондентов внутри квот случайный.

Большая часть опрошенных относится к иностранным студентам либо нейтрально (49,4 %), либо положительно (46,5 %), процент тех, кто испытывает негативное отношение невелик (4,1 %). Существенной разницы между мнением мужчин и женщин не выявлено, чуть большее число девушек склоняется к нейтральному отношению к иностранным студентам (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к иностранным студентам, %

Отношение	Мужской	Женский
Положительно	48,7	42,6
Нейтрально	45,4	55,4
Отрицательно	5,9	2,0
Всего	100	100

У половины опрошенных есть знакомые среди иностранных студентов (57,1 %). Можно отметить, что факт непосредственного знакомства с иностранными студентами отражается на отношении к ним. Среди тех, у кого есть знакомые, меньше испытывающих негативное отношение к ним (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение наличия знакомых среди иностранных студентов и отношение к ним, %

Отношение	Есть ли у Вас знакомые среди иностранных студентов		
	да	нет	всего
Положительно	71	29	100
Нейтрально	45,7	54,3	100
Отрицательно	31,6	68,4	100

Большинство опрошенных отметили, что им нравится учиться совместно с иностранными студентами (64,3 %), примерно четверть респондентов (25,9 %) затруднились с ответом, что обусловлено отсутствием опыта непосредственного взаимодействия, поскольку иностранные студенты есть не во всех учебных группах и только 9,8 % указали на то, что им не нравится учиться совместно с иностранными студентами.

57,1 % студентов отметили, что не испытывают напряжение при общении с иностранными студентами, тогда как 17,6 % указали на напряжение, что может быть обусловлено тем, что большинство людей в принципе испытывают неловкость в новых коммуникационных ситуациях. 25,3 % затруднились с ответом.

Как правило, ситуации непосредственного межличностного взаимодействия влияют на восприятие друг друга представителей разных культур. А направленность этого восприятия – позитивное или негативное – будет определяться конкретными ситуациями. Рассмотрим, какие установки присутствуют у российских студентов относительно иностранных сокурсников (табл. 3).

Анализ установок российских студентов относительно ситуаций общения со своими иностранными сокурсниками показал, что преобладающее число опрошенных считают, что иностранные студенты открыты для общения, и не конфликтны. Такая установка в сфере общения говорит о толерантном восприятии иностранных студентов, положительной направленности ценностно-эмоционального компонента межкультурной компетентности.

Таблица 3

Установки относительно ситуаций общения, %

	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Всего
Иностранные студенты очень общительные	29,4	33	12,4	4	21,2	100
Иностранные студенты конфликтны	7,6	7,2	26,4	35,5	23,3	100
С иностранными студентами никто не общается	5,8	10,1	20,4	44,6	19,1	100
Иностранные студенты общаются только друг с другом	9,5	21,1	21,3	29,7	18,5	100
Иностранные студенты готовы общению, но местные жители нет	5,7	19,5	27,9	26,8	20,1	100

Уровень владения языком, языковая компетентность являются важным фактором как адаптации самого иностранного студента, так и принимающего сообщества. Коммуникативные трудности могут способствовать сохранению закрытости студенческого сообщества приезжих, вызывать непонимание на бытовом уровне и во время обучения, могут стать источником конфликтных ситуаций.

По мнению большинства опрошенных (46,6 %), иностранные студенты хорошо владеют русским языком на бытовом уровне, но он недостаточен для изучения специальности и вызывает трудности в процессе обучения (табл. 4)

Таблица 4

Оценка уровня владения русским языком, %

Ответы	%
Не знают языка	6,5
Разговаривают с трудом	30,2
Хорошо говорят на бытовом уровне, но возникают трудности в изучении специальности	46,6
Свободно владеют русским языком	16,7
Всего	100

Кроме того, чуть больше четверти опрошенных (29 %) склоняются к тому, что незнание языка может являться для иностранных студентов средством манипуляции и спекуляции, треть опрошенных (31,4 %) вообще затруднились ответить на данный вопрос, что может быть связано с отсутствием ситуаций, в которых бы это нашло проявление.

44,4 % опрошенных ощущают разницу в менталитете при общении с иностранными студентами. Другая половина опрошенных (55,6 %) не чувствует такой разницы, что обусловлено как спецификой самого общества, наполненного многочисленными межкультурными взаимодействиями, так и особенностями молодежи как группы, легко идущей на новые контакты и открытой для общения. Большая часть респондентов (42,6 %) отметили, что готовы более тесно общаться с иностранными студентами, около трети – затруднились ответить на данный вопрос (35,7 %) и 21,7 % – не готовы более тесно общаться. В целом, можно говорить о том, что рос-

Литература:

1. Тужба Э.Н. Глобализация культуры: основные измерения и последствия // Ученые записки

сийские студенты готовы к непосредственным взаимодействиям с иностранными студентами.

По мнению российских студентов, основными трудностями для иностранных сокурсников выступают языковой барьер и трудности в учебе, среди наименее важных были выделены конфликтные ситуации в общежитии и предвзятое отношение преподавателей (табл. 5).

Таблица 5

Трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты, % (итог больше 100 %, возможен выбор нескольких вариантов)

Ответы	%
Языковой барьер	60,6
Трудности в учёбе	46,9
Трудности в общении из-за разницы в культуре	42
Различия в менталитете	33,3
Климат	30,4
Непримчивость со стороны местных жителей	23,9
Неготовность к переменам	22,2
Религиозные различия	22,2
Затрудняюсь ответить	12,9
Непримчивость в студенческой группе	9,8
Предвзятое отношение преподавателей	8,8
Конфликтные ситуации в общежитии	7,8
Другое	0,8

Большинство опрошенных (64 %) определяют психологический климат в университете как благоприятный для адаптации иностранных студентов, только около 4 % опрошенных считают климат неблагоприятным.

В целом, результаты исследования показали, что студенты КубГТУ позитивно относятся к своим иностранным сокурсникам, демонстрируют толерантные установки в ситуациях межкультурного взаимодействия, понимают сложности адаптации иностранных студентов и готовы к дальнейшему взаимодействию.

Межкультурное обучение, непосредственные контакты с представителями других культур в образовательном процессе, способны трансформировать этноцентризм в этнокультурный релятивизм. Современная образовательная среда выступает объективной предпосылкой развития межкультурной компетентности личности.

Literature:

1. Tuzhba E.N. Globalization of culture: the basic measurements and implications // Scientific notes of

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Научный журнал. Вып. 1. Т. 15. 2011. С. 13–20.

2. *Садохин А.П.* Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации: (Опыт системного анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 156–166.

3. *Васильева Н.Н.* Межкультурная компетенция. Стратегии и техники ее достижения. М. : Дрофа, 1996. 435 с.

4. *Овсянникова Т.В.* Межкультурная компетентность как результат поликультурного образования: анализ работ отечественных и зарубежных авторов // *Образование и межнациональные отношения*; под ред. Э.Р. Хакимова. Ч. 1. Ижевск : УдГУ, 2012. С. 52–66

5. *Deardorff D.* Policy Paper on Intercultural Competence // *Intercultural competence – The key competence in the 21st century? Theses by the Bertelsmann Stiftung based on the models of intercultural competence by Dr. Darla Deardorff*. 2006. P. 12–30.

6. *Хупсарокова А.М.* Предметно-содержательные компоненты поликультурной компетентности педагога / А.М. Хупсарокова, Ф.П. Хакунова // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 1. С. 50–55.

7. *Chen G.M.* The development and validation of the international communication sensitivity scale / G.M. Chen, W.J Starosta // *Human Communication*. 2000. № 3. P. 2–14.

8. *Chen G.M.* A model of global communication competence // *China Media Research*. 2005. № 1. P. 11–13.

9. *Hutmacher Walo.* Key competencies for Europe // *Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC)*. Secondary Education for Europe Strasburg, 1997.

10. *Демкина Е.В.* Социокультурная воспитывающая среда вуза как условие профессионального становления личности будущего специалиста // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. С. 45–51.

the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Science Magazine. V. 1, T. 15. 2011. P. 13–20.

2. *Sadohin A.P.* Intercultural competence and competence in modern communication: (Experience in system analysis) // *Social sciences and modernity*. 2008. № 3. P.156–166.

3. *Vasil'eva N.N.* Intercultural competence. Strategies and techniques for achieving it. M. : Drofa, 1996. 435 p.

4. *Ovsjannikova T.V.* Intercultural competence as a result of multicultural education: an analysis of the work of domestic and foreign authors // *Education and international relations*; pod red. Je.R. Hakimova. Ch. 1. Izhevsk : UdGU, 2012. P. 52–66.

5. *Deardorff D.* Policy Paper on Intercultural Competence // *Intercultural competence – The key competence in the 21st century? Theses by the Bertelsmann Stiftung based on the models of intercultural competence by Dr. Darla Deardorff*. 2006. P. 12–30.

6. *Khupsarokova A.M.* Subject and content components of multicultural competence of the Teacher / A.M. Khupsarokova, F.P. Khakunova // *Bulletin of the Adyghe State University*. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2011. № 1. P. 50–55.

7. *Chen G.M.* The development and validation of the international communication sensitivity scale / G.M. Chen, W.J Starosta // *Human Communication*. 2000. № 3. P. 2–14.

8. *Chen G.M.* A model of global communication competence // *China Media Research*. 2005. № 1. P. 11–13.

9. *Hutmacher Walo.* Key competencies for Europe // *Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC)*. Secondary Education for Europe Strasburg, 1997.

10. *Demkina E.V.* The social-cultural educational environment of higher school as a condition of professional forming the person of the future expert // *The Bulletin of Adyghe State University*. Series 3. Pedagogy and Psychology]. 2008. № 7. P. 45–51. [in Russian].

Палий Виталий Михайлович

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИО
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
т. 8(918)43-79-923

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье исследуются актуальные для социологии аспекты взаимоотношений власти и общества. Интеграция в обществе не изучается в отрыве от власти, поскольку исходя из функционалистского подхода, власть призвана гармонизировать различные подсистемы в социуме, выступая либо как свойство самой системы, либо как медиум коммуникации. Анализируются отдельные положения общей теории социальной статики и социальной динамики в контексте эффективности властных отношений в системе структурообразующих признаков трансформирующегося общества.

Ключевые слова: социология, социальные взаимоотношения, взаимодействие, социальная структура, социальный институт, социальная трансформация, власть, гражданин, общество.

Поиск и обоснование рациональных вариантов, оптимальных моделей в динамике коммуникации власти и общества традиционно составляет объект научного интереса в истории гуманитарного знания. В современной науке сложилось понимание того, что соответствующие модели предполагают достаточно сложную структуру для набора объективных и субъективных факторов взаимодействия власти и иных общественных институтов. Соответственно наиболее ожидаемая модель оптимального взаимодействия власти и общества предполагает паритет обязанностей, ответственности, как идеальную основу для достижения партнёрства в динамике рассматриваемой коммуникации. Однако реальная картина далека от благополучных прогнозов. Прежде всего, на наш взгляд, это обусловлено несоответствием по поводу того, что, с одной стороны, власть должна поддерживать и укреплять потенциал силы и собственного авторитета для обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов личности. С другой стороны, государственное принуждение объективно нуждается в ограничениях, пределы которой власть должна устанавливать сама для себя. Этим обусловлены и достаточно полярные общественные оценки непротиворечивой реализации нормативных предписаний, правообеспечительной самореализации власти.

Vitaly M. Paliy

Candidate of Law Sciences,
senior research associate of NIO Krasnodar
university Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation, police lieutenant colonel
t. 8(918)43-79-923

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP OF POWER AND SOCIETY

Annotation. In the article the aspects of the relationship between power and society relevant to sociology are examined. Integration in society is not studied in isolation from power, since based on a functionalist approach, the power is called upon to harmonize various subsystems in society, acting either as a property of the system itself or as a medium of communication. Some provisions of the general theory of social statics and social dynamics are analyzed in the context of the effectiveness of power relations in the system of structure-forming features of a transforming society.

Keywords: sociology, social relationships, interaction, social structure, social institution, social transformation, power, citizen, society.

То есть феномен идеи ограничения государственной власти осознаётся и признаётся как в научной теории, так и в общественном сознании, однако в реальной практике ограничение власти правом чаще всего не находит полноценной реализации. В целом, исходная масштабность данной темы позволяет включить в её состав такие понятия, как законность и режим законности, законотворчество и реализация правовых норм. И здесь актуальные проблемы взаимоотношений и взаимодействия власти и общества в политологическом, историческом контекстах представлены в трудах российских авторов П.Ю. Бекренёва [1], Д.Т. Дзгоевой [2], М.И. Жесткова [3], М.Н. Матвеева [4], О.С. Савиновой [5], Ю.Ю. Сорокина [6] и ряда других. В свою очередь, именно социологическая аргументация нормативных правовых концепций взаимоотношений власти и трансформирующегося общества позволяет рассматривать комплекс перспективных мер по урегулированию существующих и ожидаемых кризисов самой различной природы.

Соответственно, свой значительный вклад в исследования по данной тематике вносят представители отечественной социологии. Так, М.А. Анипкин пишет: «Проблема социальной интеграции в обществе традиционно является одной из актуальных тем в социологическом знании. ... Интегра-

цию в обществе нельзя изучать в отрыве от власти, поскольку исходя из функционалистского подхода, власть призвана гармонизировать различные подсистемы в социуме, выступая либо как свойство самой системы, либо как медиум коммуникации. В обоих случаях власть направлена на усиление функциональности общества как социальной системы ...» [7]. При этом, как мы можем предположить, данный автор аргументирует потребность в создании «теории среднего уровня», которая позволит осуществить масштабный социологический анализ структур, определяющих динамику отношений власти и социума в рамках взаимодействия социальных институтов, социальных групп и на уровнях межличностного взаимодействия.

Объективно существующие разнонаправленные социальные детерминанты определяют поведение индивидов в группах, влияют на формирование и раскрытие свойств личности. То есть мы можем утверждать, что социологическое изучение власти изначально требует научного оформления в понимании системных свойств ведущих институтов для исторически типичной структуры общества. В том числе в контексте восприятия и оценки потенциала взаимоотношений власти и общества самостоятельное проблемное содержание приобретает сопоставление правового нигилизма и правового идеализма граждан и общественных групп. Так, в диссертации Лысенко Г.В. установлено следующее: «Коммуникации реализуются в событиях, основой которых являются проблемы, их разрешение предполагает релевантность событий потребностям и интересам социальных групп. Институты власти, используя совокупность капиталов, создают и с помощью массмедиа транслируют события как информационный повод для обеспечения собственной легитимности. Лишение субъектности граждан и общественных организаций в конструировании социально значимых событий определяет непринятие смыслового содержания события и приводит к отклонению коммуникации» [8].

Мы полагаем, что разнообразие и многовариантность явлений, сопровождающих развитие власти в структуре социальных институтов трансформирующегося российского общества, создаёт значительные трудности в разработке универсальной теории для социологии властных отношений. Соответственно в познании сущности явлений власти в системе структурообразующих признаков, важнейшая роль принадлежит процедурам сбора, регистрации, проверки, обобщения и анализа выявляемых социальных фактов. Обусловлено это тем, что социальные факты являются источником наиболее достоверной информации о составе и связях элементов исследуемой сферы. Во-первых, разложение сложного целого на составные элементы – это достаточно правомерный и убедительный метод исследования социальных структур. Во-вторых, интегральные по своей сущности системные качества могут быть выявлены путём научного анализа общественных систем, организаций, принимающих прямое или опосредованное участие при формировании института власти.

Социологический подход к рассматриваемой проблеме актуален и в аспекте того, как взаимоотношения власти и общества проявляются на уровне повседневной жизни. Отечественный исследователь Романович Н.А. аргументированно полагает, что: «Под отношением к власти понимается отражение в общественном, групповом, индивидуальном сознании всего комплекса прав и обязанностей как особого вида социально-политического взаимодействия, осуществляемого в режиме управления и подчинения ... В традиционной модели базового образа власти в России исторически сформировались такие характеристики, как персонификация, единовластие, централизация, иерархичность, тогда как для современной модели характерны деперсонификация, разделение властей, децентрализация, нивелирование иерархии» [9]. Развивая выделенные тезисы, Романович Н.А. делает важное предположение о том, что, «Причина неэффективности демократических преобразований в России заключается в базовом (структурном, установочном и функциональном) противоречии между традиционной для России моделью образа власти и либерально-демократической моделью власти западного типа, основанных на различных ценностно-нормативных установках, сформировавшихся в процессе исторического развития. Для успешности реформирования общества должны учитываться особенности традиционного образа власти российских граждан» [10].

Дополним, что такое, последовательное разграничение обстоятельств и закономерностей развития взаимоотношений власти и общества принято осуществлять от конкретных фактов к абстрактным выводам и предположениям. В то же время в перспективах становления целей, ценностей, мотивов и воли конкретного человека актуализируется движение познания от абстрактного к конкретному. То есть на практике недостаточно обозначить установки общественного запроса к ожидаемым эффектам индивидуализации. Социальная детерминация личности в высокой степени непредсказуема, ограничена конкретными условиями общественных отношений, традициями воспитания, профессионального развития, образования, самооценкой и другими факторами. Тем не менее, именно на личностном уровне закладывается и раскрывается потенциал институтов гражданского общества. И, как следствие, оформляются возможности деятельной коммуникации власти и общества при проведении общественных экспертиз проектов законов, общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, структур местного самоуправления и принимаемыми решениями.

Правосознание и правовая культура граждан и социальных групп критериально отражают уровни знания, понимания и применения права для конкретных исторических условий в организации взаимоотношений власти и общества. По нашему мнению, позитивная динамика таких отношений предполагает следующее:

– государственные гарантии в регламентации правомерных и неправомерных феноменов общественной жизни;

– позитивное восприятие идеологических и материальных средств реализации власти в общественном сознании;

– формирование и повышение правового сознания и правовой культуры, как основы личного убеждения каждого человека в справедливости законов власти и общества;

– социологический анализ системы формальных, неформальных правил и норм реализации индивидуальных и групповых интересов, ценностей, традиций граждан и социальных групп по установкам действующей власти.

Соответственно повышение доступности для граждан текстов федеральных и региональных законов Российской Федерации, актов местного самоуправления, проектов планируемых к принятию нормативных законодательных актов, является существенным фактором в деятельности органов власти по установлению и утверждению в обществе действующего права.

Горизонты взаимного сотрудничества власти и общества наиболее достоверно определяются координатами исторического времени в характеристиках взаимоотношений и взаимодействий. И если социальные взаимоотношения в большей степени относятся к статическим параметрам исследуемой темы, то актуальная для социологии динамика задаётся параметрами и условиями созидательного взаимодействия власти и общества. Для институциональной социологии в определении феномена социальных взаимоотношений важны аспекты разнообразных связей, возникающих между людьми и социальными

группами, сообществами, нациями, этносами а также внутри этих сообществ по основным сферам многовариантной деятельности (экономика, культура, политика, право, социализация). В свою очередь взаимодействие – это более динамичная характеристика, как система взаимообусловленных социальных действий, предполагающая процессы активного участия и соучастия власти и общества в процессах достижения общей пользы, общественного блага.

Отметим, что положительные эффекты взаимодействия власти и общества достаточно сложно выявить и убедительно аргументировать. Тем не менее, единство указанных взаимоотношений и взаимодействий составляет наиболее устойчивую основу институционального развития, в том числе для условий трансформирующегося общества.

В качестве вывода по представленному материалу отметим, что самыми важными в установках организации взаимоотношений власти и общества считаются гарантии прав и свобод человека. Также очевидно, что социальные трансформации, как и увязанные с ними модернизации в иерархии властных отношений предполагают вполне определённые социальные, институционально значимые последствия. Диапазон предполагаемых вариантов развития трансформируемого российского общества достаточно обширен. Соответственно важный вектор социологических исследований по данной теме определяется актуальным запросом к научному обоснованию динамики согласования социальных интересов и институциональных ценностей в развитии взаимоотношений власти и общества.

Литература:

1. *Бекренёв П.Ю.* Государственная власть современной России как фактор формирования местного самоуправления в условиях модернизации политической системы общества. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль, 2007.

2. *Дзгоева Д.Т.* Трансформация взаимодействия власти и общества в современной России. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. С. 2017.

3. *Жестков М.И.* Содержание образов власти в современной России : автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2013.

4. Автореферат докторской диссертации М.Н. Матвеева на соискание ученой степени доктора исторических наук. Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977–2003 годах. Самара, 2006.

5. *Савинова О.С.* Власть и общество: деятельность служб по связям с общественностью в рос. регион. органах управления : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 1998.

Literature:

1. *Bekrenyov P.Yu.* The government of modern Russia as a factor of formation of local government in the conditions of modernization of political system of society. Avtoref. theses for a degree of the candidate of political sciences. Yaroslavl, 2007.

2. *Dzgoieva D.T.* Transformation of interaction of the power and society in modern Russia. Avtoref. theses for a degree of the candidate of political sciences. P. 2017.

3. *Zhestkov M.I.* The maintenance of images of the power in modern Russia : avtoref. theses for a degree of the candidate of political sciences. Moscow, 2013.

4. The abstract of the doctoral dissertation of M.N. Matveev for a degree of the doctor of historical sciences. The power and society in the system of local government of Russia in 1977–2003. Samara, 2006.

5. *Savinova O.S.* Power and society: activities of services for public relations in dew. region. governing bodies : avtoref. theses for a degree of the doctor of political sciences. Moscow, 1998.

6. *Сорокин Ю.Ю.* Публичная власть и интересы общества: проблемы взаимодействия : автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2011.

7. *Анипкин М.А.* Социальная и системная интеграция власти и общества: региональный аспект : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Волгоград, 2010. С. 2.

8. *Лысенко Г.В.* Коммуникативные основания субъектности власти и общества : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Москва, 2011. С. 7.

9. *Романович Н.А.* Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Москва, 2010. С. 5.

10. *Романович Н.А.* Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Москва, 2010. С. 6.

6. *Sorokin Yu.Yu.* Public power and interests of society: interaction problems : avtoref. theses for a degree of Candidate of Law Sciences. Moscow, 2011.

7. *Anipkin M.A.* Social and system integration of the power and society: regional aspect : avtoref. theses for a degree of the doctor of sociological sciences, Volgograd, 2010. P. 2.

8. *Lysenko G.V.* Communicative bases of subjectivity of the power and society : avtoref. theses for a degree of the doctor of sociological sciences, Moscow, 2011. P. 7.

9. *Romanovich N.A.* The sociocultural mechanism of formation of the relation to the power in the Russian society : avtoref. theses for a degree of the doctor of sociological sciences, Moscow, 2010. P. 5.

10. *Romanovich N.A.* The sociocultural mechanism of formation of the relation to the power in the Russian society : avtoref. theses for a degree of the doctor of sociological sciences, Moscow, 2010. P. 6.

Фатьянов Виктор Михайлович
соискатель кафедры философии
и социологии,
Адыгейский государственный университет
dr.fatianoff@yandex.ru

РОЛЬ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В представленной статье анализируется влияние глобальной компьютерной сети на формирование правовой культуры молодого поколения в современной России. Автор отмечает, что интернет в современном обществе стал не только одним из наиболее активных участников системы коммуникаций, но и значимым агентом правовой социализации молодежи.

Ключевые слова: интернет, молодежь, правовая культура, правовая социализация, правовое сознание.

В последние годы в различных исследованиях, проводимых на научном поле социологии, интерес ученых все больше возрастает к такому социальному явлению как сетевые коммуникации. Данное внимание объясняется, прежде всего, происходящей глобальной трансформацией современного социума и сопровождающимся внедрением интернет-коммуникаций во все области жизнедеятельности общества, формированием нового вида коммуникативных структур и процессов.

Следует отметить, что в современной глобальной сети все более важное значение приобретают интернет-сообщества, главной функцией которых является межличностная коммуникация индивидов. Формирование данных сообществ обуславливается процессами глобализации, а также социальными потребностями современного человека. Таким образом, можно говорить о том, что появление и развитие сети интернет, как новой формы коммуникативного пространства в обществе, сформировало новые модели социального взаимодействия, тем самым, выступая новым видом социальной интеграции [1].

Известный канадский социолог Б. Уэлман, определяя понятие сообщества, пишет: «Сообщества – это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [2].

Следует отметить, что современные интернет-сообщества представляют собой самоорганизу-

Victor M. Fatyanov
Competitor of the Department of
Philosophy and Sociology,
Adygeya State University
dr.fatianoff@yandex.ru

ROLE OF NETWORK COMMUNICATIONS IN THE PROCESS OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Annotation. In the present article analyzes the impact of the global computer network in the formation of the legal culture of the younger generation in Russia. The author notes that the Internet in today's society has become not only one of the most active participants in the communication system, but also a significant agent of legal socialization of young people.

Keywords: Internet, youth, legal culture, legal socialization, legal conscience.

ющиеся группы, связанные между собой с помощью коммуникативных технологий [3]. Современной глобальной сети присущ достаточно широкий спектр средств, оказывающий воздействие на сознание и поведение индивидов. В современной социокультурной реальности особую актуальность, с научной точки зрения, приобретает всестороннее исследование степени воздействия сети на формирование правовой культуры молодого поколения российских граждан.

Важное теоретическое и практическое значение в исследовании влияния интернет-технологий на формирование правовой культуры молодежи имеют труды Е.Л. Вартановой, Ю.Б. Зубарева, В.Л. Иноземцева, И.С. Мелюхина, Э.П. Семенюка, В.Б. Симоненко, Г.Л. Смоляна и др.

Общеизвестно, что формирование правовой культуры осуществляется через трансляцию социально значимой информации, и именно с позиции данного подхода важное значение приобретает исследование основных функций глобальной сети, как наиболее распространенного средства коммуникации в среде современной российской молодежи.

Следует отметить, что правовая культура формируется в юношеском возрасте, при этом государство уделяет особое значение статусу молодого поколения. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, в своей работе «Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий» отмечают: «В существующем законодательстве выделяются права подростков, как категории молодых лю-

дей, имеющих особый правовой статус, связанный с незавершенностью физического и духовного развития ...» [4].

Таким образом, вместе с развитием интернет-технологий обостряется проблема формирования правовой культуры современной молодежи. В условиях глобального социокультурного кризиса происходит деструкция традиционных механизмов передачи основ правовой культуры, опыта старшего поколения молодым гражданам.

Ключевой проблемой современной российской молодежи можно назвать хаотичный, стихийный характер социализации, в следствие чего происходит деформация правовой культуры. В данный момент это осуществляется при помощи интернет-технологий, которые постепенно разрушают сформировавшиеся с годами механизмы генезиса правовой культуры молодого поколения и заменяет их противоречивыми и двусмысленными конструктами. Вследствие чего в социуме все чаще наблюдается деформация правовой культуры и проявление правового нигилизма в молодежной среде, обусловленные влиянием интернет-технологий.

Следует также отметить, что укрепление социальной роли интернета обуславливает проявление дисфункций в процессе социализации молодого поколения, поскольку молодежь, являясь активным пользователем, может получать неконтролируемый доступ к информации асоциального содержания. Следовательно, социализация молодежи посредством глобальной сети преобладает над традиционными агентами социализации.

Таким образом, на сегодняшний день проблема заключается в том, что социализация молодого поколения проходит под влиянием новых акторов, которые практически невозможно цензурировать – это интернет, социальные сети. Вектор их влияния нередко становится непредсказуемым и может приводить к нежелательным последствиям, нивелируя усилия семьи, системы образования и воспитания [5].

Вместе с тем, процесс формирования правовой культуры современного молодого поколения в значительной мере ориентирован не на опыт старших поколений, а на установки весьма неоднозначной по своему содержанию информации, транслируемой современными интернет-технологиями. В частности, ввиду сложившейся ситуации и возникает проблема формирования правовой культуры молодежи. Доминирующие позиции глобальной сети интернет в коммуникационной сфере социума неизбежно оказывают влияние на процесс передачи информации в обществе, тем самым трансформируя социокультурную систему, подстраивая ее под изменяющуюся технологическую среду.

В свою очередь, А.М. Богданова, Ю.А. Гнаева, В.Д. Емельяненко считают, что нельзя рассматривать интернет как явление, имеющее положительное или отрицательное влияние на формирование правовой культуры молодежи. Основная проблема заключается в том, как молодой индивид воспри-

нимает информацию, исходя из его мировоззренческих позиций. Мировоззрение, как система представлений о мире, которое определяет отношение человека к окружающему, формирует его поведение, действительность социально-правовых отношений. В своей работе «Интернет и ценностно-мировоззренческие основания правосознания» они отмечают: «Интернет для неподготовленного пользователя предстаёт в виде калейдоскопического сочетания вырванных из контекста элементов зачастую противостоящих друг другу правовых учений, противоречивых правовых примеров, отражающих самые разные стороны правовой действительности» [6].

В соответствии с таким видением проблемы, устойчивое формирование правовой культуры молодого поколения способно активно противодействовать негативному влиянию глобальной сети. Поскольку именно молодежь относится к такой категории, которая находится в процессе формирования ценностно-мировоззренческих, духовных начал личности, а поскольку большая часть молодых людей является активным пользователем интернета, то именно данная категория граждан в наибольшей степени подвержена влиянию деструктивной, антиправовой информации, являясь впоследствии носителем нигилистического правосознания.

Таким образом, различные информационно-коммуникативные технологии как основа развития информационного общества оказывают значительное влияние на изменения в системе правовой культуры. Вопрос о роли воздействия современного интернета на формирование правовой культуры молодого поколения через призму адаптивно-изменчивой социокультурной среды, требует глубокого анализа. Поскольку явный дисбаланс между правовым воспитанием, правовой нормой и правовой реальностью, способствует росту влияния интернет-среды на формирование правовой культуры современной молодежи, так как именно глобальная сеть, в силу противоречивой по своему содержанию, антисоциальной, антиправовой информации в большей степени способна соответствовать гедонистическим, ультрапрагматическим интересам современного молодого поколения. Это, в свою очередь, также обуславливает дальнейшее несоответствие между социально-правовой средой и молодым человеком в результате воздействия информации глобальной сети на правовое сознание.

Следует отметить, что обозначенные противоречия обуславливают развитие кризиса правового сознания и правовой культуры современной молодежи. Можно предположить, что в целях преодоления сложившейся ситуации необходима разработка новой методологии в системе правового воспитания, направленной на формирование у молодого поколения навыков использования интернет-информации, способствующей усвоению правовых ценностей и ориентаций. На сегодняшний день, наиболее эффективным должен быть подход, в системе правового воспитания и правового обучения, рассматривающий интернет как один из эффективных агентов правовой социализации наряду другими.

Литература:

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У – Фактория, 2004.
2. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
3. *Иоселиани А.Д.* Антропология глобального мира: Человек в современной коммуникативно-информационной сфере Век глобализации, 2013. № 2(12).
4. *Зубок Ю.А.* Правовая культура молодежи в курсе трансформационных стратегий / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социс. 2006. № 6. С. 37.
5. *Хвыля-Олинтер Н.А.* Интернет – фактор в ценностном развитии молодежи России // Alma mater. Вестник высшей школы. 2016. № 5. С. 104–109.
6. *Богданова А.М.* Интернет и ценностно-мировоззренческие основания правосознания / А.М. Богданова, Ю.А. Гнаева, В.Д. Емельяненко // Альманах современной науки и образования. № 7 (97). 2015. С. 66–70.

Literature:

1. *Castells M.* Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society. Ekaterinburg: U – Factoria, 2004.
2. *Nazarchuk A.V.* The network society and its philosophical interpretation // Problems of Philosophy. 2008. № 7. P. 61–75.
3. *Ioseliani A.D.* Anthropology of the global world: Man in modern communication and information sphere globalization Century, 2013. № 2 (12).
4. *Clove Yu.A.* Legal culture of young people from the perspective of transformational strategies / Yu.A. Clove, V.I. Chuprov // Sotsis. 2006. № 6. P. 37.
5. *Khvylya Olinter N.A.* Internet – a factor in the value development of youth Russia // Alma mater. Herald high school. 2016. № 5. P. 104–109.
6. *Bogdanova A.M.* Internet and value-philosophical foundation of justice / A.M. Bogdanova, Y.A. Gnaeva, V.D. Emelyanenko // Almanac of Modern Science and Education. № 7 (97). 2015. P. 66–70.

Шевченко Андрей Иванович
 доктор философских наук,
 профессор кафедры социально-гуманитарных
 и естественнонаучных дисциплин,
 Российский государственный
 университет правосудия
 Milena.555@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВА

■ ■ ■

Аннотация. Современное общество в настоящее время пребывает в состоянии активного становления, что сказывается на ряде социальных сфер и требует их постоянной адаптации к происходящим изменениям. Это определяет функциональную необходимость в соответствии образовательной системы актуальным современным запросам, связанным с подготовкой специалистов по ряду направлений, которые затрагивает современное инновационное развитие общества. Отдельного внимания заслуживает и то, что распределение рынка труда сильно меняется в условиях интенсивных трансформационных процессов. В условиях, когда результаты текущих решений влияют на состояние общества спустя годы, особую актуальность приобретает углубленное теоретическое моделирование и управление системой образования с учетом наиболее значимых социальных прогнозов. В статье рассматривается набор проблем, связанных с реализацией образовательной деятельности в современном обществе. Рассматриваются перспективы развития системы образования, факторы ее соответствия социальным запросам и исследуются наиболее значимые аспекты общественного развития, которые необходимо учитывать при осуществлении реформ в области образования.

Ключевые слова: общество, образование, реформы, адаптация.

■ ■ ■

Современное общество находится в фазе активного становления, что связано с высокой динамикой развития институциональных структур [4]. Высокие темпы развития общества предъявляют все более серьезные требования к системе образования, от эффективности которого зависит не только профессионализм будущих участников экономической деятельности, но и характер социальных установок, а также общий уровень конструктивности взаимоотношений в

Andrey I. Shevchenko
 doctor of philosophical science,
 Professor of the Department of
 Social and Humanitarian
 and natural science disciplines,
 Russian state University of Justice
 Milena.555@mail.ru

SOCIALLY-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF PROBLEM OF ADJUSTING OF EDUCATIONAL SPHERE IN THE CONDITIONS OF INTENSIVE TRANSFORMATION DYNAMICS OF SOCIETY

■ ■ ■

Annotation. Modern society stays in a condition of active formation now that affects a number of social spheres and demands their continuous adaptation to the happening changes. It defines functional need for compliance of educational system to the relevant modern inquiries connected with training of specialists in a number of the directions which are affected by modern innovative development of society. The special attention is deserved also that labor market distribution strongly changes in the conditions of intensive transformational processes. In conditions when results of the current decisions influence a condition of society years later, the special relevance is acquired by profound theoretical modeling and management of an education system taking into account the most significant social forecasts. In article a set of the problems connected with realization of educational activity in modern society is considered. The prospects of development of an education system, factors of its compliance to social inquiries are considered and the most significant aspects of social development which need to be considered at implementation of reforms in the field of education are investigated.

Keywords: society, education, reforms, adaptation.

■ ■ ■

социальной среде. При этом одной из серьезных проблем является то, что реальный эффект от реформ в образовательной сфере проявляется с существенным запозданием. Это связано сразу с двумя факторами: с одной стороны, временной интервал от включения в образовательную среду и вплоть до осуществления самостоятельной трудовой активности достаточно велик и в разных образовательных учреждениях составляет от двух до семи лет, а если учесть общеобразо-

вательную школьную систему – интервал от включения в образовательную среду и вплоть до активной реализации результатов учебно-воспитательного процесса составляет больше десяти лет.

Безусловно, определенные промежуточные результаты имеют место на протяжении всего периода обучения – так, например, результаты воспитательной работы сказываются на поведении детей непосредственно в процессе получения образования. Однако, если брать за основу прицел на будущее – тот период, когда вчерашние студенты активно включаются в трудовую деятельность – становится очевидно, что результативность образовательной системы проявляется с существенным запозданием.

Это означает, что результаты реформ, проводимых в настоящее время, можно будет окончательно оценить лишь спустя несколько лет (интервал различается в зависимости от того, к какой сфере – высшего или среднего образования – относится реформационная деятельность). Вместе с тем, общество не стоит на месте – то, что является актуальным для современности, вполне может утратить свою актуальность спустя несколько лет. Меняется соотношение трудовых вакансий, возникают новые, востребованные специальности, проявляются социальные проблемы, укорененные в несоответствии между характером воспитания в современной образовательной среде и общей социальной ситуацией.

При всей очевидности того, что образование должно быть социально ориентированным, в настоящее время мы наблюдаем оторванность образовательной сферы, ее несоответствие наиболее значимым социальным запросам [3].

Второй проблематичный аспект реформирования образования связан с тем, что процесс адаптации самой системы к возникновению новых вводных, равно как и процесс адаптации учащихся к происходящим в системе образования изменениям, не может быть осуществлен мгновенно. Как отмечает Э. Дюркгейм, любое значимое изменение в обществе, даже при условии его общего положительного значения, влечет за собой возникновение кризисных последствий [2]. И сфера образования в данном случае – не исключение. Таким образом, осуществление реформ в образовательной сфере влечет за собой повышение нагрузки на носителей ее непосредственных функциональных обязанностей (что связано с необходимостью разработки новых учебных курсов, повышения квалификации и т.д.) и, как временное следствие – снижение эффективности образовательной деятельности, связанное с проявлением негативных последствий трансформационного периода. Таким образом, даже при условии выбора корректного курса по изменению характеристик системы образования, на уровне краткосрочных результатов достаточно сложно определить успешность осуществляемых изменений, их соответствие актуальным социальным запросам.

В сочетании обозначенные выше факторы приводят к тому, что сфера образования становит-

ся, в плане условий регуляции, зоной повышенного риска. Те воздействия, которые оказываются на ее структуру, не имеют гарантированных результатов и сопряжены с серьезным риском отторжения как в социальной среде, так и на уровне преподавательского состава. В результате можно судить об еще одной опасности – утрате ряда квалифицированных специалистов, которые не смогли перестроиться, адаптироваться к новым условиям.

В этом отношении, говоря об издержках трансформационных процессов, следует учитывать и кадровый аспект. Здесь возможны две модели – повышение нагрузки на кадровый состав системы образования, как сверхурочная работа, мотивированная стремлением сохранения рабочего места, либо поощрение специалистов, сумевших адаптироваться к новым реалиям трудовой деятельности. В этом отношении материальный стимул имеет серьезное значение не только как средство формирования экономической заинтересованности, но и как возможность апелляции к профессиональной гордости работников образовательной сферы.

В данном контексте вызывает серьезное беспокойство то обстоятельство, что снижение перспективности участия в образовательной деятельности для специалистов, имеющих серьезный опыт, приводит к освобождению вакантных мест и, как следствие – снижению общей квалификации преподавательского состава. Молодые специалисты, в ряде аспектов более гибкие, вместе с тем, имеют несколько существенных недостатков. К их числу относится отсутствие опыта, а также характер квалификации, определяемый исходными характеристиками образовательной сферы. И здесь мы можем судить о том, что кризис в системе образования – это системный, самовоспроизводящийся процесс. И если первая его стадия связана со снижением качества образования у подрастающего поколения, то следующая связана с ситуацией, когда это поколение, взросшее в кризисной системе, включается в процесс передачи знаний, навыков и социальных установок.

Безусловно, было бы опрометчиво рассматривать исключительно отрицательные стороны текущей ситуации – подобного рода проблематизация может привести к абстрактному, одностороннему рассмотрению проблемы. Несмотря на то, что о проблемах, существующих в образовательной среде говорят уже длительное время, это не отражает ситуацию в ее полноте. Распределение кадров неоднородно и, соответственно, упоминая исключительно проблемные аспекты и опираясь на них, мы не можем сформировать целостную картину происходящего. Наряду с кризисными тенденциями имеют место и обратные процессы, связанные с повышением доступности информации, а также развитием феномена самообразования. Современные специалисты учатся не только в школах и университетах – доминирующую роль в обретении профессионализма играет активная самостоятельная деятельность по приобретению знаний и навыков. И здесь можно судить о том, что кризис системы

образования частично компенсируется насыщением информационной среды образовательными материалами по ряду значимых сфер.

Однако этот естественный процесс информационного насыщения общества связан с активностью тех, кто уже обладает навыками поиска информации, а также мотивацией к обучению. Как плюсом, так и минусом самообразования является его ограниченность сферой интересов человека. Это, с одной стороны, является ключом к углубленному развитию в избранных сферах, с другой – определяет однобокий характер этого развития, не столько социально ориентированного, сколько отвечающего интересам конкретного человека.

В данном случае развитие практики самостоятельного обучения является положительным фактором для развития молодых специалистов, однако не решает в полной мере проблему корректировки обучения школьников и студентов. Образование, как учебно-воспитательная деятельность, способствует не только приобретению знаний и навыков, но и социализации, включению в коммуникативную практику, а также принятию ряда норм и правил взаимодействия в обществе. Наконец, образование ответственно за развитие ценностной структуры личности. Самообразование в данном случае – это, в первую очередь, приобретение знаний и навыков. Таким образом, если мы ставим вопрос о необходимости совершенствования образовательного процесса и преодолении кризиса в системе образования, необходимо учитывать именно успешность институциональной сферы образования и ее соответствие актуальным социальным запросам [1], в то время как компенсирующие социальные механизмы рассматривать с рядом оговорок. Помимо того, что самообразование ограничено сферой интересов конкретного человека, навыком поиска адекватных материалов, а также мотивацией к развитию обладают далеко не все члены общества, ввиду чего наличие эффективной внешней институциональной среды сохраняет высокую степень значимости.

В рассматриваемой ситуации преобладающее значение имеет то, что изменение в системе образования неизбежно. Уже сейчас имеет место проблема, выраженная в недостатке квалифицированных кадров по ряду специальностей, связанных с современными научно-техническими разработками. Технологическое развитие общества определяет возникновение новых профессий и постоянное изменение критериев квалификации, что в условиях современных учебных заведений крайне проблематично для адекватного отражения. Кроме того, рост объема научной информации и усложнение условий профессиональной деятельности в ряде сфер приводит к тому, что универсальная образовательная программа требует постоянного повышения нагрузки на учащихся. Помимо того, что растет число обязательных предметов, также повышается их информационная нагруженность.

Этот процесс сам по себе достаточно проблематичен, однако особую остроту он приобретает в

контексте соотношения учебной и воспитательной деятельности: постоянное повышение учебной нагрузки приводит к снижению уровня восприятия получаемых материалов, а также постепенному вытеснению воспитательного процесса учебным. И хотя назначение ряда гуманитарных дисциплин состоит именно в воспитании, эффект информационной перегруженности школьников приводит к снижению его результатов.

Существует давний спор о целесообразности реформ в образовательной сфере, в котором одним из серьезных аргументов является то, что советская система образования являлась одной из лучших в мире. Проблема заключается в том, что за последние десятилетия произошло событие, именуемое информационным коллапсом – тысячи открытий в ряде дисциплин изменили облик современной науки, а динамика социальных изменений возросла многократно. В этих условиях изменение учебных программ является практически естественной реакцией, вместе с тем, очевидна и необходимость более серьезных перемен, связанных со способом подачи знаний, набором дисциплин, характером специализации и т.д. Рассмотренная выше «неповоротливость» системы образования является серьезным минусом. Одновременно с этим, следует обратить внимание и на то, что адаптация системы образования к современным реалиям должна учитывать реальные сильные и слабые стороны текущей системы. В частности, видится неэффективной реорганизация системы образования в тех случаях, когда ее дисфункциональность определяется внешними факторами (экономическими, культурными). Иллюстрируя последнее, следует заострить внимание на том, что эффективность образования во многом зависит от престижности профессии преподавателя (или школьного учителя), что определяется сочетанием культурных и экономических факторов.

В условиях, когда уровень материального поощрения преподавательской деятельности сопоставим с оплатой низкоквалифицированного труда, сложно ожидать серьезного служебного рвения со стороны учителей и развитой конкуренции, связанной со стремлением получить трудоустройство в образовательной сфере. Соответственно, ряд перспективных кадров уходит из сферы образования (или не приходит в нее), руководствуясь статусными и материально обусловленными соображениями, что в конечном счете влияет на перспективы учебно-воспитательного процесса, вне зависимости от того, какая именно структура системы образования имеет место быть.

Зеркальный процесс обнаруживается и в среде учащихся: многие педагоги отмечают низкий уровень мотивации учащихся, что существенно снижает качество образовательного процесса. Что характерно, обозначенные явления взаимосвязаны: от качественной определенности преподавательского состава во многом зависит и уровень мотивации учащихся, поскольку речь идет о профессиональной работе, связанной с применением ряда педагогических методик, а не только прямой передаче материала по непосредственной специальности.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что изменения в образовательной среде неизбежны, однако они не должны быть произвольными. И в этом отношении перенос зарубежного опыта не является панацеей в силу того, что характеристики российского общества существенно отличаются от западных стран, что определяется как менталитетом россиян, так и социально-экономической ситуацией в стране. Вместе с тем, выработка собственного пути развития образовательной сферы требует сочетание двух моментов: глубокого систематического рассмотрения образовательной сферы в контексте общих тенденций развития общества и наиболее детализированных его сценариев (что может позволить устранить проблему, связанную с недостаточным соответствием образова-

тельной сферы динамично меняющемуся набору социальных запросов) и разрешения внешних проблем, не связанных напрямую с функциональной сферой института образования, однако оказывающих серьезное опосредованное влияние на качество образовательного процесса.

Таким образом, развитие системы образования – комплексная задача, которая требует не только глубокого рассмотрения основного спектра проблем текущей образовательной системы, но и рассмотрения динамики соответствия общественной ситуации и состояния образовательной сферы на уровне долгосрочного прогнозирования. Именно такой, систематический, комплексный подход может способствовать разрешению обозначенных в текущем сообщении проблем.

Литература:

1. *Богуславский М.В.* Стратегии модернизации российского образования XX века: теоретико-методологические подходы к исследованию // Проблемы современного образования. 2013. № 4. С. 5–20.
2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М. : Мысль, 1994.
3. *Мурашев А.В.* Трансформация системы образования: реалии и перспективы // Экономика образования. 2012. № 4. С. 87–90.
4. *Нарыков Н.В.* К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов // ИСОМ. 2014. № 6–1. С. 295–298.

Literature:

1. *Boguslavsky M.V.* Strategies for the Modernization of the Russian Education of the Twentieth Century: Theoretical and Methodological Approaches to Research // Problems of Modern Education. 2013. № 4. P. 5–20.
2. *Durkheim E.* Suicide: Sociological Study / Per, with Fr. with abc.; Ed. V.A. Bazarov. M. : Thought, 1994.
3. *Murashev A.V.* Transformation of the education system: realities and perspectives // Economics of Education. 2012. № 4. P. 87–90.
4. *Narykov N.V.* On the issue of determining the factors of the intensification of modern political processes // ISOM. 2014. № 6–1. P. 295–298.

Эбзеев Ахмат Аскербиевич

кандидат политических наук, доцент,
профессор кафедры истории,
обществознания и политологии,
Карачаево-Черкесский республиканский
институт повышения квалификации
работников образования
ebze@yandex.ry

Ahmat A. Abzeyev

candidate of political sciences,
associate professor, professor at the
Department of History, social science and
political science,
Karachay-Cherkess Republican Institute for
Advanced Studies Educators
ebze@yandex.ry

ГЛОБАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ГЕОСТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

THE GLOBALISTIC CONTEXT OF THE GEOSTRATEGY OF ETHNIC ELITES IN THE NORTH CAUCASUS REGION

Аннотация. В статье отмечается, что геостратегические притязания этнических элит, дестабилизируют обстановку не только в отдельно взятой республике, но и резонируют по всему Северному Кавказу. Автором отмечается, что анализ геостратегических функций этноэлит, например, в КЧР позволит прогнозировать результаты таких же политических явлений и на территориях других республик, заселенных близкородственными народами.

Annotation. It registers in the article, that geostrategic claims of ethnic elites, destabilize a situation not only in the separately taken republic but also resonate on all North Caucasus. It is marked an author, that the analysis of geostrategic functions of этноэлит, for example, in КЧР will allow to forecast the results of the same political phenomena and on territories of other republics populated by the closely-related people.

Ключевые слова: геостратегия, глобалистика, Российская Федерация, Северный Кавказ, этноэлиты.

Keywords: Geostrategy, globalistics, Russian Federation, North Caucasus, ethno-elite.

Демократические реформы и реорганизация политической системы в СССР в числе различных задач были направлены, в том числе на демонтаж давно сложившейся унитарной территориальной системы управления. Со сменой унитаризма на федерализм началось формирование принципиально новой системы взаимоотношений между центром и регионами (субъектами федерации), важнейшим основанием которых должны были стать двухсторонние договоры между центром и субъектами, или закрепление в Конституции разделения полномочий и предметов ведения между центром и субъектами федерации. Однако, эти вопросы в Основном законе были проработаны недостаточно четко, что зачастую приводит к злоупотреблениям властными полномочиями либо центра, либо субъектов.

низма взаимодействия центра и регионов, а также поиск новых подходов к подбору кадров, а со стороны региональных лидеров – освоение новых функций в этой роли – поиск оптимального взаимодействия с населением и лидерами оппозиционно настроенных общественных организаций. И поскольку «советская» инерция еще не была погашена, были упущены возможности развития действительной, а не демагогической демократизации подходов к формированию новых властных структур.

К тому же, изменились и принципы формирования, политических элит, их функций и роли в регионах. Если раньше, в советский период, они выступали проводником интересов, целей и программ центрального правительства, и мобилизовывали на их выполнение население региона, то теперь они заняли позицию формирования и формулирования интересов собственных регионов и отстаивания их перед центром. Такие изменения поставили ряд актуальных проблем, как перед центром, так и перед регионами. В частности, потребовалась отработка нового меха-

В контексте нашего исследования следует выделить геостратегические притязания этнических элит, поскольку они дестабилизируют обстановку не только в отдельно взятой республике, но и резонируют по всему Северному Кавказу. Отсюда – анализ геостратегических функций этноэлит, например, в КЧР позволит прогнозировать результаты таких же политических явлений и на территориях других республик, заселенных близкородственными народами. Наиболее «свежим» геополитическим конфликтом в КЧР является движение абазин и ногайцев за выделение этим народам национальных автономий в границах Карачаево-Черкесии, длившееся несколько десятилетий и успешно завершившееся в 2009 г. И это лишний раз подтверждает высокий профессионализм конфликтологов, прогнозировавших еще в начале 2000-х годов дальнейшее

усложнение обстановки в ЮФО. (Кстати, сбылись и их прогнозы о военном разрешении вопросов Грузии к Южной Осетии.)

Сравнивая степень конфликтности региона в 2006 и в 2015 годах, эксперты не устают утверждать, что конфликтность остается на прежнем высоком уровне. Только в настоящее время происходит дифференциация конфликтности по районам изучаемого нами региона. Причины и формы проявления напряженности и конфликтов становятся все более локальными и уникальными, что ставит вопрос о новых методиках их изучения». К факторам конфликтного потенциала региона он относит высокий уровень этнической мозаичности, внешнюю и внутреннюю миграцию, а также «своеобразные процессы модернизации»: «в южном регионе нет баланса между разными народами в различных общественных сферах социальный уровень развитие, экономические преобразования, степень освоения новейших технологий, а, следовательно, не сбалансированы нормы поведения и мораль. Нормы и культура Запада внедряются с молниеносной скоростью в культурные нормы молодежи, а роль старшего поколения заметно снижается. Разрыв между поколениями привел к тому, что население, не решив проблемы настоящего, и прошлого становится заложником нововведений.

Интересна также точка зрения на конфликтные факторы эксперта-абазина, доктора социологических наук К.М. Гожева. Он считает, что «потенциал конфликтности отнюдь не утрачен». Напомнил, что «этот «гордиев узел» хотел разрубить Б.Н. Ельцин, в результате чего погибло восемь тысяч солдат и офицеров, десяток тысяч гражданского населения, но клубок еще больше запутался. В этом убеждает потворство «удельным князьям» в их игре без правил с бюджетными деньгами, в том числе нацпроектов, бряцании этноклановым оружием и проч., что наполняет сегодня картину мира горского края. Особых результатов не дали и мероприятия по празднованию 450-летия ... «добровольного вхождения народов Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в Россию» [1]. По его убеждению, основанному на личных наблюдениях, ситуация, характеризующаяся им как «потенциал второго удара», не изменилась. Но особенно тревожным фактом он считает то, что и аппарат Полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, и практически все представители власти, ответственные за российский Кавказ, сложившуюся ситуацию игнорируют.

Потворство существующего правительства РФ к притязаниям «удельных князей» действительно необъяснимо. Справедливо и такое наблюдение К.М. Гожева: «Создается впечатление, что простое, рядовое большинство ... находится в республиканских резервациях: они для большей части своего Отечества – чужие кавказцы, а для

Литература:

1. Авксентьев В.А. Фрагмент экспертного интервью Гожева К.М. / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гри-

своей маленькой родины – тоже пасынки» [2]. И это, по нашему мнению, придает смелости национализировать» любой экономический и территориальный вопрос. По меткому наблюдению К.М. Гожева, подконтрольные элите структуры делают все, чтобы «поддерживать «ущербный» статус своего «княжества» для приватизации бюджета с последующей его распродажей по рыночной стоимости», поэтому расширение границ «княжества» имеет особое значение. И это будет происходить, пока не будет пересмотрена система взаимоотношений между субъектами и центром, позиция которого на сегодня выглядит однозначной отстраненной.

Геостратегия местных элит становится особенно очевидной, если несколько углубиться в историю вопроса о национальном самоопределении народов КЧР. Отправной точкой затяжного межнационального кризиса стало создание в 1957 году объединенной Карачаево-Черкесской Автономной области. Отметим: уже тогда и абазины, и ногайцы также имели свои нацобразования, но в название области не попали, что, естественно, тут же вызвало у этих народов сознание национальной ущемленности. Отметим также и то, что опыт такого объединения уже был провален еще в 1926 году, когда, просуществовав около 4-х лет, разделился на Карачаевскую Автономную область и Черкесский национальный округ, в рамках которого и существовали абазинский и ногайский районы.

Геополитические цели этнических элит субъектов РФ на Северном Кавказе достаточно четко определены и ясны. Элитами движет не стремление к возрождению национальных культур: этим фактически занимается сельская интеллигенция, семья, школа. Их материальное состояние с образованием новых, «родных» районов не улучшилось и к участию в переделе собственности не приблизило. А значит, наступит день, когда мудрое терпение будет исчерпано и административные границы начнут пересматриваться и превращаться в этно-национальные.

Таким образом, исследование геостратегии этнических элит региона позволило автору сформулировать вывод о нижеследующем.

Геостратегические притязания этнических элит дестабилизируют обстановку не только в отдельно взятой республике, но и оказывают влияние на весь Северный Кавказ. Это стало возможно в результате активного использования фактора этнической солидарности: для подкрепления своих требований делаются ссылки на поддержку заграничной диаспоры своего этноса, родственных диаспор, а также этнически близких этносов на территории Российской Федерации. Данный фактор в современных условиях теряет свою реальную значимость, но продолжает использоваться в геостратегии этнических элит.

Literature:

1. Avksentev V.A. Fragment of the Gozhev K.M. expert interview / V.A. Avksentev, G.D. Gritsenko,

ценко, А.В. Дмитриев // Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М., 2008. С. 169–170.

2. *Авксентьев В.А.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев. М., 2008., С. 196–197.

A.V. Dmitriev // Regional conflictology: concepts and Russian practice. M., 2008. p. 169–170.

2. *Avksent'ev V.A.* Regional conflictology: concepts and Russian practice / V.A. Avksent'ev, G.D. Gritsenko, A.V. Dmitriev. M., 2008., P. 196–197.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Бикмашев Виталий Абдулхаевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет
МВД России
Milena.555@mail.ru

Vitaly A. Bikmashev
Candidate of Law Sciences, associate
professor, associate professor of criminal law
and criminology,
Krasnodar university Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ – ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMES AGAINST BASES OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM – CRIMES AGAINST THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Данная статья посвящена общей характеристике преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, а также последним изменениям и дополнениям, которые произошли в уголовном законодательстве и стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Annotation. This article is devoted to a general characteristic of crimes against bases of the constitutional system and safety of the state and also to the last changes and additions which happened in the criminal legislation and the strategy of the national security of the Russian Federation.

Ключевые слова: конституционный строй, национальная безопасность, состав преступления, объективные и субъективные признаки.

Keywords: constitutional system, national security, actus reus, objective and subjective signs.

В соответствии с Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» под национальной безопасностью понимается «... состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации ...».

психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми; использование информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма; преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности; коррупция; стихийные бедствия, аварии, катастрофы.

Основными угрозами государственной и общественной безопасности согласно Указа выступают: разведывательная деятельность специальных служб иностранных государств, наносящая ущерб национальным интересам; деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации; деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации; деятельность преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и

Одним из механизмов противодействия и предупреждения преступности является уголовное законодательство.

В главе 29 УК РФ сосредоточены уголовно-правовые нормы, определяющие основание уголовной ответственности за общественно опасные деяния, направленные на подрыв или ослабление основ конституционного строя, политической и экономической системы государства, безопасности государства. Основы конституционного строя государства определяются положениями главы 1 Конституции Российской Федерации. Они представляют собой базовые нормы-принципы, сосредоточенные в главе первой Конституции РФ, которые определяют Российскую Федерацию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; устанавливают приоритет прав и свобод человека, обязанность госу-

дарства по их защите, а также ряд иных основополагающих начал конституционного строя.

Основы безопасности государства регламентированы Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. «О безопасности». Безопасность государства представляет собой состояние защищенности конституционного строя, суверенитета, обороноспособности и территориальной целостности РФ.

Таким образом, под преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства следует понимать общественно-опасные деяния, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охрану конституционного строя, ее экономические и социальные основы, политическую систему и безопасность государства.

Родовым объектом рассматриваемой группы преступлений являются общественные отношения в сфере обеспечения стабильности, нормального существования и функционирования институтов государственной власти, относящихся ко всем ее ветвям, суверенитета, внутренней и внешней безопасности РФ.

В качестве видového объекта выступают основы конституционного строя и безопасность государства.

Дополнительный объект характерен для преступлений, предусмотренных ст. 277 УК РФ (жизнь государственного или общественного деятеля), ч. 3 ст. 281 УК РФ (жизнь человека). Здоровье личности выступает в качестве дополнительного объекта в составе диверсии (п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ), возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ), незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну (п. «б» ч. 2 ст. 2831 УК РФ). Отношения собственности как дополнительный объект посягательства подвергаются негативному воздействию при совершении диверсии (ст. 281 УК РФ).

Признаком ряда преступлений выступает предмет. Таковыми могут быть сведения, составляющие государственную тайну (ст. 275, 276, 283, 2831 УК РФ), предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средства связи, объекты жизнеобеспечения (ст. 281 УК РФ), документы, содержащие государственную тайну, предметы, сведения о которых составляют государственную тайну (ст. 284 УК РФ).

Объективная сторона данной группы преступлений характеризуется, как правило, деянием в форме действия. Например, передача, собирание, похищение соответствующих сведений, посягательство на жизнь, насильственный захват власти, совершение взрыва, поджога в процессе диверсии и т. д. Вместе с тем, нарушение установленных правил обращения с документами, содержащими государственную тайну (ст. 284 УК РФ), может совершаться в форме бездействия.

По законодательной конструкции описания большинство преступлений, указанных в гл. 29

УК РФ, сконструированы как формальные составы, т.е. они считаются оконченными с момента совершения любого из деяний, предусмотренных в диспозиции той или иной статьи.

Материальные составы преступлений сформулированы в п. «б» ч. 2 и ч. 3 ст. 281, ч. 2 ст. 283, п. «в» ч. 2 ст. 2831 и ст. 284 УК РФ. Момент окончания этих преступлений приходится на наступление названных в законе вредных последствий. Таким образом, необходимо установить причинную связь между деянием (действие, бездействие) и наступившими вредными последствиями. Если они не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного лица, содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье либо части статьи как покушение на преступление.

Для отдельных посягательств в качестве обязательных или квалифицирующих признаков, характеризующих их объективную сторону, предусмотрены обстановка совершения преступления (ст. 280, 2801 УК РФ), способ совершения преступления (п. «а» ч. 2 ст. 282, п. «б» ч. 2 ст. 2831 УК РФ), средства совершения преступления (п. «г» ч. 2 ст. 2831 УК РФ), место совершения преступления (ст. 2841 УК РФ).

Диспозиции ст. 275, 276, 283, 2831 и 284 УК РФ являются бланкетными, порождая необходимость ознакомления с содержанием Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» (в ред. от 8 марта 2015 г.) и Указа Президента РФ от 30 ноября 1995 г. (с изменениями на 5 июля 2017 г.) «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Субъектами рассматриваемых преступлений могут быть вменяемые физические лица, достигшие ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Отдельным преступлениям, предусмотренным нормами гл. 29 УК РФ, свойствен специальный субъект: гражданин Российской Федерации (ст. 275 УК РФ), иностранный гражданин, лицо без гражданства (ст. 276 УК РФ), лицо, использующее свое служебное положение (п. «б», ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 2821 УК РФ), лицо, которому сведения, составляющие государственную тайну, стали известны по службе, работе или учебе (ст. 283 УК РФ), лицо, имеющее доступ к государственной тайне (ст. 284 УК РФ), руководитель иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ, либо лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года (ст. 2841 УК РФ).

Субъективная сторона преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в большинстве случаев, характеризуется умышленной формой вины, вид умысла, как правило, прямой. Цель совершения преступления выступает в качестве обязательного признака субъективной стороны, в преступлениях, предусмотренных статьями 276, 277, 279, 281, 2821 УК РФ.

Двойная форма вины характерна для ч. 2 ст. 283 «Разглашение государственной тайны» УК РФ. По отношению к разглашению сведений, составляющих государственную тайну, лицо действует с умыслом, а по отношению к наступлению тяжких последствий имеет место неосторожность. В соответствии с содержанием ст. 27 УК РФ в целом такое преступление следует признавать совершенным умышленно.

Неосторожная форма вины имеет место в ст. 284 УК РФ «Утрата документов, содержащих государственную тайну».

Примечания к статьям 275 УК РФ «Государственная измена», 2821 «Организация экстремистского сообщества», 2822 «Организация экстремистской организации», 2823 «Финансирование экстремистской деятельности» предусматривают ряд оснований освобождения от уголовной ответственности, 2841 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» предусматривают ряд оснований освобождения от уголовной ответственности.

Типичными условиями освобождения от уголовной ответственности выступают:

1. Лицо впервые совершает подобное преступление.
2. Своевременно сообщает органам власти о предотвращении либо пресечении преступления.
3. Добровольно прекращает свою преступную деятельность.
4. В его действиях не содержится иного состава преступления.

В зависимости от непосредственного объекта посягательства преступления против основ конституционного строя и безопасности государства можно разделить на следующие виды:

1. Преступления, посягающие на внешнюю безопасность и территориальную целостность Российской Федерации: государственная измена (ст. 275 УК РФ); шпионаж (ст. 276 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности

Литература:

1. Уголовный кодекс российской Федерации. М., 2003.
2. Конституция Российской Федерации. М., 1994.

Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ); разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ); незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ); «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» (ст. 284¹ УК РФ).

2. Преступления, посягающие на основы конституционного строя и легитимность государственной власти: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ).

3. Преступление, ставящее под угрозу реализацию конституционного принципа идеологического, политического многообразия и многопартийности: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

4. Преступное посягательство на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации – диверсия (ст. 281 УК РФ).

5. Преступления, нарушающие конституционные запреты на разжигание политической, идеологической, социальной, расовой, национальной и религиозной розни и на осуществление экстремистской деятельности: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ).

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что противодействие преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства возможно только при комплексном использовании всей имеющейся нормативно-правовой базы, которая была принята высшими органами государственной власти в последнее время.

Literature:

1. Criminal code of the Russian Federation. M., 2003.
2. Russian Constitution. M., 1994.

Гаевой Александр Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-кавказский филиал, Российский
государственный университет правосудия
sgaevoy@bk.ru.

Омельченко Ада Евгеньевна

Магистрант 2-го курса.
Северо-кавказский филиал,
Российский государственный
университет правосудия
Osvselive@gmail.com

**К ВОПРОСУ
ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ,
О ЕЕ МЕСТЕ И РОЛИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ДОКАЗЫВАНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ
ПОДХОДЫ В ЕЕ ПОНИМАНИИ**

■ ■ ■
Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве, в частности, о дискусионности целого ряда положений, таких как объективная, формальная (юридическая) истина; о ее соотношении с понятием доказанности факта; достаточности совокупности доказательств. Участвуя в заочной дискуссии, авторы статьи приходят к выводу, что несмотря на все существующие противоречия в современной уголовно-процессуальной науке относительно рассматриваемых проблем, понятие истины не только сохранило свою сущность в уголовном процессе, но и свою цель – объективность и справедливость расследования.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальное доказывание; уголовное судопроизводство (процесс); абсолютная, объективная, формальная (юридическая) истина; доказанность; состязательность, публичность; презумпция невиновности; стороны в уголовном процессе.

■ ■ ■
Дискуссия о месте и роли истины в отечественном уголовном процессе имеет глубокие исторические корни, берущие свое начало с времен постсоветского периода, когда группа ученых-процессуалистов, в большинстве своем придерживавшиеся либеральных взглядов, стали предлагать свои идеи об изменении правовой системы государства в целом, и уголовного судопроизводства – в частности. Они предложили отказаться сложившейся модели отечественного уголовного процесса, приверженного романогерманской правовой семье, столетиями форми-

Alexander I. Gaevoy

candidate of legal Sciences,
associate Professor, associate Professor of
criminal procedure law of the
North Caucasian branch,
Russian Academy of justice
sgaevoy@bk.ru.

Ada E. Omelchenko

Graduate student of the 2nd course.
North Caucasian branch,
Russian Academy of justice
Osvselive@gmail.com

**TO A QUESTION OF
AN OBJECTIVE TRUTH,
OF HER PLACE AND A ROLE IN
CRIMINAL PROCEDURE PROOF:
MODERN APPROACHES IN
HER UNDERSTANDING**

■ ■ ■
Annotation. The article examines the theoretical and legal problems of proof in criminal proceedings, in particular about the discussion of a number of provisions such as objective, formal (legal) truth; about her relationship with the notion of proof of the fact; the sufficient totality of evidence. Participating in absentee discussion, the authors come to the conclusion that despite all the existing contradictions in modern criminal procedure of science regarding the issues to be considered, the concept of truth not only retained their identity in the criminal process, but its goal is objectivity and fairness of the investigation.

Keywords: Criminal-procedural evidence; criminal procedure (process); absolute, objective, formal (legal) truth; proof; competitiveness, publicity, and the presumption of innocence; the parties in the criminal process.

■ ■ ■
ровавшей публичное начало, взамен взять за основу состязательную, со специфическим англо-саксонским ее пониманием, как всеобъемлющего начала производства по делу.

Одной из наиболее активных участников дискуссии, кто последовательно выступал за изменения УПК и против существования истины в уголовном процессе была Е.Б. Мизулина, которая утверждала, что – «... стремление к достижению объективной истины игнорирует презумпцию невиновности обвиняемого, ибо объективная

истина (и уголовно-процессуальная – если она есть) существует вне и независимо от тех принципов, посредством которых организуется процесс познания ее ...» [9. С. 55].

Думается, что такая достаточно свободная трактовка истины, является лишь позицией автора, обусловленной ни чем иным, как процессуальными предпочтениями и личными интересами, определяющими подход к рассматриваемой проблеме.

Схожей позиции по данному вопросу придерживается и С.А. Пашинин, который утверждает, что – «... юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом ...». По его мнению, – «... с помощью доказательств не устанавливается истина, а лишь обосновываются определенные выводы ...» [10. С. 312, 322].

Такая точка зрения, как нам представляется, базируется на необъяснимой абсолютизации принципа состязательности. По мнению оппонентов, сторона обвинения собирает только обвинительные доказательства, а сторона защиты, соответственно оправдательные. Суд же, должен взвешивать те и другие доказательства, выслушивать аргументы сторон и решать доказано или не доказано обвинение, исходя из того чьи доводы более убедительны. Такая модель работала бы успешно, только в том случае, если бы следствие осуществлялась объективно и непредвзято.

Основная дискуссия об истине развернулось с принятием действующего уголовно-процессуального законодательства, которое, в отличие от своего предшественника, в качестве своих задач (назначения), уже не рассматривал – всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, выявление уличающих, оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств (ст. ст. 3,20 УПК РСФСР). По мнению некоторых участников дискуссии, преимущественно тех, кто имел отношение к разработке действующего УПК РФ, истина в том виде, в котором она существовала прежде, существенно противоречит принципам состязательности и презумпции невиновности, ставшим, поистине демократическим завоеванием и достижением современного уголовного судопроизводства. Впервые, законодатель разграничил функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и путем расширения процессуальных прав сторон, попытался представить их, как активных участников состязательного процесса, способных отстаивать свои интересы в состязательном процессе и убедить суд, выступающий в их споре, в качестве арбитра, в правильности избранной ими позиции.

Смирнов А.В., проникнувшись, на наш взгляд, излишним чувством к осознанию особой роли состязательности, пишет что, «... суд, стремящийся, во что бы то, ни стало устанавливать истину, неизбежно переходит на позиции обвинения. Тем самым, он нарушает и равенство сторон, а истина, добытая вне состязания или в условиях, когда стороны были поставлены вне

состязания или в условиях, когда стороны были поставлены в неравное положение, считается нелегитимной ...» [14].

Все это, конечно же, от лукавого, причиной перехода суда на сторону обвинения, о котором заявляет оппонент, является вовсе не его право или обязанность устанавливать истину, а обычное неравенство сторон на досудебных стадиях, где собирается и формируется основная часть доказательств, которая в дальнейшем и станет основанием судебного решения.

В этой связи возникает вполне уместный вопрос: «Так, чью же сторону будет избирать суд, исследующий только обвинительные доказательства?» Думается, что ответ на этот вопрос не требует комментариев. В подтверждение своей правоты хотелось бы привести выдержку из интервью, практикующего адвоката, в прошлом федерального судьи Э.Н. Кашириной, которая характеризуя современное состояние реализации принципа состязательности, сказала следующее: «... с реализацией принципа состязательности сторон, и, сегодня все сложно, потому что, адвокатам очень трудно донести до суда позицию подзащитного, потому что судьи, тебя слушать не хотят. Слушают, но не слышат. А сторона обвинения находится в таком положении, что прокурор в заключение может сказать два-три слова, и это будет хорошо, и его воспримут ...» [7].

Свиридов М.К., анализируя состояние вопроса об истине в современном уголовном процессе, охарактеризовал его так: – «... В действующем УПК РФ нет единства концептуальной основы ...». По мнению автора в уголовно-процессуальном законодательстве «... присутствуют два противоречивых начала: с одной стороны, необходимость установления для разрешения дела объективной (материальной) истины, а с другой – возможность вынесения приговора на основе формальной истины ...». Далее он совершенно справедливо замечает, что «... двойственность характера российского уголовного процесса – наличие в нем публичного (розыскного) предварительного расследования и состязательного судебного производства, делают его сложным, противоречивым, трудным для понимания и применения, что сильно снижает эффективность его действия ...». Пытаясь дискутировать с автором в вопросе противоречивости истины и состязательности, хотелось заметить, что автор, на наш взгляд, излишне драматизирует ситуацию. Думается, что эта противоречивость существует из-за дисбаланса прав сторон в доказывании. Необходимо всего лишь пересмотреть права стороны защиты в доказывании, а также продумать механизм ответственности должностных лиц со стороны обвинения, который был бы балансом сдерживания в механизме противовесов между сторонами.

Следующим историческим витком в дискуссии об истине стали события пятилетней давности, когда в прессе и в социальных сетях, появились публикации с интервью главы Следственного комитета России (далее – СКР) А.И. Бастрыкина, касающиеся разъяснений относительно законопроекта, подготовленного его ведомством о вне-

сении изменений и введении в УПК РФ института установления объективной истины и внесении некоторых поправок, в том числе, и, части предоставления права суду, возвращать уголовные дела органам предварительного расследования в связи с неполнотой следствия.

Данный законопроект, буквально «взорвал», юридическое сообщество и многие процессуалисты, упражняясь в остроумии и не стесняясь в выражениях, поспешили буквально заклеить позором его авторов. В частности, Советник Конституционного Суда РФ, заместитель Председателя Совета по совершенствованию правосудия и член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Т.Г. Моршакова, в интервью корреспонденту газеты Новая адвокатская газета, заявила, что этот проект, – во-первых, попытка компенсировать непрофессионализм следователей; во-вторых, избавить следователей от функции доказывания вины, переложив ее на суд; в-третьих, избавить следствие от какой-либо критики со стороны судебных органов, потому что отныне суд будет отвечать за результаты следствия наравне с ними. Далее, она назвала этот законопроект «подлым», призванным оправдать массовые, бесчеловечные пытки, которые применяются в доказывании по уголовным делам [15].

Азаров В.А., в контексте критикуемого законопроекта, будучи последовательным в своих взглядах в вопросе об истине, совершенно справедливо подчеркивает, что «... Российское понимание здравого смысла позволяет обоснованно спрогнозировать комфортное состояние личности, неприкосновенность ее прав, свобод и законных интересов, при наличии сильного государства, реализующего власть, в том числе и через своих представителей в сфере деятельности органов уголовной юстиции ...» [5, С. 7–15].

Головки Л.В., рассуждая о результатах проводимых реформ в уголовном процессе, совершенно справедливо подчеркивает, что инициатива Следственного комитета России, является «естественной реакцией на откровенный провал наивных и совершенно некомпетентных попыток совместить несовместимое – англо-американскую идеологию и континентальную процессуальную инфраструктуру [13, С. 68–76].

Весьма интересной представляется позиция А.В. Смирнова, который выступая в рамках «круглого стола», посвященного «Истине в юрисдикционных производствах» замечает, что «... вопрос об истине в уголовном судопроизводстве, стал неким эвфемизмом, поскольку за ним скрывается большее содержание, нежели чем академическое значение этого вопроса. В некотором роде, замечает он – «... этот вопрос приобретает мировоззренческое, политическое и даже идеологическое значение для всей правоохранительной системы ...». «... Не будет преувеличением, если сказать, что от того как, и по какому пути будут развиваться дальнейшие события в решении этого вопроса, будет зависеть и дальнейшее развитие отечественного уголовного судопроизводства ...» [14].

Думается, что оппоненту, не следует так уж драматизировать складывающуюся ситуацию и откровенно намекать на возможность развития трагических последствий, это все от лукавого, истина, понимаемая как «достаточная совокупность доказательств» или «доказанность» существует и в современном уголовном процессе. В частности, положения ст.ст. 73, 88, 152, 154, 215, 220, 302, 305-307 УПК РФ, нацеливают субъектов доказывания на необходимость установления объективной истины по делу.

Несостоятельным представляется аргумент оппонентов, суть которого сводится к тому, что термин «Истина», категория более философская, а не юридическая, поэтому ее следует заменить, на более привычные, операциональные понятия: «достоверность» и «доказанность». При этом, под доказанностью предлагается понимать непротиворечивое состояние совокупности доказательств ...» [15].

Надо признать, что многие философские термины, в том числе и «достоверность», «доказанность», «доказательства» и «истина» были заимствованы многими гуманитарными науками, в том числе и, юриспруденцией. Причиной тому, является то, что базисным элементом, любой науки, является всеобщий диалектический метод познания, основанный на законах материалистической диалектики. Что же касается выбора ответа на вопрос: – какой из вышеперечисленных терминов, является более философским? Хотелось бы свой ответ сформулировать так, каждый из этих терминов, в течение длительного периода времени, использовался в уголовном процессе, как дефиниции тесно связанные с уголовно-процессуальной правовой материей, они не могли ни приобрести юридический смысл своего значения. Например, «истина», трактуется как «доказанность суждения, его соответствие действительности», а «доказанность» – обоснованность, надежность, подтвержденность и признанность [16].

Таким образом, доказанность есть нечто иное, критерий истины, дающий основание полагать, что процесс ее достижения логически завершен. Это качественный признак, во многом определяющийся результатами практики – деятельности субъекта доказывания в рамках уголовного судопроизводства.

Думается, что такого рода изменения, является лишь терминологической подменой понятий, которые вряд ли устранят существующие противоречия.

По мнению некоторых участников дискуссии, установление истины в уголовном процессе не возможно, еще и потому, что преступление, как объект познания, принадлежит прошлому, а прошлое, не существует в объективной реальности.

Знание о прошедшем, пишет В.А. Лазарева, всегда субъективно: оно существует в сознании субъекта, сопоставляющего свои знания о преступлении не с объективной реальностью, а другими знаниями, т.е., доказательствами, которые

сами являются результатом действий субъекта и потому не могут претендовать на абсолютную объективность, т.е. истинность, поскольку существует вероятность в оценке доказанности обвинения [9. С. 37].

В нашем понимании, объективная действительность (реальность), в своем содержании, бесконечна и многообразна. Она всегда выходит за пределы любого знания, а потому человеческое познание, движется в вечном противоречии между неисчерпаемым богатством характеристик явлений и предметов материального мира и стремлением его как можно полнее познать и воспроизвести (отразить) их в системе знаний. Отрицать этот факт нельзя, поскольку это противоречит всему ходу исторического развития человеческой практики и познанию, как формы отражения действительности, которые доказывают, что окружающий нас мир познаваем и пределов для его познания объективно не существует.

В уголовно-процессуальном доказывании мы не ведем речь об абсолютной истине, представляющей собой исчерпывающее достоверное знание о природе, человеке и обществе, мы выделяем объективную истину, как знание, заключающееся в единстве субъективного и объективного содержания эмпирического опыта и теоретического познания.

«... Истина, как справедливо замечает А.А. Ивакин, – есть единство субъективного и объективного, единство объективных свойств предмета преобразования и субъективных потребностей, интересов, целей самого преобразователя ...» [6, С. 93].

По мнению многих участников дискуссии, установление истины как цели доказывания необходимо вернуть в действующий УПК РФ. Правда, и в этом вопросе, среди процессуалистов нет терминологического единства. Предлагается

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) [электронный ресурс]. Режим доступа: Консультант Плюс.
2. Уголовно- процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). [электронный ресурс]. Режим доступа: Консультант Плюс.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М. : Юрид. лит., 1987.
4. Астафьев Ю.В. Специфика содержания истины и процесса ее установления по уголовному делу // Вест. Воронежского государственного универ-

ситета с понятием «объективной истины», ввести понятие «формальной истины», «конвенциональной истины». Все они, по мнению Е.А. Корякина, будучи разными по характеру, являются компонентами единой «судебной истины» [13, С. 68–76].

Не вдаваясь в долгие дискуссии в данном споре, мы склоняемся к тому, что объективная истина может быть достигнута при расследовании и рассмотрении уголовного дела, когда оно, осуществляется в обычном порядке, без каких-либо на то исключений, присущих, например, суду присяжных, особому порядку судебного разбирательства.

Резюмируя вышеизложенное, авторы статьи приходят к выводу, что сосуществование объективной истины, как цели доказывания и принципа состязательности, возможно, что де-факто подтверждается существующей практикой современного уголовного судопроизводства. Такое положение вещей не может не вызывать критику законодательства и предложения его изменения. В частности, мы считаем, что возвращение принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, а вместе с ним и понятие истины, как цели доказывания, продиктовано необходимостью приведения законодательной базы в соответствие. Это, конечно же, не означает, в одночасье разрешаться все накопившиеся проблемы и противоречия. В след, за этим необходимо сбалансированные шаги в реформировании отдельных положений досудебного производства. Например, необходимо расширить права стороны защиты в доказывании, а вместе с этим, и проработать, механизм реализации ответственности стороны обвинения за непрофессиональную и некачественную работу при осуществлении доказывания по уголовному делу. Поскольку при относительно пассивной позиции стороны защиты в доказывании, добиться желаемого результата возможно только в случае объективности и непредвзятости стороны обвинения.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12. 1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 12/30/2008 № 6-FKZ from 12/30/2008 № 7-FKZ, from 2/5/2014 № 2-FKZ, from 7/21/2014 № 11-FKZ) [an electronic resource]. Access mode: Consultant Plus.
2. Criminal procedural code of the Russian Federation of 18:12. 2001 № 174-FZ (an edition from 7/29/2017, with amendment from 11/14/2017) (with amendment and additional, вступ. in force with 9/1/2017). [electronic resource]. Access mode: Consultant Plus.
3. Code of Criminal Procedure of RSFSR. M. : Yurid. litas., 1987.
4. Astafyev Yu.V. Specifics of maintenance of the truth and process of her establishment on criminal case // Vest. Voronezh State University. Access svo-

- ситета. Доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. № 2, 2010. С. 283–291. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2010/02/2010-02-30.pdf> (дата обращения 15.12.2017).
5. Азаров. Объективная истина – единственно верный путь вынесения правосудного акта / Азаров, Т.Г. Беккер // Бюллет. Межд. ассоц. содей. правосуд.: прилож. к журн. Уголовный процесс, 2015 (9), С. 7–15.
6. Ивакин А.А. Деалектическая философия : моногрф. изд. Феникс, Ростов-на-Дону, 2007. С. 93. (дата обращения 12.12.2017)
7. Интервью адвоката Кашириной Э.Н. корреспонденту новостного интернет-издания: Лента. RU. От 30.01.2014 г. [электронный доступ] URL: <http://lenta.ru/articles/2014/01/30/truth/> (дата обращения 30.07.2017 г.).
8. Кухта А.А. Доказывание в уголовном процессе : монограф. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России: 2009. Доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/dokazyvanie-istiny-v-ugolovnom-processe-monografiya-read-416998-1.html>. (дата обращения 14.12.2017).
9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практ., пособ. М.: Высшее образование, 2009. С. 37.
10. Мизулина Е.Б. технология власти: уголовный процесс. Монограф. / отв. ред. М.Ю. Мезулин. Ярославль, 1992. С. 55. Доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie24183.html> (дата обращения 16.12.2017).
11. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М. : Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1995. С. 312, 322.
12. Соловьев А.Б. Об истине в современном российском уголовном процессе / Дискуссионная трибуна (возвращаясь к напечатанному). Доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/A.Б. \(2013-6\) %20\(2\). Pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/A.Б.%20(2013-6)%20(2).Pdf) (дата обращения 14.12.2017).
13. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вест. Томск. Гос. ун.-та . Право. 2013. № 2 (8). С. 68–76 / доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: [Http://sun.tsu.ru/](http://sun.tsu.ru/)
14. Смирнов А.В. Истина, достоверность, доказанность // Круглый стол «Истина в юрисдикционных производствах» 12 сент. 2014г. СПб. : Северо-запад. Филиал Российской академии правосудия / доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net>
15. Суть суда // Российская газета. 2012. 16 марта. N 58 (5731) URL: <http://www.rg.ru/2012/03/15/bastrykin-site.html>. Горбунова Е. «Истина по-бастрыкински»: газ. Новая адвокатская газета
- body from the screen [электр. resource]. № 2, 2010. P. 283–291. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2010/02/2010-02-30.pdf>. (date of the address 12/15/2017).
5. Azarov. An objective truth – only a right way of pronouncement of the right judgment act / Azarov, T.G. Becker // Byullet. Inter@ accoq. commit. right court.: прилож. to журн. Criminal trial, 2015 (9), P. 7–15.
6. Ivakin A.A. Dealektichesky philosophy : моногрф. prod. Phoenix, Rostov-on-Don, 2007. P. 93. (date of the address 12/12/2017)
7. Interview of the lawyer Kashirina E.N. to the correspondent of news online edition: Lenta.ru. From 1/30/2014 [electronic access] URL: / <http://lenta.ru/articles/2014/01/30/truth/> (date of the address 7/30/2017).
8. Kukhta A.A. Proof in criminal trial : monocount. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy: 2009. Access svobody from the screen [электр. resource]. URL: <http://www.rulit.me/books/dokazyvanie-istiny-v-ugolovnom-processe-monografiya-read-416998-1.html>. (date of the address 12/14/2017).
9. Lazareva V.A. Proof in criminal trial: educational prakt., пособ. M. : The higher education, 2009. P. 37.
10. Mizulina E.B. technology of the power: criminal trial. Monocount. / отв. edition M.Yu. Mezulin. Yaroslavl, 1992. P. 55. Free access from the screen [электр. resource]. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie24183.html> (date of the address 12/16/2017).
11. Pashin S.A. Problems of the law of evidence // Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions. M. : Mezhdunar. lump. assistance to legal reform, 1995. Page 312, 322.
12. Solovyov A.B. About the truth in modern Russian criminal trial. / the Debatable tribune (coming back to printed). Free access from the screen [электр. resource]. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/A.Б. \(2013-6\) %20\(2\) .pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/A.Б.%20(2013-6)%20(2).pdf). (date of the address 12/14/2017).
13. Sviridov M.K. A problem of establishment of the truth and means of her achievement in criminal trial // Vest. Tomsk. State. un. that. Right. 2013. № 2 (8). Free page 68–76 / access from the screen [электр. resource]. URL: <http://sun.tsu.ru/>
14. Smirnov A.V. Istina, reliability, validity // A round table «The truth in the yurisditsionnykh productions» 12 Saint. 2014 of SPb. : Northwest. Branch of the Russian academy justice / access svobody from the screen [электр. resource]. URL: <http://www.iuaj.net>
15. Essence of court//Russian newspaper. 2012. March 16. N 58 (5731) URL: <http://www.rg.ru/2012/03/15/bastrykin-site.html>. Gorbunova E. «The truth on-bastrykinski»: gas. New lawyer newspaper

7/2012 (120). URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения 25.11. 2017).

16. Юридический словарь / Энциклопедии и словари. доступ свободный с экрана [электр. ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/legal/Istina-7353.html> (дата обращения 16.12. 2017).

7/2012 (120). URL: <http://www.advgazeta.ru> (date of the address 25.11. 2017).

16. Legal dictionary / Encyclopedias and dictionaries. free access from the screen [электр. resource]. URL: <http://enc-dic.com/legal/Istina-7353.html> (date of the address 16.12. 2017).

Голубкина Ксения Вячеславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
И ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ
КАК НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье отмечается, что развитие технологий приводит к модификации существующих принципов, технологий и процедур взаимодействия власти и общества. Технологии электронного правительства и электронной демократии призваны решить существующие во взаимодействии государства и общества проблемы: повысить прозрачность органов власти, развивать демократические практики, обеспечить возможность гражданам участвовать в управлении государственными делами и т.д. В рамках исследования предложена новая концепция исследования электронного правительства и электронной демократии.

Ключевые слова: электронное правительство, государство, технологии, граждане, общество, власть.

Современная информационная эпоха отличается повсеместным использованием информационно-компьютерных технологий, появлением новых форм взаимодействия хозяйствующих субъектов, контроля и учета в рамках любой социально-экономической системы. Также для современной стадии развития информационного общества характерно и появление новых опосредуемых благ, т.е. тех общественных благ, объем спроса на которые отстает от желаемого обществом. В свою очередь, новые явления общества порождают и новые объекты научных исследований, способствуют выработке новых гипотез и теорий. Сегодня четко наблюдаются две взаимозависимые тенденции: во-первых, активное развитие основ гражданского общества, во-вторых, развитие электронных форм взаимодействия власти и граждан.

Ksenia V. Golubkina

candidate of legal Sciences,
docent of Department of
theory and history of state and law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Syuzanna K. Abramyan

candidate of legal Sciences,
docent of Department of
theory and history of state and law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

**ELECTRONIC GOVERNMENT
AND ELECTRONIC DEMOCRACY
AS THE NEW PHENOMENA OF
THE INFORMATION SOCIETY**

Annotation. The Development of technology leads to the modification of existing principles, techniques and procedures of interaction between authorities and companies. E-government and e-democracy is intended to solve the existing in the interaction of state and society problems: to increase the transparency of governments, to develop democratic practices, to provide an opportunity for citizens to participate in managing state Affairs, etc., the study proposed a new concept of the study of e-government and e-democracy.

Keywords: electronic government, technology, citizens, society, power.

В конце XX века правительства многих стран столкнулись с необходимостью реформирования классических моделей государственного управления, которые оказались неадекватными в условиях начавшейся информатизации общества. Были выделены общие для большинства стран мира проблемы: рост совокупной занятости и расходов на заработную плату в государственном секторе; неэффективность денежных стимулов, слабая мотивация труда госслужащих; протекционизм, коррупция и низкий уровень общественного доверия к чиновникам; неспособность госаппарата реагировать на изменения общественных приоритетов; операционная неэффективность госаппарата и низкое качество государственных услуг; нехватка квалифицированного персонала в регионах с ограниченными человеческими ресурсами. Переход к информа-

ционному обществу потребовал реорганизации государственной службы и решения назревших проблем. Именно поэтому последние десятилетия в мире стали временем активной трансформации системы государственного управления, направленной на повышение ее эффективности и результативности. Основная цель осуществляемых административных реформ - повысить эффективность государственного аппарата на базе использования новых информационно-коммуникационных технологий, без которых современная степень эффективности развитых государств, безусловно, не может быть достигнута. Термин «электронное», «электронный» при этом стал ключевым. Говорим: «электронное государство», «электронная Европа», «электронный город» или иные территориальные структуры, «электронный офис», «электронный человек». Глава Россвязи РФ Валерий Бугаенко заявляет: «Нужно пользоваться не только термином «электронное правительство», а прежде всего нам нужно воспитать «электронного гражданина». Добавим, что крайне необходимы и грамотные электронные чиновники. Однако пока нельзя сказать, что есть однозначное понимание терминов «электронное государство» и «электронное правительство». Комиссия Европейского сообщества определяет «электронное правительство» как «использование ИКТ в государственном управлении в сочетании с организационными изменениями и новыми навыками для улучшения услуг и демократических процессов и укрепления поддержки для государственной политики». В США согласно принятому законодательству «e-Government» определено как «деятельность по использованию органами власти Интернетприложений и других информационных технологий, интегрированных с процессами, которые используют данные технологии для того, чтобы улучшить доступ и распространение государственной информации и услуг гражданам, другим государственным организациям или внести улучшения в деятельность органов власти, в частности, в результативность, качество услуг и преобразований». В приведенных формулировках общим является внимание к тому, что электронное правительство (далее ЭП) – это «деятельность» или «использование» потенциала ИКТ в сфере государственного управления. При этом часто забывают, что речь идет о структурах на разных уровнях систем управления: федеральном, региональном, территориальном, а внутри каждого уровня – об «э-правительстве» отрасли, города, организации. Стратегия развития информационного общества делает акцент на понятии «информационное» общество как на определении цели, которая достигается на основе использования информационных технологий. Организационно-структурной формой этих процессов и становится ЭП и его усилия по созданию адекватной инфраструктуры электронных форм деятельности реальных субъектов в современном обществе. При любом варианте информационного пространства, в котором действует ЭП, следует иметь в виду, что в структурном отношении оно представляет собой систему специализированных органов, механизмов и правил, обеспечивающих реализацию государственной политики в области информатизации на всех уровнях управлениях социального

управления во всей его сложности. В итоге можно сказать, что Информационное общество – это характеристика состояния общества на переходе к новому этапу культуры в общемировом плане, его готовности ответить на вызовы глобализации и формирования новой цивилизации, новой личности и роли человека в жизнеспособности этой цивилизации. Электронное правительство – это форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия и исполнения их функциональных обязанностей, оперативности и удобства получения организациями, гражданами и иными физическими лицами государственных услуг и информации о деятельности государственных органов. Инновации на основе инфраструктуры электронного правительства реализуются по всему фронту жизни общества. Центром организационной деятельности и гарантией в значительной мере остается само российское государство в лице его органов власти. Здесь и законодательство, и деятельность органов исполнительной власти, и органов местного самоуправления, преимущественно муниципальных. На каком участке, и в каких формах реализуется включение информационно-коммуникационных технологий в системы государственного и муниципального управления? Обновление и повышение результативности деятельности государственных и муниципальных органов на основе их перевода на новые информационные технологии и их сетевой коммуникации – вопрос, который уже много лет ждет решения. Прежде всего, это проблема обеспечения стабильности и безопасности управления. Его сдвиг с имеющихся тормозов зависит от ряда факторов объективного и субъективного характера, позволяющих более свободно двигаться в сторону освоения потенциала ЭП в системах государственного и муниципального управления. Имеют место и факторы, которые сосредоточены и в природе самого ЭП, и в целом в ИКТ. Этим вопросам в России последнее время уделялось и уделяется большое внимание. О чем свидетельствуют различные указы президента, постановления, распоряжения правительства и даже законы. Созданы государственные программы развития информационного общества в Российской Федерации. Можно отметить основные из этих документов: Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2006 № 1024-р «О концепции региональной информатизации до 2010 года». Указ Президента от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Концепция и стратегии отрасли. Постановление Правительства Российской Федерации № 149 от 04 марта 2011. О федеральной государственной информационной системе «Федеральный портал управленческих кадров» Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2007 г. № 516 р «О Концепции создания государственной автоматизированной системы информационного обеспечения управления приоритетными национальными проектами» (в ред. Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 № 219). «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», утвержденная Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212;

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» (утверждена государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»). Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2010 г.

№ 365 «О координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов. Постановление Правительства Российской Федерации № 149 от 04 марта 2011 «О федеральной государственной информационной системе» Федеральный портал управленческих кадров»

Голубчиков Сергей Викторович

кандидат технических наук,
начальник отдела,
ПАО «НПО «Алмаз»
gsv_64@list.ru

Новиков Владимир Кузьмич

доцент
gsv_64@list.ru

Баранова Анастасия Владимировна

аспирантка,
Московский государственный институт
международных отношений,
Университет МИД России
abv92@list.ru

ВИДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАЙНЫ И ЕЁ ЗАЩИТА

Аннотация. Наиболее широкий класс тайн представляет профессиональная тайна. Рассматривается один из видов класса тайн – профессиональная тайна, институт правовой защиты которой является наименее разработанным в российских нормах права. Исходя из доверительного характера отдельных профессий и определённых видов деятельности к профессиональной тайне относится более 30 видов тайн.

Дается понятие профессиональной тайны, вопросы правового регулирования отношений в области профессиональной тайны, подчеркиваются меры, обеспечивающие тайну информации.

Ключевые слова: профессиональная тайна, защита профессиональной тайны, доверитель, держатель, пользователь.

Профессиональная тайна и её виды охватывают все стороны жизни человека, общества и государства, и поэтому их надо представлять и знать.

Вместе с тем, институт правовой защиты профессиональной тайны является наименее разработанным в российских нормах права по ряду объективных обстоятельств, а именно:

- отсутствие в действующих нормативных правовых актах сущности понятия профессиональной тайны;
- значительного количества профессий, в которых имеется тайна, которую надо защищать на основе требований норм права. Но эти требования для большинства видов профессиональных тайн и ответственность за нарушение установленных обязательных требований отсутствуют;

Sergey V. Golubchikov

Candidate of Technical Sciences,
head of department,
Almaz
gsv_64@list.ru

Vladimir K. Novikov

associate professor
gsv_64@list.ru

Anastasia V. Baranova

graduate student,
Moscow State Institute of
International Relations,
MFA of Russia University
abv92@list.ru

TYPES OF PROFESSIONAL SECURITY AND ITS PROTECTION

Annotation. This article covers one of the types of secrecy that is professional secrecy. Its institute of legal protection is the least developed in the Russian statute of the law. Keeping in mind the fiduciary nature of certain professions and certain types of activity professional secrecy includes more than 30 kinds of secrecy.

The author gives the notion of professional secrecy, discloses the issues of legal regulation of relations in the field of professional secrecy, underlines the measures ensuring secrecy of information.

Keywords: professional secrecy, protection of professional secrecy, principal, holder, user.

– использование различных технических средств, информационно-телекоммуникационных систем при обработке, хранении и передаче сведений, составляющих профессиональную тайну, и отсутствие к ним требований по их защите;

– появление новых профессий, которые приводят к появлению новых видов профессиональных тайн;

– отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего нормотворчество в области профессиональной тайны и ряд других обстоятельств.

Все вышеприведенные обстоятельства, на наш взгляд, в ближайшее время заставят обратиться к проблеме регулирования отношений в области профессиональной тайны и её защиты, в том числе с установлением перечня охраняемых

сведений, относящихся к конкретному виду профессиональной тайны, к её допуску и доступу должностных лиц и граждан.

В пункте 5 статьи 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] определено, что информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. А для большинства видов профессиональных тайн нормами права в виде федеральных законов их защита не определена. Следовательно, и не определена норма ответственности.

В настоящее время исходя из доверительного характера отдельных профессий и определённых видов деятельности к профессиональной тайне можно отнести следующие виды тайн: 1) банковская тайна; 2) налоговая тайна; 3) тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений или тайна связи; 4) тайна страхования; 5) редакционная и журналистская тайна; 6) врачебная тайна; 7) аудиторская тайна; 8) нотариальная тайна; 9) тайна голосования; 10) адвокатская тайна; 11) тайна следствия и судопроизводства; 12) музейная тайна; 13) тайна ЗАГС; 14) архивная тайна; 15) тайна завещания; 16) тайна государственной охранной деятельности; 17) тайна исповеди; 18) депутатская тайна; 19) тайна совещаний судей; 20) тайна совещания присяжных заседателей; 21) сведения, сообщённые доверителем в связи оказанием юридической помощи; 22) сведения о страхователе; 23) сведения о доноре и реципиенте; 24) содержание дискуссий и результатах голосования закрытого совещания Конституционного суда; 25) информация о намерениях заказчика архитектурного проекта; 26) сведения о сути изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них; 27) сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении судей, участников уголовного процесса, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также их близких; 28) тайна о недрах; 29) дактилоскопическая тайна; 30) тайна кредитной истории; 31) тайна ценных бумаг, 32) таможенная тайна и др.

Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее определение понятия «профессиональная тайна».

Профессиональная тайна – общее название группы охраняемых законом тайн, необходимость соблюдения которых вытекает из доверительного характера отдельных профессий и определенных видов деятельности [2].

Предметом профессиональной тайны являются отношения, возникающие между субъектами,

участвующими в обработке и защите профессиональной тайны.

К **основным субъектам** правоотношений в этой области относятся доверители (владельцы), держатели и пользователи профессиональной тайны [1].

Доверитель – физическое лицо (независимо от гражданства), доверившее сведения другому лицу, а также его правопреемники (в том числе наследники).

Держатель – физическое лицо, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, которым исключительно в силу их профессиональной деятельности (профессиональных обязанностей) были доверены или стали известны сведения, составляющие профессиональную тайну.

Пользователь (пользователи) – лицо (лица), которому(-ым) сведения, составляющие профессиональную тайну, стали известны на законных основаниях в связи с выполнением им своих служебных обязанностей, в случае и в порядке, установленных нормами права.

Защита профессиональной тайны начинается с момента получения держателем профессиональной тайны сведений от доверителя. При этом защита профессиональной тайны может быть установлена федеральными законами или с момента заключения договора между доверителем и держателем, держащего такие сведения, если защита профессиональной тайны не определена нормами права.

В нормах права или договоре должны быть определены правовые отношения, возникающие между доверителем, держателем и пользователями профессиональной тайны.

Например, доверитель может иметь следующие права: выбирать лицо в качестве держателя профессиональной тайны и распоряжаться сведениями, составляющими профессиональную тайну, по своему усмотрению; требовать защиты профессиональной тайны от её держателей и пользователей в течение всего срока, определённого нормой права или договором; требовать от держателей и пользователей профессиональной тайны в случае её разглашения возмещения причинённого ущерба и компенсации морального вреда в соответствии с гражданским правом или привлечение виновных лиц к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

На держателей и пользователей профессиональной тайны может быть возложен ряд обязанностей:

- должны подтвердить доверителю гарантию защиты профессиональной тайны;
- установить режим профессиональной тайны;
- обеспечить сохранность сведений, составляющих профессиональную тайну, а также требовать обеспечения этой сохранности от всех лиц,

которым стала известна от них на законных основаниях профессиональная тайна;

– отказывать в предоставлении сведений, составляющих профессиональную тайну, без согласия доверителя кому бы то ни было, если эти требования не установлены прямо федеральным законом.

При этом пользователи профессиональной тайны из числа государственных органов власти и муниципальных органов власти и их должностных лиц обязаны обеспечить неразглашение профессиональной тайны и установить у себя её охрану в режиме служебной тайны.

За разглашение профессиональной тайны держатели и пользователи профессиональной тайны должны нести ответственность в порядке, установленном нормативными правовыми актами.

Держателям и пользователям профессиональных тайн можно предложить ряд общих правовых мер, позволяющих обеспечить их защиту, с опорой на нормы права, регулирующие отношения в области государственной и коммерческой тайны:

– распределение обязанностей между должностными лицами за защиту профессиональной тайны в организации, в том числе назначение ответственного лица за её защиту;

– разработка и утверждение перечня сведений, относящихся к профессиональной тайне;

– разработка положения о порядке допуска и доступа пользователей к профессиональной тайне;

– организация и соблюдение определенного порядка управленческой деятельности должностных лиц организации, направленной на снижение риска утраты, утечки, модификации сведений, составляющих профессиональную тайну, в том числе за счет действий пользователей;

– наличие в документообороте дел по профессиональной тайне;

– ограничение (разграничение) круга держателей и пользователей по доступу к сведениям, составляющих профессиональную тайну;

– определения перечня пользователей, допущенных к работе со сведениями, составляющих профессиональную тайну, с заключением с ними дополнительных договоров (контрактов) к трудовым договорам (контрактам);

– организация учёта пользователей, допущенных к работе со сведениями, составляющими профессиональную тайну;

– определение персональной ответственности за сохранность сведений, составляющих профессиональную тайну;

– организация обучения и воспитания лиц, допущенных к сведениям, составляющими профессиональную тайну;

– материальное и моральное стимулирование лиц, работающих со сведениями, составляющими профессиональную тайну;

– осуществление постоянного аудита, мониторинга (контроля) защиты профессиональной тайны.

В пункте 6 статьи 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] говорится, что информация, составляющая профессиональную тайну, может быть предоставлена третьим лицам в соответствии с федеральными законами и (или) по решению суда. Далее, в пункте 7 данной статьи определено, что срок исполнения обязанностей по соблюдению конфиденциальности информации, составляющей профессиональную тайну, может быть ограничен только с согласия гражданина (физического лица), предоставившего такую информацию о себе.

В современном мире уже невозможно обойтись без технических средств и информационных систем при осуществлении любого вида деятельности человека, в том числе при обработке сведений, составляющих профессиональную тайну.

При этом под *обработкой сведений, составляющих профессиональную тайну*, можно понимать любое действие (операцию) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств со сведениями, составляющими профессиональную тайну, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление), блокирование, удаление и уничтожение, сведений.

Так как в нормах права нет нормативных правовых актов, определяющих перечень технических и организационных мер по защите сведений, составляющих профессиональную тайну, обрабатываемых с использованием средств автоматизации, то можно воспользоваться нормами, определяющими требования к защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах, утвержденные приказом ФСТЭК России от 11 февраля 2013 года № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную, содержащейся в государственных информационных системах» [3].

Правовое регулирование отношений в области профессиональной тайны в настоящее время становится все более актуальной проблемой в жизни гражданина, деятельности общества и государства, требующей как реализации новых правовых подходов в её обработке и защите, так и определения порядка допуска и доступа к ней.

Вопросы государственного управления в информационной сфере, в том числе правовое регулиро-

вание отношений в области тайны, становятся важнейшим фактором развития личности, общества и государства на современном уровне в части упорядочения и дальнейшего развития норм права в этой области деятельности человечества.

В Российской Федерации созданы правовые отношения, которые определяют в отношении

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. *Барчан Н.Н.* Правовое регулирование отношений в области профессиональной тайны. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации. Материалы заседания «круглого стола» / Н.Н. Барчан, В.К. Новиков. М. : Экон-информ, 2013.
3. *Новиков В.К.* Правовые основы допуска и доступа должностных лиц, работников и граждан к информации конфиденциального характера : учебно-методическое пособие / В.К. Новиков, А.Н. Вяткин, С.В. Голубчиков. М. : Горячая линия Телеком, 2017. 124 с.

тайны информации предписывающие, запрещающие, разрешающие и рекомендуемые нормы.

Одной из важных мер, обеспечивающих тайну информации, является правильная организация допуска и доступа к ней должностных лиц, работников организации и граждан, принимаемых на работу, к ней.

Literature:

1. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashhite informatsii».
2. *Barchan N.N.* Pravovoe regulirovanie otnoshenij v oblasti professional'noj tajny. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii. Materialy zasedaniya «kruglogo stola» / N.N. Barchan, V.K. Novikov. M. : EHKon-inform, 2013.
3. *Novikov V.K.* Pravovye osnovy dopuska i dostupa dolzhnostnykh lits, rabotnikov i grazhdan k informatsii konfidentsial'nogo kharaktera. Uchebno-metodicheskoe posobie / V.K. Novikov, A.N. Vyatkin, S.V. Golubchikov. M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2017. 124 P.

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского
права и процесса, Кубанский
социально-экономический институт
Grigoreva-AG@mail.ru

Лебедева Анна Дмитриевна

кандидат юридических наук,
профессор кафедры общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин,
Кубанский социально-экономический
институт
anna_lebedeva_2010@mail.ru

Лукин Владимир Корнеевич

кандидат экономических наук, доцент
кафедры предпринимательской
деятельности, Кубанский
социально-экономический институт
Grigoreva-AG@mail.ru

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ПРЕДМЕТ ВЕДЕНИЯ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье раскрываются организационно-правовые основы деятельности местных Советов в период функционирования новой экономической политики (1921–1928 гг.) в сфере городского хозяйства. Анализируются принятые в годы НЭП нормативно-правовые акты, определявшие полномочия местных Советов в данной области общественных отношений, официальные материалы советских и партийных органов. Отмечается, что роль местных Советов по большинству вопросов, относящихся к городскому хозяйству, была подчиненной партийным указаниям и в значительной степени зависела от крупных предприятий в городе, являвшихся фактическим владельцем жилого и иного жилищно-коммунального имущества.

Ключевые слова: постмодерн, местные Советы, новая экономическая политика, городское хозяйство, исполкомы, полномочия, партия.

В истории советского государства в целом, и деятельности местных Советов в частности, важное значение имел период новой экономической политики, поскольку она существенно изменила характер складывающихся тогда общественных отношений, в том числе конституционного характера [1, с. 88]. Введение новой экономической политики позволило ускорить

Anna G. Grigorieva

candidate of historical sciences,
associate professor of civil law and process,
Kuban social and economic institute
Grigoreva-AG@mail.ru

Anna D. Lebedeva

Candidate of Law Sciences, professor of
department of general-theoretical and
state and legal disciplines,
Kuban social and economic institute
anna_lebedeva_2010@mail.ru

Vladimir K. Lukin

Candidate of Economic Sciences,
associate professor of business activity,
Kuban social and economic institute
Grigoreva-AG@mail.ru

URBAN ECONOMY AS A SUBJECT OF LOCAL ADVICE IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY

Annotation. The article reveals the organizational and legal foundations of the activity of local Soviets during the period of the functioning of the new economic policy (1921–1928) in the sphere of municipal economy. The normative-legal acts adopted during the NEP years, determining the powers of local Soviets in this area of public relations, official materials of the Soviet and party bodies are analyzed. It is noted that the role of local councils on most issues related to the urban economy was subordinate to party instructions and largely depended on large enterprises in the city that were the actual owner of residential and other housing and communal property.

Keywords: local councils, a new economic policy, a city economy, executive committees, powers, a party.

переход от бюрократического централизованного управления к экономическому. С этой целью в разной форме использовались: цены, кредит, денежное обращение, рынок, хозяйственный расчет и ряд других экономических инструментов. Он предполагал демократизацию уже сложившейся политической системы, отказ от методов чрезвычайщины, укрепление права и закон-

ности [2, с. 141–147]. Наряду с этим шли поиски совершенствования и самого механизма городского управления, а в его рамках определялись более совершенные методы ведения жилищно-коммунального хозяйства.

В этом направлении был принят ряд нормативно-правовых актов. Так, в 1920 г. издается декрет об организации специальных коммунальных отделов при городских, губернских и уездных исполкомах. В 1921 г. появляется декрет о платности коммунальных услуг. В марте того же года президиум ВЦИК предложил использовать, особенно в крупных городах, опыт создания секций Советов. Важную роль в определении задач, структуры местных органов и форм вовлечения населения в их работу сыграли постановление Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» (1921 г.), а также положения: о Советах губернских, уездных и заштатных городов, поселков городского типа и об уездных съездах Советов и их исполкомах [3]. Однако сам процесс трансформации городского управления шел достаточно сложно и противоречиво, и это касалось всех уровней местного управления [4, с. 79]. Кризис местного хозяйства и отсутствие средств привели к сокращению аппарата местной власти, в результате пошел процесс слияния исполнительных комитетов разных уровней – губернского, уездного и волостного при руководящей роли губернских исполкомов.

Данный процесс негативно сказался на развитии жилищной сферы в городах, поскольку перманентные реорганизации не позволяли сосредоточить внимание на узловых проблемах жилищно-коммунального хозяйства. И не случайно довольно скоро был издан декрет, допускавший выделение особых городских коммунальных отделов в населенных пунктах с более чем 50000 жителей, причем для этого требовалось утверждение НКВД РСФСР [5, с. 88]. Принятое сессией ВЦИК в конце 1925 г. Положение о городских Советах [6] несколько расширило их компетенцию, однако проблемы остались. В соответствии с этим Положением городские Советы депутатов образовывались во всех городах и поселках. Согласно ст. 3 устанавливалось, что «городские Советы в пределах своего ведения являются высшими органами власти на территории соответствующего города или поселка и объединяют все трудящееся население для участия в местном и государственном управлении и строительстве». Однако данное положение в части «высшей» власти, конечно, не соответствовало ни другим нормам, ни тем более фактическому положению дел, так как главным исполнительным органом горсовета являлся не собственный исполком, а председатель и президиум того же горсовета, но при этом горсоветы не имели подчиненного им аппарата, который мог бы фактически осуществлять их волю, как высшей власти на территории города, ведь во многих городах не было специального аппарата непосредственного управления городским хозяйством, а именно городского коммунального отдела. И фактически городским хозяйством управляли те же губернские исполкомы, что отражало складывающуюся вертикаль власти в советском обществе [7, с. 113].

Состояние дел в области развития городского хозяйства было предметом обсуждения на областных и городских совещаниях. На одном из таких совещаний (1926 г.) отмечалось, что «город нужно рассматривать в общей системе хозяйственного строительства как главнейшую часть всего народного хозяйства ... Нельзя строить промышленность, не уделив соответствующего внимания строительству городов. Такие вопросы как жилищные, благоустройства городов, средств передвижения являются в значительной мере базой их развития. Особенно это относится к центральной части страны, где вследствие преобладания промышленности идет быстрый рост городов, где городское хозяйство относительно крупное, и где увязка городского хозяйства с общим хозяйством более чем необходима» [8]. В другом примере при осуждении вопроса о жилищном строительстве, пленум Калужского горсовета (конец 1925 г.) отмечал: «Всего за отчетный год восстановлено жилой площади 1639,80 кв. метров. В 251 случаях работы велись за счет жилотдела, в 269 – в счет квартплаты и в 38 случаях – за счет квартирентов. Во всех случаях работы производились под наблюдением техников и десятников» [9]. Поддержав позицию комхоза, пленум Сухиничского горсовета (октябрь 1926 г.) констатировал, что тот «взял курс на повышение заработной платы, давая льготы по квартплате беднейшему населению – рабочим и служащим... В связи с ростом жилищной кооперации с 1 июля с. г. передана в жилищные товарищества большая часть муниципального фонда – 520 домовладений, на условиях оплаты арендной платы в размере 25 % и производства ремонта ... К 1 ноября с. г. должны остаться в непосредственной эксплуатации губкомхоза только здания, занятые госучреждениями, гостиницами и торговыми помещениями» [10].

Следует отметить, что к тому времени городские советы депутатов хотя и рассматривали вопросы развития городского хозяйства на сессиях местных Советов, их влияние было очень низким. Причин этого несколько. В частности, выборы проходили на основе однопартийной системы, в роли единой политической организации выступала Коммунистическая партия – РКП(б)-ВПК(б), которая направляла работу местных Советов, определяла конкретную программу их деятельности (например, в области хозяйственного строительства, осуществления экономической политики и т.п.) [11]. Ее руководящая роль постоянно возрастала – как отмечалось в советской литературе, «ни одно мероприятие по организационно-политическому укреплению Советов не проводилось без указаний партии. Вопросы организационно-политического укрепления Советов, усиление в них руководящей роли партии были всегда в центре внимания Коммунистической партии и неоднократно обсуждались на ее съездах, конференциях и на пленумах ЦК» [12, с. 71]. В этой связи А.И. Лепешкин отмечал, что «по вопросу об отношении партии к Советам ленинизм исходил из того, что политическое руководство Коммунистической партии Советами есть главное условие их успешной деятельности как революционных органов борьбы за диктатуру

пролетариата в период до победы социалистической революции в России и как органов государственной власти трудящихся – после победы данной революции и установления Советской власти» [13. с. 57].

Понятно, что при таких условиях о самостоятельности местных депутатов можно говорить весьма условно. Между тем следует заметить, что в первые годы после октябрьской революции 1917 г. советская власть все же признавала местное самоуправления как реальный институт [14]. Это видно, например, по изданиям такого документа, как декрет «Об учреждении комиссариата по местному самоуправлению» с задачей объединить деятельность всех городских и земских учреждений [15], что предполагало усиление представительных анчал в системе местного самоуправления [16, с. 30–34]. Затем последовало обращение НКВД ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов под названием «Об организации местного самоуправления» [17], в котором Советы призвались смелее брать в свои руки решение местных вопросов, и это был один из немногих актов, где советская власть реально пыталась ввести местное самоуправление в современном его понимании [18; 19]. В этом документе указывалось, что «все прежние органы местного управления, областные, губернские и уездные комитеты общественных организаций, волостные правления и пр., должны быть заменены соответственно областными, губернскими и уездными, районными и волостными советами р., с., кр. и батрацких депутатов. Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера». Однако в дальнейшем ситуация изменилась, и, как отмечалось выше, местное самоуправление трансформировалось в местное управление, и уже во второй половине 1920-х гг. централизация Советов практически была завершена. В целом такой подход соответствовал политике укрепления административно-командной системы в СССР. Отражая это явление, один из советских работников в 1930 г. говорил: «Практически эта централизация сводится к тому, что мы сейчас ... не можем израсходовать ни одной картошки, ни дюйма леса, не можем кирпича израсходовать - все планируется из Москвы» [20, с. 103].

Один из немногих вопросов, которые реально решали городские Советы депутатов в 1920-е гг., заключался в разработке и реализации местных

Литература:

1. *Смоленский М.Б.* Конституционное (государственное) право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.Б. Смоленский, И.В. Упоров, А.Ю. Звягольский. Москва, 2009.
2. *Упоров И.В.* Особенности правового регулирования выборов муниципальных депутатов в

бюджетов, что позволяло городским властям финансировать и активнее заниматься вопросами городского хозяйства, поскольку выделялись средства, предназначенные, в частности, на ремонт предприятий, школ, больниц, дорог, мостов [21]. Наиболее проблемной была, конечно, проблема жилищного строительства – жилья требовалось в городах все больше и больше. Дело в том, что в первой половине 1920-х гг. шел мощный исход рабочих из города – «обратная миграция», то есть возвращение неудавшихся переселенцев. Так же активно шел процесс «циклической миграции», когда люди приезжали в города в поисках работы, но скоро, по разным причинам, вынуждены были уезжать [22, с. 125]. Одной из причин как раз и была проблема с жильем. Так, в журнале «Современная архитектура» по этому поводу указывалось, что «в городе Надеждинске, металлургическом центре Северного Урала, в 1925 г. 2/3 рабочих являлись текущей массой, приезжавшей на заработок и уезжавшей из-за отсутствия жилья» [23, с. 12]. Позднее, некоторую часть этих бывших городских рабочих и деревенской бедноты вытеснил из деревни НЭП, так как, даже обладая землей, они не смогли ею эффективно распорядиться. Между тем на городских предприятиях требовалась постоянная рабочая сила. И этих рабочих, переезжающих из городов деревню и обратно, нужно было привязать к рабочим местам, привязать к производству, подчинить организующей воле партии. Между тем для власти миграционные потоки нужны были лишь в одну сторону – из деревни в город. Здесь крестьянские массы должны оседать, вливаться в «трудо-бытовые» коллективы и «опролетариваться». Администрация предприятий и учреждений, тем самым, получала возможность предоставлять освободившееся жилище своим новым работникам, формировать подчиненные ей и зависимые от нее «трудо-бытовые» коммуны. Городским властям на местах оставалось лишь исполнять решения вышестоящих инстанций, при этом решать вопросы строительства нового жилья в нужном объеме они не могли, поскольку реально жилье возводилось за счет предприятий, которые, как отмечалось, тем самым принуждали рабочих работать только у них. Тем самым нуждающиеся бюджетные работники, не работающие на предприятиях, практически теряли возможность приобрести жилье за счет города. Таким образом, в период НЭПа был заложен система, при которой в городе, где располагались крупные предприятия, именно последние фактически диктовали политику в сфере городского хозяйства, в значительной мере оставляя местным Советам роль исполнителей политики партии и делая их зависимыми от крупных предприятий.

Literature:

1. *Smolensky M.B.* Constitutional (state) right of Russia: the textbook for students of the higher educational institutions studying in the specialty «Law» / M.B. Smolensky, I.V. Uporov, A.Yu. Zvyagolsky. Moscow, 2009.
2. *Uporov I.V.* Features of legal regulation of elections of municipal deputies in acts of legislature of

- актах законодательных органов субъектов Российской Федерации // Современная научная мысль. 2014. № 3. С. 141–147.
3. СУ РСФСР. 1922. № 10. С. 91–93.; СУ РСФСР. 1922. № 11. С. 71.
4. *Старков О.В.* Муниципальное право Российской Федерации / О.В. Старков, И.В. Упоров. Москва, 2015.
5. *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. Обнинск, 1995.
6. Положение о городских Советах 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 662.
7. *Схатум Б.А.* Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / Б.А. Схатум, И.В. Упоров; Под редакцией Рассказова Л.П. Краснодар, 2000.
8. Газета «Коммуна». 1926. 20 мая.
9. Газета «Коммуна». 1926. 24 ноября.
10. Газета «Коммуна». 1926. 26 октября.
11. *Старков О.В.* Теория государства и права / О.В. Старков, И.В. Упоров; Под общ. ред. О.В. Старкова. Москва, 2012.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 8-е. М., 1970. Т. 1.
13. *Лепешкин А.И.* Ленинские идеи о Советах и их воплощение в жизнь. М., 1977.
14. *Упоров И.В.* Полномочия депутата представительного органа муниципального образования: проблемы правового регулирования и реализации : монография / И.В. Упоров, В.В. Грицай, А.Ю. Звягольский, Р.А. Эфрикян. М. : Юрлитинформ, 2016.
15. Декрет Об учреждении комиссариата по местному самоуправлению от 19 декабря 1917 г. // Декреты советской власти. Т. 1. М. : Политиздат, 1957. С. 84.
16. *Кузовлева Г.В.* Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика / Г.В. Кузовлева, И.В. Упоров // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30–34.
17. Обращение НКВД ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов под названием «Об организации местного самоуправления» от 4 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 179.
18. *Звягольский А.Ю.* Городской округ в системе муниципальных образований: правовые регулирующие и правоприменительные аспекты / А.Ю. Звягольский, И.В. Упоров, А.К. Захаров. Москва, 2016.
19. *Упоров И.В.* Правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации / И.В. Упоров, В.В. Грицай. Краснодар, 2015.
- territorial subjects of the Russian Federation // the Modern scientific thought. 2014. № 3. P. 141–147.
3. SOU OF RSFSR. 1922. № 10. PAGE 91–93.; SOU OF RSFSR. 1922. № 11. PAGE 71.
4. *Starkov O.V.* Municipal right of the Russian Federation / O.V. Starkov, I.V. Uporov. Moscow, 2015.
5. *Velikhov L.A.* Bases of municipal economy. Obninsk, 1995.
6. Provision on city councils of 1925 // SU of RSFSR. 1925. № 91. Art. 662.
7. *Skhatum B.A.* Natural and positive law: a concept, history, tendencies and the prospects of development / B.A. Skhatum, I.V. Uporov; Under Rasskazov L. edition. Item Krasnodar, 2000.
8. Kommuna newspaper. 1926. May 20.
9. Kommuna newspaper. 1926. November 24.
10. Kommuna newspaper. 1926. October 26.
11. *Starkov O.V.* The theory of the state and the right / O.V. Starkov, I.V. Uporov; Under a general edition of O.V. Starkov. Moscow, 2012.
12. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Izd-e the 8th. M., 1970. T. 1.
13. *Lepeshkin A.I.* The Lenin ideas about Councils and their embodiment in life. M., 1977.
14. *Uporov I.V.* Powers of the deputy of representative body of municipal unit: problems of legal regulation and realization : monograph / I.V. Uporov, V.V. Gritsay, A.Yu. Zvyagolsky, R.A. Efrikyan. M. : Yurlitinform, 2016.
15. The decree About establishment of a commissariat on local government of December 19, 1917 // Decrees of the Soviet power. T. 1. M. : Politizdat, 1957. P. 84.
16. *Kuzovleva G.V.* Representation of the people (population) in bodies of the public power: essence and political and legal characteristic / G.V. Kuzovleva, I.V. Uporov // Society and right. 2015. № 2 (52). P. 30–34.
17. The appeal of People's Commissariat for Internal Affairs to all Councils of working, soldier's, country and farm-labourer's deputies under the name «About the Organization of Local Self-government» of January 4, 1918 // SU of RSFSR. 1917. № 12. Art. 179.
18. *Zvyagolsky A.Yu.* The city district in the system of municipal units: the right regulating and law-enforcement aspects / A.Yu. Zvyagolsky, I.V. Uporov, A.K. Zakharov. Moscow, 2016.
19. *Uporov I.V.* Legal bases of local government in the Russian Federation / I.V. Uporov, V.V. Gritsay. Krasnodar, 2015.

20. Стенографический отчет пятой Сибирской партийной конференции. Новосибирск, 1930.

21. *Старков О.В.* Финансовое право / О.В. Старков, И.В. Уповов. Москва, 2013.

22. *Бородкин Л.И.* Крестьянские миграции в России / Л.И. Бородкин, С.В. Максимов // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–128.

23. Современная архитектура. 1927. № 1. С. 11–16.

20. Verbatim record of the fifth Siberian party conference. Novosibirsk, 1930.

21. *Starkov O.V.* Financial right / O.V. Starkov, I.V. Emphasis. Moscow, 2013.

22. *Borodkin L.I.* Country migrations in Russia / L.I. Borodkin, S.V. Maximov // National history. 1993. № 5. P. 124–128.

23. Modern architecture. 1927. № 1. P. 11–16.

Димитрова Елена Анатольевна
кандидат юридических наук,
кафедра административного права
и административной деятельности ОВД,
Сибирский юридический институт
МВД России
Dimitr-elena@yandex.ru

Elena A. Dimitrova
Candidate of Law Sciences,
department of administrative law and
administrative activity of Department of
Internal Affairs, Siberian legal institute of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Dimitr-elena@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ ПУТЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПОСТАНОВКИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ДИСПАНСЕРНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

TO THE ISSUE OF APPROPRIATENESS OF SOLUTION OF THE PROBLEM OF DRUG USING BY OBLIGATORY REGISTRATION OF NARCOTICS DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES USERS FOR DISPENSARY SUPERVISION

■ ■ ■

Аннотация. На основе анализа нормативно-правовых актов, данных статистики, практики применения законодательства, а также юридической литературы проведено исследование обоснованности обязательной постановки на диспансерное наблюдение всех наркопотребителей вне зависимости от наступивших вредных последствий. Установлено, что введение данной меры может привести к существенному нарушению прав граждан, являющихся потребителями наркотиков. В результате исследования обоснована нецелесообразность решения проблемы наркопотребления путем обязательной постановки потребителей наркотических средств и психотропных веществ на диспансерное наблюдение.

Ключевые слова: наркоситуация, потребление, наркотические средства, психотропные вещества, диспансерное наблюдение.

■ ■ ■

Анализ наркоситуации в России позволяет сделать неутешительные выводы о наличии серьезной проблемы в сфере потребления наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркопотребления). Так, по результатам изучения наркоситуации в Красноярском крае, более 96 % опрошенных лиц в возрасте 14–17 лет имеют опыт потребления наркотиков (в том числе разового), при этом возраст первой пробы у 26,5 % – до 15 лет [2, с. 45–68]. По отдельным данным общее число россиян, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества (далее – наркотики) составляет около 640 тысяч [4]. При этом не вызывает сомнения что наркопотреблением причиняется вред абсолютно разным сторонам жизнедеятельности.

■ ■ ■

Annotation. Based on the analysis of normative and legal acts, statistics data, practice of legislation application as well as juridical literature the research on appropriateness of obligatory registration of all drug users for dispensary supervision regardless of onset of harmful consequences has been conducted. It is established that implementation of this measure can lead to the significant violation of the rights of citizens – drug users. As a result of the research the inappropriateness of solution of the problem of drug using by obligatory registration of narcotics drugs and psychotropic substances users for dispensary supervision is substantiated.

Keywords: drug situation, drug using, narcotic drugs, psychotropic substances, dispensary supervision.

■ ■ ■

С учетом этого, работа с данной категорией лиц может быть результативной только в случае, если выявление наркопотребителей станет началом построения комплексной системы мер, включающей в себя не только ответственность за совершенное правонарушение, но и необходимые в этом случае диагностику, профилактические мероприятия, лечение и реабилитацию [3, с. 5]. Указанное очевидно, поскольку даже неоднократное привлечение лица к различным видам ответственности не будет эффективно, если не устранить один из факторов противоправного поведения, которым является зависимость от наркотиков. Этим объясняется нелогичность установления уголовной ответственности за наркопотребление [1].

Оказание медицинской наркологической помощи в государственных учреждениях здравоохранения предполагает официальное признание определенного статуса наркопотребителя, который обеспечит возможность бесплатного получения помощи, а также учет наркопотребителей.

По результатам общения с действующими сотрудниками правоохранительных органов (при проведении учебных занятий с ними) установлено, что одним из мнений, бытующим среди правоприменителей является мнение о необходимости обязательной постановки на диспансерное наблюдение всех потребителей наркотиков, вне зависимости от наличия вредных последствий. Обусловлено это тем, что указанная мера может способствовать своевременной реакции со стороны компетентных медицинских организаций и учреждений.

Вместе с тем, это мнение представляется спорным. В соответствие со ст. 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» 08.01.1998 № 3-ФЗ, наркологическая помощь оказывается больным наркоманией добровольно и включает в себя профилактику, диагностику, лечение и медицинскую реабилитацию. Одним из входящих в нее мероприятий (согласно п. 2 Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, утверждённого приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1034н) является проведение диспансерного наблюдения за лицами с наркологическими расстройствами.

При этом под диспансерным наблюдением понимается динамическое наблюдение, в том числе необходимое обследование за состоянием здоровья пациентов в целях своевременного выявления, предупреждения осложнений, обострения заболевания, иных патологических состояний, их профилактики, осуществления лечения и медицинской реабилитации указанных лиц, а также подтверждения наличия стойкой ремиссии заболевания.

В этой связи следует отметить, что категория лиц, обозначенных как «наркопотребители», с юридической и медицинской точки зрения лишь частично совпадает с лицами, которые могут стать объектом диспансерного наблюдения. Разовое потребление наркотиков является необходимым и достаточным условием для проведения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения и (при положительном результате) для привлечения лица к административной ответственности, однако, согласно действующему законодательству, не является основанием для диспансерного наблюдения. Для диспансерного наблюдения необходимо установление вредных последствий для потребителя в виде патологических состояний. Принять решение об их наличии или отсутствии

может только врач, проведя соответствующую диагностику.

С учетом этого, для установления обязательной постановки наркопотребителей на диспансерное наблюдение, должны быть существенно изменены ряд действующих нормативно-правовых актов, например:

– п. 9 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (установить возможность оказания наркологической помощи (медицинское вмешательство) без согласия гражданина при установлении факта потребления наркотиков);

– ст.ст. 54-56 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» 08.01.1998 № 3-ФЗ (закрепить возможность оказания наркологической помощи не только больным наркоманией, но и иным потребителям наркотиков, а также вне зависимости от признака добровольности);

– п.п. 2, 5 Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, утверждённого приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1034н (установить возможность недобровольного диспансерного наблюдения за наркопотребителями) и др.

Вместе с тем, следует отметить, что указанные изменения будут сопровождаться не обоснованным ограничением прав наркопотребителей. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации определяется, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Связано это с тем, что законодательно механизм принудительного проведения диагностики наркопотребителей имеется в ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, а также в ст. 72.1 УК РФ. При установлении в процессе диагностики состояния, требующего диспансерного наблюдения, наркопотребители ставятся на учет и проходят назначенные врачом лечебные и реабилитационные мероприятия. При отказе или уклонении от их прохождения, лицо может быть привлечено к ответственности. Соглашаясь, что в настоящее время в сфере применения указанных норм существуют определенные сложности, механизм их реализации не отработан в необходимом объеме, следует признать, что дополнительное ограничение прав граждан представляется неконституционным. С учетом сказанного, следует заключить, что правовая возможность установления обязательной постановки всех наркопотребителей на диспансерный учет отсутствует.

Литература:

1. *Димитрова Е.А.* Обоснованность криминализации немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ и новых потенциально опасных психоактивных веществ в России // Международный научно-исследовательский журнал. № 11. 2017. ч. 1. с. 129–132.
2. Мониторинг состояния наркоситуации в Красноярском крае (по результатам социологических исследований): отчет о НИР (заключительный) / СибЮИ ФСК России; рук. Невирко Д.Д.; исполн. Бен Е.Н. и др. Красноярск, 2016. 285 с. N ГР АААА-А16-116021950186-2. URL: <http://lib.sibli.ru/elib/0050966.pdf>
3. *Новикова Т.А.* Совершенствование административно – правового механизма воздействия на незаконное потребление наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2014. 217 с.
4. Российская газета 03.03.2017 // URL: <https://rg.ru/2017/03/03/v-rossii-vyroslo-chislo-nesovershennoletnih-narkomanov.htm>. (дата обращения 15.12.2017).

Literature:

1. *Dimitrova E.A.* Validity of criminalization of not medical consumption of drugs, psychotropic substances and new potentially dangerous psychoactive substances in Russia // the International research magazine. № 11. 2017. p.1. page 129–132.
2. Monitoring of a condition of a drug abuse situation in Krasnoyarsk Krai (by results of sociological researches): report on research (final) / SibYul of FGC of Russia; hands. Nevirko D.D; исполн. Ben E.N. [etc.]. Krasnoyarsk, 2016. 285th page N of GR АААА-А16-116021950186-2. URL: <http://lib.sibli.ru/elib/0050966.pdf>
3. *Novikova T.A.* Improvement is administrative - a legal mechanism of impact on illegal consumption of drugs: yew. ... edging. юрид. sciences. Lyubertsy, 2014. 217 p.
4. Russian newspaper 03.03.2017 // URL: <https://rg.ru/2017/03/03/v-rossii-vyroslo-chislo-nesovershennoletnih-narkomanov.htm>. (date of the address 12/15/2017).

Качалов Павел Николаевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский институт (филиал),
Всероссийский государственный
университет юстиции
kachalovpn@mail.ru

Огрин Галина Вячеславовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
ogrina.galina@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ
СОВРЕМЕННОГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
В РОССИИ**

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с ходом реформирования системы государственной службы в Российской Федерации. В статье проводится анализ основных целей и задач реформирования системы государственной службы Российской Федерации, реализованных в Российской Федерации на сегодняшний день. Состояние государственной службы на сегодня это результат внешних в функционирование системы государственной службы изменений. «Заторможность» развития правовой базы реформирования, неэффективность системы управления и не разработанность государственной кадровой политики приводят к неэффективности ряда мероприятий, проводимых в ходе реформирования. Именно решение данных проблем является целью данного исследования.

Ключевые слова: государственная служба, система государственной службы, административная реформа в Российской Федерации, государственный служащий, реформирование, проблемы реформирования.

Россия, пройдя огромный исторический путь, вот уже более двадцати лет претерпевает определенные изменения в рамках модернизации страны. Все актуальные вопросы и острые проблемы имеют масштабный объем и неординарные решения. Главная цель – создание современной демократической социально – правовой державы, а также формирование благоприятной обстановки для комфортной жизни граждан и организация условий для развития человека. Все это прописано

Pavel N. Kachalov

Candidate of Philosophy,
associate professor
state-legal disciplines,
The Middle Volga Institute (branch),
All-Russian State
University of Justice
kachalovpn@mail.ru

Galina V. Ogrina

Candidate of Historical Sciences,
associate professor
state-legal disciplines,
The Middle Volga Institute (branch)
All-Russian State
University of Justice
ogrina.galina@mail.ru

**ON THE STATE OF
THE MODERN REFORM OF
THE CIVIL SERVICE
SYSTEM IN RUSSIA**

Annotation. This article is devoted to consideration of issues related to the reform of the civil service system in the Russian Federation. The article analyzes the main objectives and tasks of reforming the system of state service of the Russian Federation implemented in the Russian Federation today. The state of public service today is the result of made in the functioning of the civil service system changes. «Inhibition» of the legal base development of the reform, poor governance and lack of state personnel policies lead to inefficiency of a number of events held in the course of reform. Solution of these problems is the aim of this study.

Keywords: public service, civil service system, administrative reform in the Russian Federation, civil servant, reforming, reform problems.

в Конституции РФ, двадцатилетие которой зафиксировало российское общество с позиций достигнутых плодов в государственном развитии.

На данный момент в нашем обществе решены не все поставленные задачи, существует ряд препятствий для становления и расцвета российской государственности, которая помогла бы России занять место мощного государства на международной арене.

Обнаружение таких трудностей и молниеносное их решение в рамках реформы административной системы – одно из приоритетных направлений для реализации целей Президента РФ.

Актуальность вопросов реформирования системы государственной службы не вызывает сомнений, поскольку и на сегодняшний день данная система не сформирована в полной мере. Государство принимает попытки по устранению пробельности в вопросах организации и функционирования государственной службы в Российской Федерации.

Весомым поводом для проведения реформы является желание сократить затраты на содержание государственного аппарата, увеличить оперативность принятия решений и их воплощение в жизнь, приумножить плодотворность и репутацию государственной службы и др.

Административная реформа для урегулирования таких вопросов предлагает следующие решения:

- разграничение собственности и власти;
- учреждение контроля над бюрократическим аппаратом;
- достижение правового единства федеративного государства;
- внедрение в общество моральных установок для предотвращения коррупции.

Административные реформы влекут за собой перемены в государственном управлении по трем направлениям:

1. Переустройство системы политических институтов и государственных учреждений;
2. Преобразование государственной службы, состава аппарата управления или бюрократии;
3. Перерождение характера отношения административной системы к обществу вообще и различным его социальным группам, в частности [1].

Административная реформа в России осуществлялась в нескольких аспектах: проверке подлежали все полномочия федеральных и региональных органов исполнительной власти. Решена проблема ликвидации избыточных и дублирующих функций, как органов исполнительной власти, так и подведомственных им организаций; процедуры исполнения функции были урегулированы, тем самым уменьшается трата при взаимодействии граждан с исполнительной властью; вводятся новые технологии, помогающие в формировании бюджета и оценке деятельности исполнительной власти; ко всему, власть начала активное взаимодействие с гражданами.

Результаты исследований представили данные преобразования только с положительной стороны. Российская Федерация поднялась в ряде рейтингов, характеризующих исполнительную власть, но до сих пор положения, прописанные в административной реформы, воплощены не в полной мере.

Профессор Л.И. Берестова выделяет три характерных периода системы управления в России:

- деструктивный;
- конструктивный;
- продуктивный [2].

Данную классификацию можно ярко проиллюстрировать. На протяжении истории Российского государства можно отметить, что изначально мы разбиваем слаженные механизмы управления, позже основываем совершенно новые, не выбрав четкую модель организации государственного управления, и только потом раздумываем о плодотворности работы.

В других мировых державах уже существует четкая и отработанная схема нововведений в систему государственного управления. Вся работа начинается с создания и написания концепции реформы, далее переходят к организации уже действующих институтов в сфере государственного управления. В итоге, ссылаясь на результаты реформы, открывается работа по увеличению эффективности целой системы управления на базе исследования проблемных вопросов, которые возникли в связи с начатой реформой.

Любая страна имеет свой неповторимый навык проведения административных реформ, основываясь на исключительных чертах своего государства. При исследовании проведения административных реформ разных странах можно сделать следующие выводы:

1. Зачастую нельзя добиться долгосрочного результата реформ в ее широком формате.
2. Обязательной разработке подлежат самые актуальные и главные положения, по которым в определенном периоде будет достигнут результат, но и не следует забывать об существующих проблемах.
3. Административная реформа рождается под определенным дефицитом: дефицитом бюджета, доверия или представления народа о задачах проводимой реформы.

Бюджетный дефицит ставит главной задачей повышение эффективности работы властей и удовлетворение потребностей граждан при минимальных затратах. Для исполнения такой задачи необходимо создать современный комплекс мотиваций для служащих, увеличить качества профессионализма сотрудников государственного аппарата, провести реструктуризацию.

Содержание дефицита доверия заключается в следующем: падение уровня доверия общества к власти сопровождается отделением общества, в итоге, успешное расширение социальной базы под угрозой. Одним из итогов такого вида дефицита может служить слабость власти и потеря поддержки со стороны общества.

Дефицит представления народа о задачах административной реформы должен быть восполнен полной информацией и донесен до граждан через СМИ и мировую паутину об главных мероприятиях реформы и отчетах о проделанной работе.

Таким образом, поддержка в обществе, доверие власти, обратная связь с гражданами своей страны, отслеживание их реакции на реализацию реформационных мероприятий, мониторинговый анализ степени совпадения их ожиданий и происходящих изменений являются важнейшими составляющими успеха административной реформы и реформы государственной службы.

Необходимо отметить, что исследования практики осуществления административных реформ в других развитых державах в отношении государственной службы обращают внимания на выводы, приведенные выше. Опираясь на эти выводы, можно сказать, что главной их целью было изгнание культуры управления, направленная на процедуры и правила, и смена ее культурой управления, ориентированной на успешный результат в интересах людей и своего государства. Несмотря на это, сохранились исторические ценности государственной службы: честность, профессионализм, принципиальность и справедливость.

В процессе проведения административной реформы были осуществлены следующие принципы:

- функциональная целесообразность реструктуризации системы государственного управления;
- принцип целевой определенности долгосрочных и среднесрочных социально-экономических преимуществ развития государства;
- оптимизации системы оказания государственных и муниципальных услуг.

Развитие в Российской Федерации демократического государства, неизменяемость общества и расцвет экономики недопустимы без помощи граждан своему государству, без социального объединения как обязательного условия гармоничного существования институтов демократии и гражданского общества. Достичь социального объединения и масштабной поддержки власти реально, если главным направлением политики государства будет гарантия благополучной жизни населения.

Исследование вопросов административных реформ предоставляет шанс определить механизмы развития государственного управления для полноценной жизни гражданского общества, обеспечивающего реализацию основных функций государства в рамках глобализации и предоставляющего обществу общественные блага на основе принципов правопорядка, социальной справедливости, оптимальности экономической и социальной политики, общественной солидарности.

Состояние государственной службы на сегодня это результат внесенных в функционирование системы государственной службы изменений. Однако, говоря об оценке текущего состояния системы государственной службы необходимо отметить некую «заторможенность» и развития и отсутствие единства нормативно-правовой базы для функционирования системы государственной службы в Российской Федерации; недостаточный уровень эффективности системы управления; неразработанность

государственной кадровой политики; отсутствие нормативно-правовой базы для реализации кадровых технологий; неразработанность вопросов стабильности кадрового состава в системе государственной службы; отсутствие правовой регламентации вопросов взаимодействия различных видов государственной службы; низкая социально-правовая защищенность государственных служащих, а также недостаточность использования информационных технологий.

Первостепенной задачей каждого государственного служащего является реализация государственной политики на основе права и закона. И, связи с этим, нельзя не отметить такую проблему реформирования системы государственной службы, как дефицит квалифицированных кадров. По мнению некоторых исследователей, причиной такого положения выступает то обстоятельство, что Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предъявляет довольно формальное требование к кандидату – наличие высшего профессионального образования для замещения государственных должностей – без указания специализации [3]. Однако, стоит отметить, что процедурно-методические требования к компетенции лиц, замещающих государственные должности универсальны. Не имеет значения, в каком органе (ведомстве) осуществляется деятельность, важно на уровне правовой базы повлиять на мировоззрение государственных служащих и граждан, создав ответственное отношение к работе со стороны первых и уважение к государственной службе со стороны вторых.

В августе 2016 года Президент России подписал Указ от 11.08.2016 г. № 403 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» [4]. В нем были определены пути дальнейшего совершенствования государственной гражданской службы на трехлетнюю перспективу. Однако, главная задача Указа устранение проблем с кадровым составом, на сегодняшний день так и продолжает быть актуальной.

Как мы выяснили в ходе исследования, актуальными проблемами функционирования государственной службы в РФ является высокий уровень бюрократии, и дефицит квалифицированных кадров для замещения должностей государственной гражданской службы. Однако, последнее является актуальными не только для гражданской, но и для иных видов государственной службы. Дело в том, что помимо выпускников специализированных академий МВД в правоохранительные органы на службу также поступают и выпускники юридических ВУЗов, при этом проходя предварительную подготовку которой на деле оказывается недостаточно. Также нельзя не заметить, что во всех государственных органах России и ее субъектов, важнейшим изъяном является, как уже отмечалось ранее отсутствие ответственного отношения к работе, и уважительного к гражданам, которые обращаются в эти органы. Отчасти данная проблема исходит из низкого уровня зарплат государственных гражданских служащих, в то время как в силовых

ведомствах денежное довольствие является выше среднего по стране.

Первым на наш взгляд шагом к реформированию системы, должно стать создание общей для всех органов системы данных о гражданах и возможность мгновенно ими пользоваться. Сегодня Правительство активно занимается популяризацией и распространением портала «Госуслуги», однако для повышения быстродействия работы государственных органов, более значимой является именно создание и формирование доступа к единой базе данных граждан.

Вторым шагом должно стать введение специальной системы приема граждан на государственную службу, которое должно выявляться в ходе проведения психологического тестирования для выявления у кандидата на должность такого профессионального качества, как «чувство социальной ответственности». Сегодня, как показывает практика главной проблемой перегруженности судебных органов является то, что органы государства, которые обязаны производить досудебное регулирование споров, вместо реальной деятельности по их решению, не выносят решения по существу проблемы, а пишут «отписки» и заставляют граждан тратить свои денежные средства, а также время на восстановление своих прав в суде.

Литература:

1. *Пилавов М.И.* Административная реформа в России: опыт и перспективы реализации // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: Межвузовский сборник научных статей. М. : МАКС пресс, 2015. С. 342.
2. *Берестова Л.И.* Современные подходы к модернизации и развитию государственного управления и государственной службы // Государственная служба России: развитие и управление человеческим капиталом: Сборник научных статей. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 25.
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. № 162. 31.06.2014.
4. Указ Президента РФ от 11 августа 2016 г. № 403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.08.2016. № 33. Ст. 5165.

Третьим шагом является повышения уровня заработной платы государственных гражданских служащих. Этот шаг является именно третьим поскольку, стимулировать имеет смысл именно квалифицированный эффективный труд, поэтому сначала необходимо изменить и дополнить требования к кандидатам на должности в государственных органах.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное необходимо выделить основные выводы:

1. Современная система государственной гражданской службы является несовершенной и неэффективной.
2. Основными проблемами функционирования государственной гражданской службы является высокий уровень бюрократии, и дефицит квалифицированных кадров.
3. Для решения данных проблем необходимо произвести следующий ряд преобразований: ввести новое испытание для приема кандидатов на должности государственной гражданской службы, создать единую базу данных о гражданах с общим доступом органов власти к данной информации, и повышение уровня заработной платы работников государственной гражданской службы.

Literature:

1. *Pilavov M.I.* Administrative Reform in Russia: Experience and Prospects for Implementation // Issues of Improving the System of Public Administration in Modern Russia: Interuniversity Collection of Scientific Articles. Moscow : MAX Press, 2015. P. 342.
2. *Berestova L.I.* Modern Approaches to Modernization and Development of Public Administration and Public Service // State Service of Russia: Development and Management of Human Capital: Collection of Scientific Articles. M. : Publishing house «Delo» RANHiGS, 2013. P. 25.
3. Federal Law of July 27, 2004, № 79-FZ «On the Civil Service of the Russian Federation» (with amendments and additions) // Rossiyskaya Gazeta. № 162. 31.06.2014.
4. Decree of the President of the Russian Federation of August 11, 2016 № 403 «On the Main Directions of the Development of the State Civil Service of the Russian Federation for 2016–2018» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08.15.2016. № 33. Art. 5165.

Лопотенко Юрий Юрьевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
pisticid@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ИНДИКАТОР ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Аннотация. В статье раскрываются некоторые неразрешенные проблемы, связанные с исполнением и назначением уголовного наказания без изоляции осужденного от общества в виде принудительных работ. В статье раскрываются актуальные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ. Предложенные пути решения исследованных проблем будут способствовать повышению эффективности исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ.

Ключевые слова: принудительные работы, наказание не связанное с изоляцией от общества, уголовно-исполнительная инспекция, ретроспективный анализ наказания в виде принудительных работ.

Концептуальное ужесточение правовых основ уголовной политики Российской Федерации непосредственно связано с вступлением в силу Уголовного Кодекса 1996 г. и как следствие ужесточение санкций статей Особенной части УК РФ. На рубеже XX и XXI вв. Российская Федерация продолжала оставаться на передовых позициях в мире по количеству заключенных на 100 тыс. человек населения. В силу этого в начале 21 столетия Президент нашей страны и руководство уголовно – исполнительной системы поставили задачу по расширению применения санкций, альтернативных лишению свободы [1].

Первостепенной задачей, решение которых направлено на достижение целей Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р [2], является расширение сферы применения наказаний выступающих в качестве альтернативы лишению свободы и не связанных с изоляцией осужденного от общества. В этой связи, вместе с ныне существующими наказаниями не связанных с изоляцией осужденного от общества, таких как, обязательные и исправительные работы в систему наказаний был включен новый вид наказания – принудительные работы, который применяется на практике судами с 1 января 2017 года [3].

Yury Yu. Lopotenko
graduate student of
department of criminal law and criminology,
Kuban State University
pisticid@mail.ru

FORCED LABOR AS AN INDICATOR OF HUMANIZATION OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article reveals some unresolved problems related to the execution and appointment of criminal punishment without isolating the convict from the society in the form of forced labor. The article reveals the actual problems of execution of punishment in the form of forced labor. The proposed ways of solving the problems investigated will contribute to increasing the effectiveness of the execution of criminal punishment in the form of forced labor.

Keywords: forced labor, punishment not related to isolation from society, penitentiary inspection, retrospective analysis of punishment in the form of forced labor.

В отношении ретроспектив, внедрение в уголовное законодательство наказания в виде принудительных работ следует отметить, что, несмотря на первоначальные планы введения данного вида наказания в действие с 1 января 2013 г., осталось не реализованным, введение данного вида наказания было отсрочено до 2014 года. Сложившаяся ситуация была связана с нехваткой средств, ассигнований для создания специальных исправительных центров.

Согласно статье 8 от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принудительные работы применяются с 1 января 2017 года. Так, введение нового вида наказания направлено на гуманизацию уголовного законодательства, а также на расширение возможностей для суда назначения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Согласно статье 53.1 Уголовного кодекса РФ, принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести или за совершение тяжкого преступления впервые. Также предусмотрено, что если, назначив наказание в виде лишения свободы,

суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он вправе заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами [4].

При этом законодатель отметил, что при назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет принудительные работы не применяются.

Рассуждая о практике применения принудительных работ, можно увидеть, что исследуемый вид наказания может быть назначен только в качестве альтернативы уже назначенному наказанию в виде лишения свободы, в случаях, когда оба вида наказания обозначены в соответствующей санкции статьи [5]. Данное положение закона говорит о том, что назначение принудительных работ в находится в непосредственно связано с ранее назначенным наказанием в виде лишения свободы, что непосредственно отражается в приговоре суда. И после того, как суд назначит виновному наказанию в виде лишения свободы, а также убедившись в возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы (изоляции от общества), он назначает наказание в виде принудительных работ, тем самым обеспечивая альтернативность наказания. При этом, если срок наказания виновному лишению свободы будет превышать пять лет, то наказание в виде лишения свободы не может быть заменено принудительными работами. Рассматривая вопрос о наличии возможности исправления осужденного без реальной изоляции от общества, суды в первую очередь обращают внимание на характер и степень общественной опасности преступления, сведения о личности виновного, обстоятельства совершения преступления [6].

В настоящее время, по данным Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, на всей территории страны действует 11 специальных исправительных центров для исполнения наказания в виде принудительных работ. В таких субъектах как Ставропольский край, Республика Карелия, Республика Башкортостан, Архангельская область, Новосибирская область, Тюменская область, Смоленская область, Тамбовская область, Самарская область, Приморский край и в Забайкалье. По данным ФСИН России на 12 августа 2017 года, численность осужденных данных специальных исправительных центров составляет 188 человек, а общее количество мест составляет 896 [7].

Следовательно, можно утверждать о том, что специальные исправительные центры заполнены всего лишь на 20 процентов. Как отмечено выше, специальные исправительные центры функционируют в 11 субъектах Российской Федерации, складывается ситуация, что суды не имеют возможности применять данный вид наказания во всех случаях, то есть не во всех случаях, где законодатель предусматривает такую альтернативу. Однако отметим, если ранее суды не применяли данный вид наказания из-за отсутствия специальных исправительных центров, то

сейчас принудительные работы, не применяются на практике в силу того, что слишком мало исправительных центров и, как следствие, суды не осведомлены о наличии возможности исполнения принудительных работ в конкретном регионе.

Из этого складывается проблема практики применения данного вида наказания, что привело к недолжному исполнению уголовной и уголовно-исполнительной политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства РФ, связанной с расширением сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Если обратиться к статистическим данным ФСИН РФ относительно заполняемости исправительных центров, то можно обнаружить, что количество специальных исправительных центров катастрофически мало и заполнены они всего лишь на 20 %. Так, в Ставропольском исправительном центре, по данным на 12 августа 2017 года, отбывающими наказание занято 44,4 % мест (64 из 144); в Карелии – 18 % (9 из 50); в Башкортостане – 16 % (16 из 100); в Архангельской области – 16 % (8 из 50); в Новосибирской области – 13 % (12 из 92); в Тюменской области – 12 % (12 из 100); в Смоленской области – 10,9 % (6 из 55); в Тамбовской области – 14,3 % (10 из 70); в Самарской области – 8,57 % (3 из 35); в Приморском крае – 6,7 % (10 из 150); в Забайкалье – 2 % (1 из 50) [8].

Необходимо расширять практику применения данного вида наказания, поскольку, долгое время данный вид наказания нельзя было применять, в силу отсутствия исправительных центров. Сейчас же, ситуация обратная исправительные центры есть и крайне важно использовать их на практике.

Принудительные работы назначаются не в тех объемах, в которых могли бы быть назначены. Взглянем на статистику, на примере Краснодарского края, на 15 августа 2017 года по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, осужденных за преступления небольшой степени тяжести 12076 человек, а за преступления средней тяжести 5765 человек [9]. Следовательно, к лицам данной категории могло быть применено наказание в виде принудительных работ.

На наш взгляд, частичным решением проблемы может стать реконструкция-модернизация колоний-поселения в исправительные центры, что будет направлено на удовлетворение потребностей современных реалий. Хотелось бы отметить, чтобы достичь целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года [10], то необходимо создавать исправительные центры во всех субъектах Российской Федерации, определяя количество мест в данных учреждениях, исходя из статистических данных привлечения к уголовной ответственности лиц за совершавшие преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые.

В силу того что, принудительные работы относятся к наказаниям, непосредственно связанным с обязательным привлечением осужденного к труду, наказание не может назначаться отдельным категориям лиц. Так отметим что, принудительные работы не назначаются лицам не до-

Литература:

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2002. 19 апреля; Ю.И. Калинин Пенитенциарная система России: прошлое, настоящее, будущее. Лекция в Кинге колледж Лондонского Университета. Ноябрь. 2002 г. Лондон, 2002. С. 29.
2. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г».
3. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 125–127. ISSN 1997-292X.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
5. *Иванов А.Л.* Принудительные работы как вид уголовного наказания: закон и практика применения «Законность», 2016, № 6.
6. *Бриллиантов А.В.* Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник; 2-е издание, переработанное и дополненное. «Прспект», 2015 г.
7. Портал Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=286639
8. Интернет ресурс: URL <https://iz.ru/632779/bogdan-stepovoi/ispravitelnykh-tcentry-fsin-zapolneny-lish-na-20>
9. Интернет ресурс: Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL http://crimestat.ru/offenses_map
10. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г».

стигших совершеннолетия, инвалидам первой и второй группы, беременным женщинам, женщинам имеющим на иждивении детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, военнослужащим.

Literature:

1. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. 2002. 19 April; Kalinin YI Penitentiary system of Russia: past, present, future. Lecture at King's College, University of London. Nov. 2002. London, 2002. P. 29.
2. Order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 N 1772-r «On the approval of the Concept of the development of the criminal-executive system of the Russian Federation until 2020».
3. Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice. Tambov : Diploma, 2015. № 9 (59): in 2 hours Part II. C. 125–127. ISSN 1997-292X.
4. Criminal Law of the Russian Federation. The general part : Textbook for high schools / Under red. Doctor of Law. V.S. Komissarova, Doctor of Law. NOT. Krylova, D.Sc. THEM. Heavy. M. : Statute, 2012. 879 p.
5. *Ivanov A.L.* Forced labor as a form of criminal punishment: the law and practice of applying «Legality», 2016, № 6.
6. *Brilliantov A.V.* Criminal Law of Russia: Parts of General and Special : Textbook; 2nd edition, revised and supplemented. «Prospect», 2015.
7. Portal of the Federal Service for Execution of Punishment of the Russian Federation URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=286639
8. Internet resource: URL <https://iz.ru/632779/bogdan-stepovoi/ispravitelnykh-tcentry-fsin-zapolneny-lish-na-20>
9. Internet resource: Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL http://crimestat.ru/offenses_map
10. Decree of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 N 1772-r «On the approval of the Concept for the Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation until 2020».

Мансуров Гафур Закирович

доктор юридических наук,
заведующий кафедры гражданского права,
Уральский государственный
экономический университет
mansuroff@yandex.ru

Бельдина Оксана Геннадьевна

старший преподаватель кафедры
гражданского права,
Уральский государственный
экономический университет
bfog@mail.ru

**НЕВОЗМОЖНОСТЬ
ИСПОЛНЕНИЯ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹**

Аннотация. В работе рассматриваются общие и особенные признаки невозможности исполнения трансграничных денежных обязательств. Авторами констатируется наличие дополнительных препятствий для исполнения данной разновидности денежных обязательств. Отмечаются различия терминологического аппарата международного и национального права при обозначении юридических фактов, служащих основанием невозможности исполнения денежных обязательств.

Ключевые слова: трансграничные денежные обязательства; невозможность исполнения; существенное изменение обстоятельств; экономические санкции; валютный контроль.

Под трансграничными денежными обязательствами принято понимать обязательства, для исполнения которых необходимо использовать счета, открытые в банках или в их структурных подразделениях, находящихся на территории разных государств. Им свойственны общие признаки невозможности исполнения, характерные для всех денежных обязательств, так и специальные, обусловленные трансграничным характером их исполнения.

Целью данной статьи является анализ общих и специальных признаков невозможности исполнения трансграничных денежных обязательств. Эта проблема является предметом постоянного внимания российских ученых. В разное время над ней работали Ю.В. Бахарева [1, с. 104–106],

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00369.

Gafur Z. Mansurov

Doctor of legal Sciences,
head of Department of Civil Law,
Ural State University of Economics
mansuroff@yandex.ru

Oxana G. Beldina

Senior Lecturer of the Department of
Civil Law,
Ural State University of Economics
bfog@mail.ru

**IMPOSSIBILITY OF
EXECUTION OF TRANSBOUNDARY
MONETARY OBLIGATIONS:
GENERAL AND SPECIAL**

Annotation. The paper considers general and specific signs of the impossibility of executing cross-border monetary obligations. It is stated that there are additional obstacles to the performance of this type of monetary obligations. A distinction is made between the terminological apparatus of international and national law in the designation of legal facts that serve as the basis for the impossibility of fulfilling monetary obligations.

Keywords: cross-border monetary obligations; impossibility of execution; a significant change in circumstances; economic sanctions; currency control.

М.А. Власов [2, с. 110–125], Е.П. Войтович [3, с. 119–126], Д.М. Генкин [4, с. 105–126], А.М. Запорожец [5, с. 40–48], О.Н. Захарова [6, с. 65–69], Р.Н. Кузнецов [7, с. 104–105], Т.П. Лазарева [8, с. 766], Л.А. Лунц [9, с. 80–102], В.А. Ойгензихт [10, с. 169–344], Е.С. Пенюшов [11, с. 125–133] и другие. Также по данной проблематике были защищены диссертации М.П. Горбуновым [12, с. 21], Ю.Э. Милитаревой [13, с. 15], Е.С. Мухачевой [14, с. 35] и другими.

Под невозможностью исполнения в самом общем виде понимается невозможность достижения поставленных целей сторонами правоотношения, причина которой находится *вне контроля сторон*, при этом они не могли быть разумно предвидены при заключении договора и вызваны экстраординарными обстоятельствами [15, с.10].

Согласно общепринятой точке зрения, исполнение *денежного обязательства* никогда не мо-

жет стать объективно невозможным в силу того, что обязательство, имеющее своим предметом вещи, определенные родовыми признаками, *лишь в исключительных случаях прекращается невозможностью исполнения*, так как доказать полное отсутствие в обороте вещей данного рода практически невозможно («род никогда не погибает»). Так, по мнению Р.А.Камалитдиновой, «необходимо учитывать, что проценты годовых как особая форма ответственности по денежным обязательствам (ст. 395 ГК) должна применяться к неисправному должнику без учета положений соответствующих норм, содержащихся в ст. 401 и 416 ГК РФ, так как основанием прекращения денежного обязательства, по общему правилу, является его надлежащее исполнение, и должник не может быть освобожден от ответственности за его неисполнение, в том числе и при форс-мажорных обстоятельствах» [16, с. 161].

Л.А. Лунц в своей публикации 1948 года утверждает, что «можно себе представить лишь временную фактическую невозможность платежа, когда, например, вследствие исключительных обстоятельств, вызванных военными действиями или неприятельской оккупацией, временно нарушается связь между кредитором и должником, и в результате этого приостанавливается наступление просрочки должника. Но нельзя представить себе полную фактическую объективную невозможность исполнения, вовсе освобождающую должника от платежа» [17, с. 312].

Имеется значительное количество актов юрисдикционных органов, закрепляющих вышеуказанное доктринальное мнение. Так, например, согласно п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: отсутствие у должника денежных средств не является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение денежного обязательства и начисления процентов, установленных статьей 395 ГК РФ (пункт 1 статьи 401 ГК РФ).

Однако в литературе данная прямолинейная позиция подвергается обоснованной критике. В частности, обращается внимание на то, что «события 17 августа 1998 г., выразившееся в дестабилизации отечественной финансовой системы, привели к невозможности исполнения значительного числа обязательств ввиду того, что денежные средства должников оказались погребенными под обломками обрушившихся банков» [18, с. 235]. Нормативным выражением данного утверждения, очевидно, будут содержания ст. 451 ГК РФ и ст. 6.2.3 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г.

Согласно вышеуказанному российскому нормативному акту, существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. При этом изменение обстоятельств признается существенным, когда они изме-

нились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

В международном же акте для характеристики такой ситуации используется термин «затруднение». Согласно ст. 6.2.3 «Последствия затруднений» Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г., в случае затруднений потерпевшая сторона имеет право обратиться с просьбой пересмотреть договорные обязательства. Затруднениями считается случай, когда происходят события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения.

Как известно, отношения по поводу денег могут быть не только частноправовыми, но и публично-правовыми. В сфере публично-правовых отношений действует иное правило: «Денежная обязанность, например, по уплате налога, напротив, прекращается гибелью материального объекта, с которым связано ее возникновение (за исключением обязанности погасить долги, возникшие до гибели объекта)» [18, с. 121–131].

Возникновение юридической невозможности исполнения *трансграничного денежного обязательства* принято связывать с реформами в сфере валютных отношений после мирового экономического кризиса 1929 г. Как указывает Л.А. Лунц «в условиях свободной пересылки и свободного перевода валютных ценностей из страны в страну освобождение должника вследствие невозможности исполнения денежного обязательства вообще не могло иметь места. Но когда должник, проживающий за границей, не может в силу действующих там валютных рестриций ни перевести, ни переслать, ни привезти деньги в данную страну (ни даже сделать распоряжение местному банку о выплате денег со своего текущего счета в этом банке), то надо заключить, что имеет место невозможность вообще для заграничных должников платить местным кредиторам, т.е. не субъективная, а объективная невозможность платежа» [19, с.324].

В настоящее же время «невозможность исполнения трансграничных договоров может являться следствием самых разнообразных жизненных обстоятельств, которым закон или иной правовой акт придает юридическое значение. Среди таких обстоятельств: экономические санкции, непреодолимая сила, недействительность и др.» [20, с. 120]. Так, например, согласно ФЗ от 8.12.2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами устанавливает запреты и ограничения внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью в целях участия Российской Федерации в международных санкциях (ст.13).

Невозможность исполнения трансграничного денежного обязательства может быть установ-

лена в рамках валютного контроля. Так, например, в силу прямого указания об этом в ФЗ от 8.12.2003 г. (ред. от 13.07.2015 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», внешняя торговля товарами, услугами и интеллектуальной собственностью может ограничиваться мерами валютного регулирования или валютного контроля в соответствии со статьями Соглашения Международного валютного фонда и с законодательством Российской Федерации.

И.Ю. Шумейко констатирует факт необходимости исполнения денежного обязательства в той валюте, которая предусмотрена договором» и предлагает дополнить ГК РФ статьей 1218¹ «Валюта внешнеэкономической сделки», в которой должно быть указано: «В случае невозможности исполнения денежного обязательства в валюте, предусмотренной соглашением сторон, должник с согласия кредитора имеет право исполнить его в иной

валюте. При отсутствии такого согласия кредитор может потребовать осуществить платеж в валюте места платежа» [21, с.8]. Сходной позиции придерживается другой автор: «Денежное обязательство практически можно исполнить ввиду многообразия денег (иностранных валют), использования валютных курсов и иных обстоятельств. Поэтому невозможность для должника исполнить денежное обязательство в одной валюте может быть исправлена путем предоставления кредитору права выбора иной валюты платежа. При этом справедливо предоставить должнику необходимый срок для исполнения (приобретения другой валюты или совершения иных действий, сопровождающих платеж)» [22, с. 106].

Таким образом, трансграничное денежное обязательство, помимо оснований для невозможности исполнения, свойственных внутренним денежным обязательствам, имеет целый ряд специфических оснований.

Литература:

1. Бахарева Ю.В. Невозможность исполнения денежных валютных обязательств // Право и экономика. 2006. № 7.
2. Власов М.А. Невозможность исполнения обязательства и ее последствия по гражданскому праву России // Северо – кавказский юридический вестник. 2006, № 4.
3. Войтович Е.П. Невозможность исполнения трансграничных договоров в условиях действия экономических санкций // Вестник Новосибирского гос. Ун-та. Сер.: Право. 2015. Т. 11. Вып.2.
4. Генкин Д.М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Памяти профессора Габриеля Феликсовича Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М. : Бр. Башмаковы, 1915.
5. Запорожец А.М. К проблеме невозможности исполнения обязательств // Журнал российского права. 2003, № 12.
6. Захарова О.Н. Непреодолимая сила и невозможность исполнения обязательства // Хозяйство, право и наука. Сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009, Вып. 3.
7. Кузнецов Р.Н. Экономическая невозможность исполнения обязательств и категория непреодолимой силы // Правоохранительные органы: теория и практика. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2009, № 2.
8. Лазарева Т.П. Влияние норм валютного законодательства на внешнеэкономические договоры / Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / С.С. Алексеев, Ф.О. Богатырев, Б.А. Булаевский и др.; под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Статут, 2013.

Literature:

1. Bakhareva Yu.V. Impossibility of execution of monetary currency obligations // Right and economy. 2006. № 7.
2. Vlasov M.A. The impossibility of execution of the obligation and her consequence on civil law of Russia // Severo is the Caucasian legal messenger. 2006, № 4.
3. Voitovich E.P. Impossibility of the execution of cross-border contracts in the conditions of the economic sanctions // Bulletin of the Novosibirsk State University. Un-ta. Ser. : Right. 2015. Т. 11. Issue 2.
4. Genkin D.M. To the question of the effect on the obligation of impossibility of execution // In memory of Professor Gabriel Feliksovich Shershenovich. Collection of articles on civil and commercial law. M. : Br. Bashmakov, 1915.
5. Zaporozhets A.M. To a problem of impossibility of performance of obligations // the Magazine of Russian law. 2003, № 12.
6. Zakharova O.N. Force majeure and impossibility of execution of the obligation//Economy, right and science. Collection of scientific works. Irkutsk : BGUEP publishing house, 2009, Issue3
7. Kuznetsov R.N. The economic impossibility of performance of obligations and the category of force majeure // law Enforcement: theory and practice. Ekaterinburg : Publishing house Ural. the faculty of law. Institute of MIA of Russia, 2009, № 2.
8. Lazareva T.P. Effect of the currency regulations on foreign trade contracts / Civil law and modernity: collection of articles dedicated to the memory of M.I. Braginsky / S.S. Alekseev, F.O. Bogatyrev, B.A. bulaevskii etc.; under the editorship of V.N. Litovkin, K.B. Yaroshenko; the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. M. : Statut, 2013.

9. *Луниц Л.* Учение о невозможности исполнения договорных обязательств в английском праве. (В связи с законодательством и судебной практикой в период второй мировой войны) // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947, Вып. 5.
10. *Ойгензихт В.А.* Риск случайной гибели вещи и невозможности исполнения обязательства: Вопросы гражданского права и процесса // Труды юридического факультета: Вопросы гражданского права и процесса. Душанбе, 1972, Вып. 1.
11. *Пенюшов Е.С.* К вопросу о невозможности исполнения в динамике обязательственного правоотношения // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. Сборник научных трудов. М., Иркутск : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2009, Вып. 5.
12. *Горбунов М.П.* Невозможность исполнения обязательства (некоторые вопросы исполнения гражданско-правовых обязательств) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.
13. *Милитарева Ю.Э.* Невозможность исполнения обязательства (некоторые вопросы договорной ответственности социалистических организаций) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951.
14. *Мухачева Е.С.* Невозможность исполнения обязательства в российском, европейском и единообразном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Томск, 2013.
15. *Шумейко И.Ю.* Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве : автореф. дисс. ... Ростов-на-Дону, 2010.
16. *Камалитдинова Р.А.* Развитие доктрины невозможности исполнения обязательств в различных правовых системах // Актуальные проблемы гражданского права. Сб. ст. Вып. 4. Под ред. М.И. Брагинского. М. : Издательство НОРМА, 2002.
17. *Луниц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. Статут, 1999 (по изданию 1948 г.).
18. *Будман Ш.И.* Невозможность исполнения обязательств в современном договорном праве / Ш.И. Будман, Е.А. Павлодский // Проблемы современного гражданского права. Сборник статей. М. : Городец, 2000. С. 223–235 (С. 235).
19. *Омельчихина Н.В.* Отличие денежных обязанностей от денежных обязательств: финансово-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 6.
20. *Луниц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. Статут, 1999.
21. *Войтович Е.П.* Невозможность исполнения трансграничных договоров в условиях действия экономических санкций // Вестник Новосибирского гос. Ун-та. Сер.: Право. 2015. Т. 11. Вып.2.
9. *Luntz L.* the Doctrine of impossibility of performance of contractual obligations in English law. (In connection with the legislation and court practice during the second world war) // scientific notes. Scientific notes of VION. - M.: Yurid. Izd-vo MU, the Soviet Union, 1947, Vol.5.
10. *Oyugenzicht V.A.* The Risk of accidental perishing of things and the impossibility of execution of obligations: the civil law and process // Proceedings of the faculty of law: Matters of civil law and process. Dushanbe, 1972, Vol. 1.
11. *Peniushov E.S.* To the question of impossibility of performance in the dynamics of debt relations // Modern problems of lawmaking and law enforcement. Collection of scientific works. M., Irkutsk : GOU VPO RPA Russian Ministry of justice, 2009, Vol. 5.
12. *Gorbunov M.P.* Impossibility of performance of obligations (some issues of execution civil-law obligations) : abstract. dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. M., 1972.
13. *Militareva Yu.E.* The impossibility of fulfilling the obligation (some questions of contractual responsibility of socialist organizations) : author's abstract. dis. ... cand. jurid. Science. M., 1951.
14. *Mukhacheva E.S.* The impossibility of fulfilling the obligation in Russian, European and uniform private law : author's abstract. dis. ... cand. jurid. Sciences of Tomsk, 2013.
15. *Shumeyko I.Yu.* Problems of fulfillment of obligations in civil law : author's abstract. diss. ... Rostov-on-Don, 2010.
16. *Kamalitdinova R.A.* Development of the doctrine of the impossibility of fulfilling obligations in various legal systems // Actual problems of civil law. Sat. Art. Issue. 4. Ed. M.I. Braginsky. M. : Publishing House NORMA, 2002.
17. *Lunts L.A.* Money and monetary obligations in civil law. M. Statute, 1999 (on the edition of 1948).
18. *Budman Sh.I.* Impossibility of fulfillment of obligations in modern contract law / Sh.I. Budman, E.A. Pavlodsky // Problems of modern civil law. Digest of articles. Moscow: Gorodets, 2000. P. 223–235 (p. 235).
19. *Omelyokhina N.V.* Difference of monetary obligations from monetary obligations: financial and legal aspect // Journal of Russian law. 2015. № 6.
20. *Lunts L.A.* Money and monetary obligations in civil law. M. Statute, 1999.
21. *Voitovich E.P.* Impossibility of the execution of cross-border contracts in the conditions of the economic sanctions // Bulletin of the Novosibirsk State University. Un-ta. Ser. : Right. 2015. T. 11. Issue 2.

Маринова Светлана Шамилевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
Marinova.svetlana@mail.ru

Кандрина Ирина Алексеевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
Irin.ka_@bk.ru

ПОРЯДОК ПЕРЕСМОТРА И ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК И ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИИ (УСТАВЫ) СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Важным аспектом обеспечения стабильности действия регионального законодательства и в первую очередь Конституций и Уставов субъектов РФ, это четкая регламентация категориального аппарата в отношении пересмотра, внесения поправок и изменений в Конституции и Уставы субъектов РФ. На практике данному вопросу, исходя из анализа действующего законодательства, уделяется недостаточное внимание. Авторы проводят сравнительное исследование, как регулируются данные вопросы исходя из положений, закрепленных в Конституциях и Уставах субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституции (уставы) субъектов РФ, пересмотр, внесение поправок, изменения Конституции (устава) субъекта РФ, законодательные (представительные) органы субъекта РФ, субъекты законодательной инициативы.

Рассматривая вопрос о конституционных поправках и пересмотре Конституции РФ, законодатель определяет несколько понятий связанные с данной процедурой установленные главой 9 Конституции РФ, такими понятиями являются «пересмотр», «внесение поправок» и «изменения ст. 65 Конституции РФ определяющий состав субъектов Российской Федерации». Если речь идет о пересмотре Конституции РФ то это относится к главам 1,2 и 9 Конституции РФ, которые не могут быть предметом рассмотрения Федерального Собрания РФ. Процедура внесе-

Svetlana Sh. Marinova

PhD in historical sciences,
associate Professor of the
Department of state and legal disciplines,
Sredne-Volzhsky Institute (branch) of RSUJ
Marinova.svetlana@mail.ru

Irina A. Candrina

PhD in historical sciences,
associate Professor of the
Department of state and legal disciplines,
Sredne-Volzhsky Institute (branch) of RSUJ
Irin.ka_@bk.ru

PROCEDURE FOR REVIEW AND AMENDMENT AND THE AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION (STATUTES) OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. An important aspect of ensuring the stability of the regional legislation and primarily comprised and seen of the constituent entities of the Russian Federation, this jet regiment categorical apparatus in relation to the setting of the national Assembly of amendments and changes to the Constitution and Charters of subjects of the Russian Federation. In practice, this issue, based on the analysis of the current legislation, attention is paid to Nadal. The authors carried out a study of the Spaniel, as governed by the data question based on the provisions of the screen Constitute and Charters of subjects of the Russian Federation.

Keywords: The Constitution (statutes) of constituent entities of the Russian Federation, revision, amendment, changing the Constitution (Charter) of a subject of the Russian Federation, legislative (representative) bodies of subject of the Russian Federation, subjects of legislative initiative.

ние поправок относится к главам с 3 по 8 Конституции РФ, которые являются предметом рассмотрения Федерального Собрания РФ, при соблюдении определенной процедуры. Интерес вызывает конструкция ст. 135 Конституции РФ, что в случае пересмотра глав 1,2 и 9 Конституции РФ созывается отдельный орган, такой как Конституционное Собрание РФ, которое призвано решить вопрос о неизменности Конституции РФ или Конституционное Собрание разрабатывает проект новой Конституции РФ. Такая процедура, несомненно, указывает на жесткий по-

рядок пересмотра Конституции РФ, а именно основных ее начал составляющих фундамент нашего государства.

Опираясь на ст. 5 Конституции РФ субъекты РФ могут иметь свою Конституцию (устав). В республиках – это Конституция, поскольку в состав Российской Федерации они входят как правовые демократические государства, а в других субъектах это устав, поскольку в составе Российской Федерации они имеют статус государственно-территориального образования (края, области, города федерального значения) или государственно-национального образования (автономный округ и автономная область) в составе Российской Федерации. Каким же образом вопрос о пересмотре и внесении поправок в Конституции (уставы) решается на уровне субъектов РФ и какой категориальный аппарат имеется в законодательстве субъектов в составе РФ.

Какие субъекты разграничивают понятия «пересмотр», «внесение поправок» и «внесение изменений в наименование административно-территориальных единиц субъекта РФ» воспроизводя усложненный порядок по аналогии с Конституцией РФ, а какие субъекты выбирают более упрощенный порядок внесения изменений при этом относя данную процедуру к полномочиям законодательного (представительного) органа власти субъекта в составе РФ.

Конституция Республики Дагестан в главе 10 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции» [8] четко определяет весь категориальный аппарат, определяя, что пересмотр Конституции Дагестан в отношении глав 1,2 и 10 не может быть предметом рассмотрения Народного Собрания Республики Дагестан. При этом создается отдельный орган такой как Конституционное Собрание. Кроме того в Республики Дагестан принят Закон от 23 ноября 2010 года № 67 «О Конституционном Собрании» [10]. Необходимо отметить, что данный закон по аналогии с Конституцией РФ отсутствует на федеральном уровне. Процедуру внесения поправок в отношении глав с 3 по 9 Конституции Дагестан относит к компетенции законодательного (представительного) органа субъекта РФ. Очень четко Конституция в ст. 105 определяет процедуру внесения изменения нового наименования района, города республиканского значения или их упразднения новое наименование административно-территориальной единицы подлежит включению в статью (исключению из статьи) 57 Конституции Республики Дагестан указом Главы Республики Дагестан.

Таким образом, Конституция Республики Дагестан максимально точно и ответственно подошла к решению с юридической точки зрения к данному вопросу.

Конституция Республики Мордовия в главе 10 «Порядок внесения изменений и пересмотра Конституции Республики Мордовия» [4] не разграничивает понятия в отношении процедуры внесения изменений, которые по всей вероятности могут касаться и отдельных положений глав

Конституции Республики Мордовия и положений отдельной статьи 63 Конституции определяющей административно-территориальное устройство субъекта. Непонятным остается и вопрос, вытекающий из содержания ст. 112 Конституции, что может стать основанием пересмотра Конституции Республики Мордовия, так как из содержания главы 10 Конституции, не предусматривается отдельная защита, к примеру глав 1,2 и 10 Конституции РМ, что, по всей видимости, данные главы могут быть предметом рассмотрения по вопросу внесения изменений Государственным Собранием РМ. Необходимо отметить, что Конституция Республики Мордовия принималась отдельным органом Конституционным Собранием, о котором в главе 10 Конституции Мордовии уже не упоминается.

Такой же подход сохраняется и в Конституции Республики Татарстан. Раздел VII «Порядок принятия Конституции Республики Татарстан и внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан» [1] не содержит четкого разграничения понятий, что может стать причиной смены Конституции Республики Татарстан, и что является основанием внесения изменений в Конституцию, так как предусматривается единая процедура. Так же хотелось бы отметить, что в случае необходимости принятия новой Конституции Татарстана, кто должен заниматься ее разработкой, тоже не указано.

Несколько иная ситуация обстоит в отношении Конституции Республики Адыгея, в которой в главе 9 «Вступление в силу и порядок изменения Конституции Республики Адыгея» [2] предусмотрено положение об изменениях и дополнениях Конституции Республики Адыгея которые, принимаются Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея в форме конституционных законов Республики Адыгея. Но есть одна отличительная особенность: ч. 2 ст. 110 Конституции закрепляет, что «положения раздела I Конституции Республики Адыгея могут быть пересмотрены Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея при наличии положительного заключения Конституционного Суда Республики Адыгея». Таким образом, в отношении раздела первого «Основы конституционного строя» установлена дополнительная гарантия защиты со стороны Конституционного Суда Республики.

Конституция Республики Алтай в главе XVIII «Внесение поправок и пересмотр Конституции», имеет свои специфические черты, среди которых ст. 150 Конституции [7], где установлено, что субъектом пересмотра Конституции Республики Алтай могут быть граждане в порядке правотворческой инициативы, поддержанной подписями не менее трех тысяч избирателей, проживающих в Республике Алтай. Таким образом, граждане Республики Алтай имеют право правотворческой инициативы. Подобное положение содержится и в Уставе Приморского края, где пункт 1 части 1 ст. 74 Устава устанавливает, что «предложения о внесении изменений в Устав Приморского края могут вносить ... не менее 2 процентов граждан Российской Федерации, место жительства которых расположено на тер-

ритории Приморского края, обладающих активным избирательным правом» [6]. То есть, вопрос, касающийся любых изменений в Уставе Приморского края, может стать предметом законодательной инициативы со стороны граждан, проживающих на территории Приморского края.

Своя специфика имеется и в Уставе Забайкальского края где, не уделяется особое внимание вопросу внесения предложений о поправках и пересмотру положений Устава, данному вопросу посвящены две статьи 110 и 111 в Раздела V «Заключительные и переходные положения» [9].

Устав Амурской области также не имеет отдельной главы по вопросу внесения поправок в Устав, а согласно ст. 81 Устава устанавливает, что процедура внесения изменений в Устав (основной Закон) Амурской области устанавливается Регламентом Законодательного Собрания» [5].

Особая специфика предусматривается в Уставе города Москвы, в котором вопросу о поправках в Устав посвящена отдельная глава 12.1, где в

Литература:

1. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 9–10. Ст. 166.
2. Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 (принята сессией ЗС (Хасэ) – Парламента РА 10.03.1995) // Ведомости ЗС (Хасэ) – Парламента РА. 1995. № 16.
3. Закон г. Москвы от 28.06.1995 (ред. от 20.09.2017) «Устав города Москвы» [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/3607978>. Дата обращения: 02.01.2018.
4. Конституция Республики Мордовия (принята Конституционным Собранием РМ 21.09.1995) // Известия Мордовии. 1995. 22 сентября. № 180.
5. Закон Амурской области от 13.12.1995 № 40-ОЗ «Устав (основной Закон) Амурской области» (принят Амурским областным Собранием 16.11.1995) // Амурская правда. 1995. № 295–296.
6. Устав Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ (принят Думой Приморского края 12.09.1995) // Устав Приморского края (опубликован в виде отдельного издания). 1995. 16 октября.
7. Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (принята Законом РА от 7 июня 1997 г. № 21–4) // Ведомости Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай. 1997. № 21 (июнь).
8. Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10.07.2003) // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2003. № 7. Ст. 503.
9. Закон Забайкальского края от 17.02.2009 № 125-ЗЗК «Устав Забайкальского края» (принят Законодательным Собранием Забайкальского

части 4 ст. 79.1 предусматривается, что «проект закона города Москвы о внесении поправок в Устав в течение пяти дней со дня его внесения направляется Мэру Москвы для дачи заключения и принимается к рассмотрению на заседании Московской городской Думы после представления указанного заключения. Заключение Мэра Москвы должно быть представлено в течение 35 дней со дня внесения проекта закона города Москвы» [3].

Как показывает анализ Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации единообразного подхода по вопросу внесения поправок и пересмотр Конституций (уставов) субъектов Российской Федерации не наблюдается, а так же не выработан единый категориальный аппарат по аналогии с Конституцией РФ, что на практике может вызывать существенную необходимость дополнительного регулирования данного вопроса со стороны законодательных (представительных) органов субъектов РФ, заранее не установленные региональным законодательством в полной мере.

Literature:

1. The Constitution of the Republic of Tatarstan dated 06.11.1992 // Bulletin of the Supreme Council of Tatarstan. 1992. №9–10. St. 166.
2. The Constitution of the Republic of Adygea dated 10.03.1995 (adopted by the session of the AP (Hase) – the Armenian Parliament 10.03.1995) // Bulletin of ZS (Hase) – the Armenian Parliament. 1995. № 16.
3. The law of Moscow from 28.06.1995 (ed. by 20.09.2017) «the Charter of the city of Moscow» [Electronic resource] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/3607978>. Date of access: 02.01.2018.
4. The Constitution of the Republic of Mordovia (adopted by the constituent Assembly RM 21.09.1995) // news of Mordovia. 1995. September 22. № 180.
5. Law of the Amur region dated 13.12.1995 № 40-OZ «Charter (basic Law) of Amur oblast» (adopted by the Amur regional Assembly 16.11.1995) // Amur truth. 1995. № 295–296.
6. The Charter of the Primorsky territory on 06.10.1995 № 14-KZ (adopted by the Duma of Primorsky Krai 12.09.1995) // the Charter of the Primorsky region (published in a separate edition). 1995. 16 Oct.
7. The Constitution of the Altai Republic (the Basic Law) (adopted by the Law of 7 June 1997 № 21–4) // Bulletin of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic. 1997. No. 21 (June).
8. The Constitution of the Republic of Dagestan (adopted by the constituent Assembly 10.07.2003) // meeting of the legislation of the Republic of Dagestan. 2003. № 7. St. 503.
9. The law of Transbaikalian edge from 17.02.2009 № 125-SSK «Charter Sabai-Baikal region» (adopted by the Legislative Assembly of Za-

края 11.02.2009) // Забайкальский рабочий. 2009. № 30.

10. Закон Республики Дагестан от 23 ноября 2010 года № 67 «О Конституционном Собрании» [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/895275762>. Дата обращения: 02.01.2018.

baykalsky Krai 11.02.2009) // Zabaykalsky work. 2009. № 30.

10. The Law of the Republic of Dagestan dated 23 November 2010 № 67 «About the constitutional Meeting» [Electronic resource] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/895275762>. Date of access: 02.01.2018.

Мовсесян Ашот Эдуардович

адъюнкт,
Всероссийский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России
425257@mail.ru

Ashot E. Movsesyan

adjunct,
All-Russian Institute
advanced training of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
425257@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES CONNECTED WITH ILLEGAL CIRCULATION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

Аннотация. К вопросам понятия квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, определения видов и установления этапов квалификации рассматриваемых общественно опасных деяний ученые-юристы обращались многократно. Однако с появлением новых форм преступности, связанных с незаконным оборотом наркотиков, возникают проблемы, связанные с квалификацией рассматриваемых категорий преступлений. Автором дается криминологическая характеристика таких преступлений, анализируются статистические показатели борьбы с наркопреступлениями в России за последние пять лет, вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: квалификация противоправного деяния, наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, гарантии обоснованного применения мер правового воздействия, уголовное законодательство, органы расследования.

Annotation. The issues of the concept of the qualification of crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, identification of types and establishment of stages of qualification of socially dangerous acts under consideration, were repeatedly examined by lawyers. However, with the emergence of new forms of crime related to illicit drug trafficking, there are problems associated with the qualification of the categories of crimes in question. Criminological characteristics of such crimes are given, statistical indicators of the fight against drug offenses in Russia are analyzed over the past five years, proposals are being made to improve criminal legislation.

Keywords: qualification of an unlawful act, narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, guarantees for the reasonable application of legal effects, criminal legislation, investigative bodies.

Одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем, представляющих опасность государству, экономике страны, правопорядку, и конечно, угрозу здоровью населения, является незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, а также их аналогов.

Общая численность лиц, незаконно употребляющих наркотические средства, согласно данным общероссийского мониторинга, составляет 5,99 млн человек, в том числе подростки и молодежь в возрасте до 24-х лет – 1,87 млн.

Проведенные независимые социологические исследования говорят о реальной ситуации, свидетельствующей о том, что в России численность употребляющих наркотические средства примерно в 8–10 раз превышает официальную статистику. Отмечен так же рост общеуголовных

преступлений, связанных с распространением наркотиков.

Количество регистрируемых преступлений за последние несколько лет, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ и их аналогов увеличилось в пятнадцать раз, установленных фактов торговли ими в 80 раз, а пресеченных обнаружений групповой наркопреступности соответственно в 9 раз [4].

В 2012–2016 г.г., например, наблюдались существенные колебания динамики регистрации данных преступлений. Если в 2012–2014 г.г. значение этого показателя повысилось с 218,6 тыс. до 254,7 тыс., то в 2015 г. было зарегистрировано 236,9 тыс. преступлений или на 7,5 % меньше, чем в 2014 г., а в 2016 г. – снова снижение на 17,8 %, что дало 201,2 тыс. преступлений [5].

Одним из главных условий успешной борьбы с рассматриваемыми видами преступлений и гарантией обоснованного и законного применения мер правового воздействия является соответствующая квалификация преступлений, которые имеют непосредственную связь с незаконным оборотом наркотических средств, а также психотропных веществ и их аналогов.

Поэтому на дознавателя, следователя и прокурора при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела, возлагается обязанность установить процесс квалификации с учетом признаков, описывающих состав преступления, а также стадии совершения данного общественно опасного деяния, субъектов преступления и формы соучастия.

Не менее важным в процессе квалификации рассматриваемых видов преступлений является поиск той уголовно-правовой нормы, с помощью которой будет возможен процесс сопоставления фактических обстоятельств деяния с существующими признаками состава преступления, то есть с ее помощью квалифицируется содеянное.

К изучению системы преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ и их аналогов в юридических источниках, существуют разнообразные точки зрения по этой проблеме.

Особого внимания заслуживает точка зрения М.Л. Прохоровой, рассматривающей функциональную роль посягательства в различных организациях, а также реализации нелегального оборота наркотических и психотропных веществ [3, с. 31]. К.С. Грогорова разделяет преступные действия на организующие оборот наркотиков и те, которые функционально его обеспечивают [2, с. 9–10]. В основе классификации Л.М. Бабкина лежат две основные категории преступлений. Первые включают деяния, напрямую связанные с наркотическими и психотропными веществами, а вторые связаны с нарушениями основных правил использования инструментов и оборудования для изготовления наркотических и психотропных веществ [1, с. 14].

В связи с тем, что правоприменительная деятельность предъявляет требования к четкому разделению легального оборота от нелегального, который

Литература:

1. *Бабкин Л.М.* Основные направления гармонизации уголовного законодательства России и других государств – участников СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы научно-практической конференции г. Рязань, 12 апреля 2012 г. Рязань: Изд-во Рязан. филиала Моск. ун-та МВД России, 2012. С. 14–30.
2. *Григорова К.С.* Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов как подструктура наркотизма (уголовно-

является незаконным деянием, поэтому данные классификации вполне объяснимы.

В настоящее время в практической деятельности правоохранительных органов дискуссионным остается вопрос о добровольной сдаче наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусматривает выдачу их виновным лицом представителям власти, при имеющейся у него реальной возможности распорядиться ими по собственному усмотрению (личное употребление, сбыт, распространение и т.д.). В соответствии с пунктом первым примечания к ст. 228 УК РФ такое лицо освобождается от уголовной ответственности. Отсутствие в действиях виновного указанных признаков не дает возможности констатировать факт добровольной сдачи наркотиков и освобождения его от уголовной ответственности. Более того, если сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов произошла в результате применения мер принудительного характера (процессуальные действия, оперативно-розыскные меры и т.д.), так как в данных обстоятельствах это лицо помимо своей воли вынуждено передать указанные средства и вещества правоохранительным органам, лишившись возможности распорядиться ими по своему усмотрению.

Кроме того, дискуссионными остаются такие вопросы как: является ли основанием для освобождения от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, но по соображениям личной безопасности отказывается активно способствовать по изобличению соучастников преступления; подлежит ли освобождению от уголовной ответственности лицо, активно содействующее органу расследования и оперативно-розыскному подразделению органов внутренних дел в пресечении и раскрытии преступлений, но отказывается добровольно сдать наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги.

По нашему мнению, указанные ситуации не являются основанием для освобождения от уголовной ответственности, а могут служить как смягчающие вину обстоятельства.

Literature:

1. *Babkin L.M.* The main directions of harmonization of the criminal legislation of Russia and other SNG member states in the sphere of combating illicit drug trafficking / Criminal-legal and criminal procedural means for ensuring the rights and freedoms of participants in criminal proceedings: materials of the scientific-practical conference Ryazan, April 12, 2012 Ryazan : Publishing house of Ryazan. branch of the Mosk. the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. P. 14–30.
2. *Grigорова K.S.* Illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues as substructure of narcotism (criminally-legal and

правовой и криминологический аспекты) : Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 9–10.

3. Прохорова М.Л. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: миф или реальность? / Российский следователь. № 23. М. : Юрист, 2012. С. 31.

4. Статистика и аналитика – МВД России // URL: mvd.ru/Deljatelnost/statistics

5. Преступления и правонарушения. Стат. Сборник ГИАЦ МВД России. М. : 2017.

criminological aspects) : Author's abstract. dis. Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2006. P. 9–10.

3. Prokhorova M.L. Criminally-legal policy of counteraction to narcotism: a myth or a reality? The Russian Investigator. № 23. M. : Lawyer, 2012. С. 31.

4. Statistics and analytics – Ministry of Internal Affairs of Russia // URL: mvd.ru/Deljatelnost/statistics

5. Crimes and offenses. Stat. Collection of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M. : 2017.

Москаленко Глеб Евгеньевич

адъюнкт кафедры теории
и истории права и государства,
Омская академия МВД России
glmos55@yandex.ru

ПРАВО И СОЛИДАРНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Аннотация. В статье раскрывается социологический подход М.М. Ковалевского к трактовке феномена общественной солидарности, его взгляд на право, как на продукт общественного развития. Отмечается, что по мнению отечественного ученого право и государство находится в тесной взаимосвязи с различными социальными явлениями, а также с историческим процессом того общества, в котором это право и государство возникает и функционирует. Доказывается, что право интерпретируется автором как явление, стоящее вне и над государством, а закон является правомерным лишь в случае его соответствия требованиям общественной солидарности. Общественная солидарность формируется на основе правовых, политических, экономических, социальных и духовных факторов.

Ключевые слова: Общественная солидарность, М.М. Ковалевский, либерализм, социологический подход, право, государство.

Одним из наиболее выдающихся либеральных правоведов, внесших значительный вклад в формирование отечественной политико-правовой мысли, является М.М. Ковалевский. Уже в юности он познакомился с работами Г. Спенсера, О. Конта, Дж. Милля, а в годы пребывания в Московском университете оказался в среде профессоров позитивистов [8, с. 59]. Все это повлияло на становление его научного мировоззрения и предопределило образ мышления.

В своих первых научных работах М.М. Ковалевский высказывался с резкой критикой в адрес формально-догматического подхода к праву, считая его ограниченным и не учитывающим важнейшие явления и факторы, оказывающие влияние на возникновение и развитие права и государства. Мыслитель писал о сторонниках формально-догматического подхода следующее: «Юристы утратили сознание той связи, в какой право стоит с ростом культуры и гражданственности» [6, с. 62]. По мнению современного исследователя В.Н. Жукова: «М.М. Ковалевский ... видел свою задачу в соединении положительных сторон существующих социологических течений, осуществлении взаимосвязи социологии с историей, этнографией, правоведением. Наибольшее

Gleb E. Moskalenko

adjunct chair of Theory and
History of Law and State,
Omsk academy of the MIA of Russia
glmos55@yandex.ru

LAW AND SOLIDARITY IN THE M.M. KOVALEVSKY CONCEPTION

Annotation. The article reveals the sociological approach of M.M. Kovalevsky to the interpretation of social solidarity phenomenon, his view on law as a product of the social development. It is stated that the home grown researcher believe that law and state are in close connection to various social appearances as well as to the historical process of the society, where these law and state arise and function. It is proved that law is interpreted by the author as a phenomenon, which is stated beyond and above the state, and law is lawful only if it is in compliance with the social solidarity requirements. Social solidarity is formed on the basis of legal, political, economic, social and spiritual factors.

Keywords: Social solidarity, M.M. Kovalevsky, liberalism, sociological approach, law, state.

внимание уделялось им теории многофакторности, закономерности прогресса, происхождению социальных институтов [3, с. 29]. Отечественный либерал считал, что право и государство находится в тесной взаимосвязи с различными социальными явлениями, а также с историческим процессом того общества, в котором это право и государство возникает и функционирует. На этот счет справедливо высказывается Т.Е. Грязнова: «Считая научно бесперспективным и методологически ошибочным сведение предмета юриспруденции к изучению догмы права вне контекста социальных отношений, российский ученый находит весьма плодотворную тенденцию, связанную с апелляцией общественных наук к достижениям социологии» [2, с. 254]. Такая позиция позволила шире взглянуть на право и государство, а также разрешить те проблемы, которые оставались нерешенными для представителей формально-догматического подхода.

М.М. Ковалевский, разделяя позицию О. Конта [7], полагал, что юриспруденция должна опираться на социологию, прежде всего по причине того, что последняя является наукой о порядке и прогрессе человеческих обществ [6, с. 3]. Либе-

ральный правовед представлял прогресс как ряд concentрических кругов, выражающих собой все большее и большее расширение человеческой солидарности [5, с. 82]. Мыслитель был убежден, что каждый индивид стремится к расширению объединительных процессов в обществе. В качестве начал, побуждающих людей к объединению и формирующих общие интересы должны выступать правовые, политические, экономические, социальные и духовные факторы.

Идея солидарности лежит в основе теории права М.М. Ковалевского. Развивая социологический подход к праву, мыслитель исследует его во взаимосвязи с социальными условиями и средой функционирования.

Обосновывая свою теорию, отечественный либерал выступает с критикой идеи естественного права, в частности Т. Гоббса, утверждавшего, что только с установлением государства естественные законы становятся действительными законами, так как верховная власть обязывает людей повиноваться им [1, с. 208–209]. Апелляция к «...какому-то метафизическому представлению об абсолютной справедливости и прирожденных человеку правах, слывущих под названием прав естественных ...» [6, с. 83] является заблуждением, – писал мыслитель. В обоснование своей позиции М.М. Ковалевский привел пример исторического возникновения первообраза права – римского *jus gentium* (право перегринов возникшее в Древнем Риме), появление которого было вызвано необходимостью нормировать отношения, возникающие между гражданами Рима и лицами, не имеющими римского гражданства.

Отстаивая позицию, согласно которой инстинкт самосохранения побудил всех живущих организоваться в группы в целях борьбы за свое существование, автор отмечал: «... Если природа обучила чему всех живущих, то отнюдь не праву, а бесправию, состоящему в том, чтобы жертвовать ближним в интересах самосохранения. Если борьба за существование, в конце концов, не воспрепятствовала, а может быть, даже косвенно содействовала образованию права, то только благодаря тому, что инстинкт самосохранения подсказал участникам этой борьбы необходимость организовать в группы для более успешного ее ведения» [6, с. 83]. Таким образом, ученый отвергал позицию естественно-правовой школы, согласно которой право проистекает из природы, считая, что возникновению права содействовал инстинкт самосохранения, благодаря которому люди стали объединяться в целях выживания.

На раннем этапе общественного развития, в первобытных группах солидарность возникает благодаря представлениям людей об их действительном или мнимом родстве, благодаря единому общественному сознанию и имущественному равенству. В дальнейшем солидарность поддерживается благодаря «строгому репрессивному характеру карательных норм, которые рассчитаны на удержание от действий, противных солидарности» [4, с. 6]. Таким образом, уже в первобытном обществе существуют обще-

обязательные нормы, определяющие диапазон свободы действий членов социальных групп, нарушение которых строго каралось сородичами. В качестве основной цели возникновения и функционирования данных норм, М.М. Ковалевский считал поддержание солидарности в социальной группе.

Данные общеобязательные нормы, ставящие своей целью обеспечение общественной солидарности, по мнению российского правоведа, являются нормами права. Так, автор писал: «На почве ... солидарности человеческих групп, предшествующих во времени образованию государства, и возникает право, еще ничем не отличающееся от нравственности и, подобно ей, имеющее религиозную окраску, что при всеобщем господстве анимизма заставляет смотреть на него, как на священный завет предков, тогда как на самом деле те или другие его нормы имеют источником третейское решение, вызвавший подражание приговор стариков-родственников или обособившихся в самостоятельную касту волхвов, кудесников ...» [6, с. 84]. Так как право возникает благодаря распространению общественной солидарности в первобытной группе, оно появляется задолго до государства и на первых порах не связано с ним.

На этапе первобытно-общинного строя наличие общественной солидарности является необходимым условием выживания индивидов, так как человек находящийся вне общества не способен справиться со всеми окружающими его угрозами. Именно по этой причине имеет место репрессивный характер карательных норм права, нацеленный на поддержание солидарности и, как следствие, выживание каждого члена первобытной группы.

Отечественный правовед полагал, что первоначально нормы права имели религиозную окраску и преподносились как Божий дар, хотя на самом деле они были сформулированы наиболее выдающимися членами группы.

В концепции М.М. Ковалевского, прогресс общества осуществляется путем роста общественной солидарности. Он выделяет три стадии развития солидарности – родовую, племенную и народную, в соответствии с которыми история человечества представляет процесс восхождения от кровного единства через патриотизм к высшей фазе развития – космополитизму [2, с. 260]. Право в общем смысле является индикатором прогресса и регулятором тех отношений, которые ставят своей задачей рост солидарности. Расширяющаяся солидарность влечет за собой развитие права. По этому поводу мыслитель писал: «Право не развивается само из себя. Как отражение степени достигнутой обществом солидарности, оно изменяется вместе с расширением ее основ, вызывая, прежде всего, в отдельных выдающихся личностях неудовлетворенность существующими нормами и новые запросы, которые сила подражания обращает сперва в требования общественного мнения, в юридическое сознание масс, а затем в обычай или закон» [6, с. 88]. Мы приходим к выводу о

том, что на рост общественной солидарности, также как и на рост права, оказывает влияние вышеуказанный психологический закон поступательного развития общества, выраженный в открытии, приспособлении и подражании.

Важной особенностью концепции М.М. Ковалевского является то, что право не рассматривается в тесной связи с государством. Напротив, право рассматривается как объект, стоящий вне и над государством. С момента возникновения государства развитие права происходит благодаря развитию общественных отношений. Государство не имеет права создавать нормы ограничивающие солидарность. Закон является правомерным лишь в том случае, если он отвечает требованиям общественной солидарности. В этом плане право независимо ни от произвола государства, ни от произвола конкретных индивидов.

Литература:

1. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского М., 1998.
2. Грязнова Т.Е. Идея демократии в российской либеральной правовой мысли второй половины XIX – первой половины XX вв. Омск, 2010.
3. Жуков В.Н. Социология права в России. М., 2017.
4. Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности. СПб., 1998.
5. Ковалевский М.М. Современные социологи. М., 2013.
6. Ковалевский М.М. Социология СПб., 1910. Т. 1.
7. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
8. Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960.

Таким образом, право по М.М. Ковалевскому, представляет собой систему общеобязательных правил поведения, порождаемых и обеспечиваемых организованной силой общества в целях поддержания и развития человеческой солидарности и достижению общественного прогресса. При этом право должно учитывать интересы всех социальных групп и всего общества в целом; являясь отражением достигнутой в обществе солидарности, оно служит механизмом разрешения социальных противоречий и обеспечения единства всего человечества. Определяя солидарность как осознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга, порождающее единство и являющееся главной движущей силой общества, М.М. Ковалевский выработал уникальную концепцию, которая в отличие от западных солидаристов не сводилась к утилитарно-экономическому подходу.

Literature:

1. *Hobbes T. Frontispiece of Leviathan by Abraham Bosse, with input from Hobbes. Moscow, 1998.*
2. *Gryaznova T.Y. The idea of democracy in Russian liberal legal conception at the second half of the 19th – the first half of the 20th century. Omsk, 2010.*
3. *Zhukov V.N. The sociology of law in Russia. Moscow, 2017.*
4. *Kovalevsky M.M. The relationship of freedom and social solidarity. Saint Petersburg, 1998.*
5. *Kovalevsky M.M. Modern sociologists. Moscow, 2013.*
6. *Kovalevsky M.M. Sociology. Saint Petersburg, 1910.*
7. *Comte A.A. general view of positivism. Saint Petersburg, 1910.*
8. *Safronov B.G. M.M. Kovalevsky as a sociologist. Moscow, 1960.*

Попов Евгений Александрович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Агафонов Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Evgeny A. Popov

Candidate of legal Sciences,
Professor, Department of civil and
international law of the «State Maritime
University named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of legal Sciences,
associate Professor of civil and
international law of the «State Maritime
University named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Alexander V. Agafonov

Candidate of legal Sciences,
associate Professor of civil and
international law of the «State Maritime
University named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ
ПАРТНЕРСТВО КАК ОБЪЕКТ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассмотрено понятие государственно-частного партнерства. Проанализированы мнения ученых, поскольку в настоящее время нет единого подхода в исследованиях, посвященных этому вопросу. Диаметрально противоположные взгляды ученых и практиков возникают в основном из-за того, что отсутствует единство в терминологии и единообразии в толковании основных категорий государственно-частного партнерства [3, с. 56]. Исследована природа государственно-частного партнерства как перспективной административно – правовой формы государственного управления, позволяющей передавать частным хозяйствующим субъектам функции по созданию, развитию, модернизации, содержанию публичного имущества для оказания качественных услуг (работ) населению.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государство, понятие.

Государственно-частное партнерство является перспективной административно – правовой формой государственного управления, позволяющей передавать частным хозяйствующим субъектам функции по созданию, развитию, модернизации, содержанию публичного имущества для оказания качественных услуг (работ) населению.

**PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
AS A SUBJECT OF
LEGAL REGULATION**

Annotation. The article considers the concept of public-private partnerships. Analyzes the views of scholars, because currently there is no single approach in studies on this issue. Diametrically opposed views of scientists and practitioners occur mainly due to the fact that there is no unity in terminology and uniformity in the interpretation of the basic categories of public-private partnerships. The nature of public-private partnerships as a promising administrative – legal forms of public administration that enables transfer of private business entities function in the creation, development, modernization, maintenance of public assets for the provision of quality services (works) to the population.

Keywords: public-private partnership, the state, the concept.

Термин «государственно-частное партнерство» появился в конце XX века и связан с понятием «частной финансовой инициативы», которую объявило правительство Д. Мейджора в Великобритании. Суть проводимых реформ сводилась к тому, что частному сектору передавали полномочия по финансированию объектов социально-культурной и производственной инфра-

структуры, находящихся в государственной собственности.

Стоит отметить, что взаимовыгодное сотрудничество государства и частных лиц с целью решения общественно значимых задач зародилось гораздо раньше указанных реформ, проводимых в Великобритании. Например, А. Смит утверждал, что государство должно поддерживать те частные предприятия и учреждения, где прибыль никогда не сможет покрыть затрат.

Таким образом, ГЧП в мировой практике прошло длительный путь становления и за долгое время своего существования, трансформации и развития в законодательстве многих стран зарекомендовало себя как действенный инструмент публичного управления [2, с. 56].

Получила широкое распространение на практике система концессий, которая сохранилась и по настоящее время, в том числе в законодательстве Российской Федерации. Однако, несмотря на продолжительную историю существования и наличие положительного опыта применения в международной практике ГЧП, в России на федеральном уровне до принятия ФЗ «О ГЧП» отсутствовало законодательство, регулирующее такие отношения, что порождало множество теоретических и практических проблем.

Стоит отметить, что принятие указанного нормативно-правового акта не внесло существенных изменений в понимание и правовое регулирование ГЧП, а, по нашему мнению, породило еще больше вопросов и расширило поле для правовых дискуссий. Как верно отметил А.С. Автономов, «категориальный аппарат составляет основу любой науки. Именно специфичная система категорий служит каркасом любой науки, во многом определяя ее особенности, отличающие ее от других наук. В силу этого разработка проблем категорий не может не занимать весьма важного места в правоведении».

Потому, мы полагаем, что для решения основной теоретической проблемы, которая на протяжении долгого времени вызывала большое количество споров и продолжает создавать неопределенность, необходимо выявить правовую суть и сформулировать терминологическое определение ГЧП, чтобы при решении вопроса о том, какие нормы применять: публичного или частного права, не возникало противоречивых суждений, а был единый подход [2, с. 56]. С данным утверждением можно не согласиться, так как ФЗ «О ГЧП» содержит положение, которое дает определение ГЧП. Вполне правомерно может возникнуть вопрос о том, насколько необходимо давать трактовку правовой категории, которая уже закреплена законодательно. Мы полагаем, что актуальность выявления сущности и содержания ГЧП с принятием указанного нормативного правового акта не уменьшилась, а только возросла, так как данное в нем определение не отвечает: ни научным разработкам, ни практическому осмыслению, ни региональному законодательству Российской Федерации.

Понятие «государственно-частное партнерство» состоит из двух слов: «государственно-частное» и «партнерство». Наибольшее значение в рас-

сматриваемом словосочетании, по нашему мнению, принадлежит «партнерству», выраженному существительным, при этом второе слово в рассматриваемом понятии является относительным прилагательным, указывая на назначение существительного. Существует немало определений понятия «партнерство», например, современный экономический словарь определяет «партнерство» как юридическую форму организации совместной экономической деятельности нескольких физических или юридических лиц, при этом такая деятельность основана на равных правах и обязанностях и направлена на достижение общей цели. Большой юридический словарь определяет термин «партнерство» как определенный вид торговых товариществ, существующих в странах англо-американской правовой системы. При этом к признакам такого партнерства относят объединение не капиталов, а лиц, в которых должны принимать участие члены партнерства, при этом такое объединение основано на договоре, а не на уставе.

Как указывает А.В. Белицкая, термин «партнерство» определяется как «союз между сторонами, представляющими правительство, бизнес, гражданское общество, в котором стратегически объединяются ресурсы и способности каждой из сторон с целью ответа на ключевые вызовы общества как инструмента, способствующего устойчивому развитию, и которое основано на принципах разделения рисков, затрат и общей выгоде» [1, с. 18]. Анализируя приведенные определения «партнерства», можно сделать вывод, что под ним понимают два различных понятия: первое вытекает из законодательства (Федеральный закон № 7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях»), и под партнерством понимается форма организации юридического лица; второе – это разновидность сотрудничества между субъектами права.

Говоря о значении понятия «государственное» в термине «государственно-частное партнерство», будем подразумевать прежде всего государство в лице его органов власти. Под «государственным» в термине ГЧП подразумевается государственная деятельность, осуществляемая органом публичной власти, обладающим правом публичного управления, в целях достижения общественно-значимого результата, имеющего значение для публичного территориального образования. Определившись с понятием «государственное» в термине «государственно-частное партнерство», согласимся с мнением В.А. Кабашкина, который указал, что меньше всего проблем в рассматриваемом понятии вызывает слово «частное», которое обозначает партнера, представляющего свои финансовые ресурсы, а также услуги и товары с целью извлечения прибыли [3, с. 30].

Таким образом, под частным в термине «государственно-частное партнерство» стоит понимать партнера (юридическое лицо или индивидуального предпринимателя), который взаимодействует с публичными органами власти в целях осуществления общественно полезной деятельности (выполнения работ или оказания услуг) для извлечения прибыли.

Обобщая все выводы относительно буквального толкования термина «государственно – частное партнерство» можно сделать вывод, что это деятельность, осуществляемая путем взаимодействия с одной стороны органа публичной власти, наде-

ленного функцией публичного управления, с другой стороны субъекта предпринимательства, направленная на достижение общественно-значимой цели, имеющей существенное значение для публично территориального образования.

Литература:

1. *Белицкая А.В.* Правовое регулирование государственно-частного партнерства : монография. М. : Статут, 2012.
2. *Голубкина К.В.* В приоритетах научная деятельность Морской флот. 2015. № 4. С. 56.
3. *Кабашкин В.А.* Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. М. : ООО «МИЦ», 2010.

Literature:

1. *Belitskaya A.V.* Legal regulation of public-private partnership : monograph. M. : Statut, 2012.
2. *Golubkina K.V.* In the priorities of scientific activity Navy. 2015. № 4. P. 56.
3. *Kabashkin V.A.* Public-private partnership: international experience and Russian prospects. M. : ООО «MIC», 2010.

Прошин Владимир Михайлович

кандидат юридических наук, доцент,
профессор юридического факультета,
Международный славянский институт
advokat.proshin.v.m@gmail.co

Vladimir M. Proshin

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Faculty of Law,
International Slavic Institute
advokat.proshin.v.m@gmail.co

МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

MEASURES TO PREVENT TAX CRIMES

Аннотация. Автор исследует задачу предупреждения совершения налоговых преступлений не как основную в системе криминалистической теории и практики, а как имеющую опосредованный характер от деятельности следователя по поиску и применению эффективных методов, способов и средств на всех этапах его работы по расследованию преступления. Поэтому профилактическую работу правоохранительных органов по предупреждению совершения налоговых преступлений предлагается строить на основе анализа совокупности всех собранных по уголовному делу доказательств и на основе итогов данного анализа инициирование принятия мер нормативного характера и в режиме текущего реагирования по устранению в деятельности налогоплательщиков фактов и обстоятельств, используемых ими в качестве элементов механизма совершения налогового преступления.

Ключевые слова: профилактика налоговых преступлений, предупреждение совершения преступлений, задачи криминалистики, расследование налогового преступления, преступное событие, меры профилактики совершения налоговых преступлений.

Annotation. The author investigates the task of preventing the commission of tax crimes not as the main one in the system of criminalistics theory and practice, but as having an indirect character from the activity of the investigator in the search for and application of effective methods, methods and means at all stages of his work to investigate the crime. Therefore, the preventive work of law enforcement agencies in preventing the commission of tax crimes is proposed to be built on the basis of an analysis of the totality of all evidence collected in the criminal case and, on the basis of the results of this analysis, initiating the adoption of regulatory measures and in the regime of the current response to eliminate the facts and circumstances used by them in the activities of taxpayers as elements of the mechanism of committing a tax crime.

Keywords: prevention of tax crimes, preventing the commission of crimes, the tasks of forensic science, the investigation of a tax crime, a criminal event, measures to prevent the commission of tax crimes.

Отдельные учёные полагают, что деятельность по предупреждению совершения преступлений является самостоятельной функцией криминалистики. Другие учёные не придают предупреждению совершения преступлений статус самостоятельной задачи криминалистики.

Они считают данную деятельность опосредованной целью, которая достигается в процессе решения основных задач криминалистической деятельности по раскрытию преступления.

В этих работах следственные, оперативно-розыскные, тактические и аналитические методы рассматриваются как основа для выявления причин совершения преступлений, необходимая правовая платформа для разработки мер их предупреждения и профилактики.

Так, И.Я. Фридман высказывает предложение о создании самостоятельного «профилактического» раздела в криминалистике [1].

В.П. Колмаков является сторонником разработки частной криминалистической теории, посвящённой предупреждению преступлений [2].

И.И. Иванов, исследуя вопросы криминалистической превенции в контексте данной научной позиции, пишет о частной теории как о системе научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приёмов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений [3].

А.И. Возгрин утверждает, что профилактическая деятельность следователя – необходимый структурный элемент любой частной методики расследования преступлений [4].

Не ставя под сомнение наличие в системе криминалистической теории и практики задач предупреждения преступлений, следует отметить, что решение данной задачи в криминалистике не является основной.

С нашей точки зрения, предупредительно-профилактическая работа следователя осуществляется на всех этапах его работы по расследованию преступления, учитывая, что функ-

ция предупреждения преступлений при работе следователя по конкретному делу не является обособленной, а имеет опосредованный характер от деятельности следователя по поиску и применению эффективных методов, способов и средств раскрытия преступления.

Установление по итогам расследования налоговых преступлений причин и условий их совершения, а также обстоятельств, способствовавших их совершению, предполагает необходимость осуществления мер по предупреждению совершения преступлений в будущем, тем более принятие таких мер является одной из задач уголовного законодательства наряду с задачами охраны (ч.1 ст. 2 УК РФ) [5].

Профилактическая работа правоохранительных органов по предупреждению совершения налоговых преступлений есть анализ совокупности всех собранных по уголовному делу доказательств и на основе итогов данного анализа инициирование принятия мер нормативного характера и в режиме текущего реагирования по устранению в деятельности налогоплательщиков фактов и обстоятельств, используемых ими в качестве элементов механизма совершения налогового преступления, по созданию гражданско-политической и социально-экономической среды, формирующей уровень правосознания и психофизические свойства личности, исключающие необходимость либо возможность совершения мотивационно-волевых действий (бездействия), составляющих объективную сторону состава соответствующего налогового преступления, а также по изучению и нейтрализации процесса соединения факторов криминальной направленности в совокупность, формирующую криминалистические закономерности причинно-следственной поэтапной смены пространственно-временных состояний жизнедеятельности лица, обуславливающие его движение к преступному событию.

Отталкиваясь от научно-теоретического понимания профилактики совершения налоговых преступлений, система конкретных предупредительных мер в этом вопросе, на наш взгляд, могла бы осуществляться в следующих формах и направлениях.

1. Как показал анализ более двух сот материалов уголовных дел по налоговым преступлениям большинство элементов механизма их совершения по форме и содержанию являются одинаковыми, имеющими много совпадающих характеристик, что свидетельствует о типизации стандартов механизма совершения налоговых преступлений.

Данное обстоятельство, при условии эффективного взаимодействия правоохранительных и налоговых органов в деле текущего контроля за выполнением налогоплательщиками их налоговых обязанностей, позволяет нейтрализовать формирование стандартных механизмов совершения налоговых преступлений в деятельности большого количества налогоплательщиков, используя возможность целенаправленного при-ложения внимания и усилий.

2. Необходимо как можно чаще и более эффективно использовать правовые возможности и полномочия, предоставленные органам внутренних дел и следственным органам, которые связаны с возможностью участия вместе с налоговыми органами в проводимых ими выездных налоговых проверках (ст. 36 НК РФ) [6]. Данное участие обогатит представителей правоохранительных органов колоссальным опытом правового анализа деятельности налогоплательщика в режиме текущих гражданско-правовых и налоговых правоотношений, а также, при выявлении криминалистических закономерностей движения налогоплательщика (его представителя) к преступному событию, позволит осуществить меры профилактического реагирования.

3. При выявлении оперативно-розыскным путём либо в результате попадания в руки представителей правоохранительных органов иным способом сведений об обстоятельствах, требующих совершения действий, отнесённых налоговым законодательством к полномочиям налоговых органов, необходимо добиться в установленный законом срок решения налогового органа о квалификации данных сведений и незамедлительно приступить к дальнейшей работе с этими сведениями, если они указывают на возможность совершённого либо готовящегося к совершению налогового преступления.

4. С целью формирования устойчивого понимания неотвратимости ответственности за налоговое преступление необходимо через средства массовой информации результаты расследования налоговых преступлений доводить до сознания каждого налогоплательщика.

5. Необходимо путём научных публикаций, просветительской и разъяснительной работы через средства массовой информации более агрессивно влиять на формирование правосознания налогоплательщика о значении и роли соблюдения публичных и частных интересов в вопросах налогообложения, о социально-экономическом влиянии эффективного функционирования налоговой системы государства на благополучие каждого её гражданина и на положение государства на мировом рынке и в политическом мире-порядке.

6. Отправной точкой в совершении налогового преступления является нарушение законодательства о налогах и сборах. Следовательно, учитывая стадийность движения к расследованию налогового преступления, необходимо уяснить суть нарушенной нормы законодательства о налогах и сборах и каков состав налогового правонарушения совершён по мнению налогового органа. Поэтому анализ и изучение судебной практики по налоговым спорам и толкование Верховным Судом РФ, Конституционным Судом РФ норм налогового законодательства о правовой природе фактов, положенных в основу обязанности налогоплательщика по уплате налогов, будет являться очень важной основой для проведения профилактической работы. Эта работа связана с должным реагированием правоохранительных органов на этапе начала работы иницирующих импульсов движения налого-

плательщика (его представителя) к преступному событию либо на начальной стадии формирования им механизма совершения налогового преступления.

7. На основе обобщения опыта расследования и раскрытия налоговых преступлений иницииро-

Литература:

1. *Фридман И.Я.* Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев : КНИИСЭ, 1968. С. 18, 101–102
2. *Колмаков В.П.* Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 107
3. *Иванов И.И.* Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 206
4. *Возгрин И.А.* Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. С. 314.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. 13.06.1996г. № 63-ФЗ.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. 31.07.1998г. № 146-ФЗ.

вание изменений или дополнений в законодательство о налогах и сборах, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, связанных с устранением обнаруженных в процессе расследования пробелов либо недостатков, препятствующих эффективной борьбе с преступностью в налоговых правоотношениях.

Literature:

1. *Fridman I.Ya.* Questions of crime prevention for forensic examination of documents. Kiev : KNISE, 1968. P. 18, 101–102.
2. *Kolmakov V.P.* Some issues of criminalistics crime prevention // Soviet state and law. 1961. № 12. P. 107.
3. *Ivanov I.I.* Forensic prevention: a comprehensive study of genesis, condition, prospects : the author`s abstract of the dissertation of the doctor of juridical science. M., 2004. P. 206.
4. *Vozgrin I.A.* Introduction to criminology: history, theory, bibliography. P. 314.
5. The criminal code of the Russian Federation. . 13.06.1996. № 63-ФЗ.
6. The Tax Code of the Russian Federation. 31.07.1998. № 146-ФЗ.

Сыротюк Майя Валерьевна

преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Maya V. Syrotyuk

lecturer of the department of theory
and the history of state and law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕБЕНКА В РОССИИ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE CHILD IN RUSSIA

Аннотация. В статье проведен анализ понятия «правовой статус ребёнка», а также его соотношение с общим правовым статусом личности. Рассмотрены особенности применения категории «правовой статус ребёнка» в российской правотворческой и правоприменительной деятельности. По мнению автора, правовой статус ребёнка подлежит законодательному закреплению государством в конституциях и иных нормативных юридических актах (внутригосударственных и международных). Выявляются проблемы, связанные с недостаточной урегулированностью правового статуса ребёнка, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: правовой статус, права, обязанности, регулирование.

Annotation. The article analyzes the concept of the legal status of the child, and the relationship with General legal status of the individual. The peculiarities of application of the category «legal status of the child» in the Russian law-making and enforcement activities. The legal status of the child subject to the legislative consolidation of the state in constitutions and other normative legal acts (national and international). Identifies the problems associated with the lack of uрегулиrovanii legal status of a child, suggest ways of solving them.

Keywords: legal status, rights, duties, regulation.

Понятие «правовой статус» часто употребляется в правовой литературе, когда речь идёт о характеристике состояния того или иного субъекта правоотношений. Права и обязанности – основной исходный элемент права. Следует согласиться с К.В. Голубкиной в том, что ничего более важного в структуре права нет: «Система прав и обязанностей – сердцевина, центр правовой сферы, и здесь лежит ключ к решению основных юридических проблем» [1, с. 303].

Конституция Российской Федерации не использует при закреплении конституционно-правового статуса личности категорию «ребёнок», несмотря на то, что используются различные категории для обозначения субъектов правового статуса. В одном случае употребляется слово «каждый», что предполагает включение иностранцев и лиц без гражданства, а в другом – «граждане Российской Федерации» [2, с. 271], означающий, что конкретные права, свободы и обязанности имеют только граждане Российской Федерации. В целом это даёт основание полагать, что нормы Основного Закона могут и должны быть включены структурным элементом в общий правовой статус ребёнка, но с учётом обозначенных возрастных ограничений и обстоятельств. Так, в положениях Конституции Российской Федерации, предусматривающих право на жилище, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение, не уточнено, что эти права адресованы непосредственно ребёнку, но подразумевается,

что они могут и должны быть реализованы и взрослыми, и детьми. В целом привязка статуса ребёнка к Основному Закону возможна лишь через преамбулу Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», где сказано, что эти права и законные интересы предусмотрены Конституцией Российской Федерации, а государство признаёт детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности. В соответствии со ст. 38 материнство, отцовство и детство, семья находятся под защитой государства, которое создаёт необходимые предпосылки для нормального развития, воспитания и образования детей [3, с. 165].

Обращаясь к характеристике правового статуса ребёнка, мы в первую очередь сталкиваемся с тем обстоятельством, что отношения, в которых он участвует, регулируются нормами различных отраслей российского права. Ребёнок в любом обществе и государстве, и в Российской Федерации в том числе, выступает субъектом права, имеет, безусловно, свой особый правовой статус и нуждается в особом, повышенном внимании со стороны государства и его органов. Как субъект права ребёнок становится участником правоотношений. Объектом отношений с участием детей

выступают интересы ребёнка, вокруг которых формируется поведение субъектов этих отношений. С одной стороны, ими являются родители или лица их заменяющие, в исключительных случаях это могут быть органы государственной власти или местного самоуправления. С другой стороны, в них всегда участвуют органы власти (государственной или муниципальной), а также учреждения (школа, лечебное заведение и т.д.), организации, предприятия. Существует многообразие сфер, в которых участвуют дети. В Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» установлен перечень различных категорий детей, определены их понятия и 13 видов правовых режимов, в которых могут пребывать дети. В их числе: дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети, имеющие недостатки в психическом и (или) физическом развитии; дети – жертвы насилия; дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, проживающие в малоимущих семьях [2, с. 272].

Данный перечень может служить основанием для установления видов правовых статусов ребёнка. Но возглавлять этот список должен общий правовой статус. Правовой статус ребёнка как теоретическую категорию и как правовое явление не следует рассматривать как произведение государства, хотя и умалять роли последнего в обеспечении качества правового статуса также не следует. Правовой статус ребёнка имеет объективную природу своего происхождения, вытекает «из общих ценностей, над которыми не властвует государство». Государство, формируя правовую модель статуса ребёнка, основываясь на научных разработках, должно закладывать в правовые нормы уважение к его правам, соблюдение принципа единства прав и обязанностей, ответственности и законопослушания, неприятие девиантных и преступных явлений, развития здоровых психологических навыков и обеспечивать правовое положение ребёнка комплексом реальных, а не фиктивных гарантий. Таким образом, правовой статус ребёнка может быть определён как концептуально и конкретно-исторически обусловленная система его прав, свобод и обязанностей, устанавливаемых с учётом возрастных ограничений и типа юридической связи с государством и родителями или лицами, их заменяющими, структурированных и формализованных по основным параметрам сферы детства, реализуемых в особом властнорегулируемом режиме, охраняемых и гарантируемых государством. Однако необходимо отметить практически полное отсутствие постановлений Конституционного суда РФ, в соответствии с которыми были бы выявлены несоответствия положений нормативно-правовых актов о правах ребёнка Конституции РФ. Исключением из этого можно считать Постановление Конституционного суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности п. 4 ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой». Указанная статья ГК регулирует отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника данного жилого помещения, находящиеся под опекой или попечительством, а

также оставшиеся без родительского попечения, если при этом затрагиваются их права или охраняемые законом интересы. В соответствии с вышеуказанным постановлением КС РФ, п. 4 ст. 292 ГК РФ был признан неконституционным в части, не позволяющей защищать права несовершеннолетнего, проживающего в жилом помещении, в случае отчуждения этого помещения, если он формально не отнесён к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся без родительского попечения (по данным органа опеки и попечительства), но фактически лишён опеки. В целом же необходимо признать незначительность обращений в Конституционный суд РФ с целью проверки соответствия законодательства о правах ребёнка положениям Конституции РФ [1, с. 305].

Отчасти это может быть связано с незначительностью регулирования Конституцией правового статуса ребёнка как субъекта права. Необходимо указать, что пленум Верховного суда РФ в ряде своих постановлений также обращает внимание на правовой статус ребёнка в России. Специфичность статуса ребёнка, особенно малолетнего, состоит в его физической и социальной беспомощности, в силу которых многие его права, и что особенно важно – основные, не могут быть им реализованы, а ответственность за их обеспечение лежит на других субъектах: родителях, лицах, их заменяющих, государстве и обществе в лице специальных учреждений и органов. В ст. 19 Конституции РФ возраст человека вообще не назван среди самых значимых признаков, исключающих дискриминацию и неравенство в правах и свободах человека (пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии и др.) Несмотря на то что данный перечень предполагает наличие и иных (любых) оснований, запрещающих дискриминацию людей, было бы целесообразным внести в него дополнение, характеризующее обязательный социально-демографический признак – возраст человека [3, с. 164].

В заключение нужно сказать, что проблемы, связанные с закреплением правового статуса ребёнка, весьма актуальны для российского общества. В современном мире показателем демократичности государства служит обеспечение прав человека любого возраста, в том числе ребёнка. Права и свободы ребёнка как особого субъекта правовых отношений представляют собой специфический правовой институт, являющийся конституционной ценностью, устанавливаемой и охраняемой государством. Поэтому совершенствование этого направления деятельности – важная задача Российского государства. Между тем, при решении выявленных проблем в нашей стране существует много препятствий, для преодоления которых мы предлагаем следующие меры:

- законодательное закрепление правового статуса ребёнка в Конституции РФ;
- создание единого нормативно-правового акта, регулирующего права ребёнка, по примеру Закона Республики Беларусь «О правах ребёнка» от 25

октября 2000 г., в котором должны быть отражены права ребёнка по всем основным направлениям;

Литература:

1. Голубкина К.В. Права ребенка как правовая категория: проблемы определения / В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе материалы Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России. 2013. С. 302–306.

2. Голубкина К.В. К вопросу о создании ювенальной юстиции в России (историко-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 270–273.

3. Голубкина К.В. Проблемы определения правовой дефиниции «ребенок» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 6. С. 164–166.

– введение в каждом субъекте РФ института уполномоченного по правам ребёнка.

Literature:

1. Golubkina K.V. Rights of the child as a category of law: problems of definition / In collection: Actual problems of law and law enforcement at the present stage the materials of the International scientific-practical conference. Krasnodar University of MIA of Russia, Novorossiysk branch of Krasnodar University of MIA of Russia. 2013. P. 302–306.

2. Golubkina K.V. To the issue of creation of juvenile justice in Russia (istoriko-legal aspect) // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2013. № 3. P. 270–273.

3. Golubkina K.V. Problems of determining the legal definition of «child» Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2013. № 6. P. 164–166.

Хамидуллина Фарида Ильдаровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Казанский федеральный университет
Тел: 89297228801

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АСПЕКТЕ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. Договорные отношения рассматриваются в статье как одно из возможных проявлений формализации нравственных начал гражданского права. На примере Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» показана корреляция морального и правового сознания, значимая для поддержания единства судебной практики, что, в свою очередь, обеспечивает стабильность гражданского оборота и укрепляет доверие к правосудию.

Ключевые слова: свобода договора, нравственные основания гражданского права, справедливость, формализованность права, формализация нравственных оснований гражданского права, мораль.

Принимая во внимание исходный тезис о том, что нравственные начала гражданского права определяются специфическим осмыслением опыта взаимности, мы можем рассматривать договорные отношения как один из примеров формализации, то есть воплощения соответствующих идей в позитивном цивилистическом регулировании.

Как известно, в условиях развитой рыночной экономики собственность дает власть не только над вещами, но и над людьми. В таком случае свобода собственности выступает преимущественно в виде свободы договора, которую отнюдь не случайно называют «пусковым механизмом» современного динамичного, находящегося в постоянном движении мира [1, с. 161].

В интересующем нас аспекте связей морального и правового сознания договорный тип отношений представляется тем более уникальным, что восходит к архетипическим моделям культуры. Юрий Михайлович Лотман, известный как видный культуролог, основатель тартуской семиотической школы, в одном из своих исследований пришел к выводу, что в эпоху раннего Средневековья участие в договорных отношениях воспринималось как «вручение себя» контрагенту, причем наличие договора автоматически подразумевало возможность обмана, разного рода уловок и дезинформации, о чем свидетельствуют

Farida I. Hamidullina
Candidate of Law Sciences,
associate professor of civil law,
Kazan Federal University
Ph. 89297228801

CONTRACTUAL RELATIONS IN THE ASPECT OF FORMALIZATION OF THE MORAL PRINCIPLES OF CIVIL LAW

Annotation. Contractual relations are considered in the article as one of the possible manifestations of the formalization of the moral principles of civil law. The example of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation «On Freedom of Contract and Its Limits» shows the correlation of moral and legal consciousness that is significant for maintaining the unity of judicial practice, which in turn ensures the stability of civil circulation and strengthens confidence in justice.

Keywords: freedom of contract, moral grounds of civil law, justice, formalization of law, formalization of moral grounds of civil law, morality.

многочисленные сюжеты мировой литературы о сделках с нечистой силой. Каждая из сторон понимала возможность различных толкований договора и стремилась вложить в выражение договорных формул выгодное ей содержание. Вместе с тем существовала вера в договор не только с дьяволом, но и с самим Богом, и в такой ситуации «вручение себя» означало безоговорочную передачу во власть, расчет на покровительство высших праведных сил. Осмысление опыта взаимности в договорных отношениях со временем привело к тому, что идея «вручения себя» трансформировалась в преданность объективным и безусловным ценностям – свободе, общему делу и благу [2, с. 345–355].

По нашему мнению, именно такое осознание в конечном итоге нашло отражение в действующих правовых порядках, включая российский. Так, например, ценность свободы зафиксирована пунктом 2 статьи 1 и статьей 421 ГК РФ: граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Согласно пункту 4 статьи 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или

иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (статья 422 ГК РФ). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Российская судебная практика последовательно исходит из того, что принцип свободы договора является фундаментальным частноправовым принципом, основополагающим началом для организации современного рыночного оборота, его ограничения могут быть допущены лишь в крайних случаях в целях защиты интересов и экономических ожиданий третьих лиц, слабой стороны договора (потребителей), основ правопорядка или нравственности, или интересов общества в целом [3].

Вместе с тем реальная договорная свобода возможна лишь в рыночных условиях, а потому сама идея свободы договора в сознании российских граждан пока не получила достаточного подкрепления субъективным опытом – мешают стереотипы, прочно сложившиеся в советское время планового хозяйствования. Полагаем, именно с этим были связаны неоднократные обращения в Конституционный Суд РФ по поводу уяснения конституционно-правового смысла свободы гражданско-правовых договоров.

Так, в порядке конституционного истолкования соответствующих норм Конституционный Суд РФ указывал, что «свобода гражданско-правовых договоров предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон. Следовательно, регулируемые гражданским законодательством договорные обязательства должны быть основаны на равенстве сторон, автономии их воли и имущественной самостоятельности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункты 1 и 2 статьи 1 ГК Российской Федерации).

В то же время, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что конституционно защищаемая свобода договора не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина; она не является абсолютной и может быть ограничена, однако, как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться на основе Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, части 1 и 3).

Свобода договора имеет и объективные пределы, которые определяются основами конституционного строя и публичного правопорядка. В частности, речь идет о недопустимости распространения договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти» [4].

Итак, свобода договора в качестве одного из основных начал гражданского законодательства проявляется в нескольких возможных формах:

- свобода от принуждения к заключению договора;
- свобода в выборе контрагента по договору;
- свобода выбора форм и процедуры заключения договора;
- свобода в определении вида договора, включая непоименованные и смешанные;
- свобода в определении содержания договора, допускающего любые условия, не противоречащие закону.

Тем не менее, даже при наличии столь подробной законодательной регламентации и конституционного истолкования норм о свободе договора судебная практика пока еще не выработала должного единства правовых позиций по спорам, так или иначе затрагивающим договорную свободу, ее пределы в конкретных правоотношениях. Наиболее важные разъяснения по обозначенным вопросам были даны в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [5]. На наш взгляд, судьба этого постановления наглядно демонстрирует силу влияния коррелирующей морального и правового сознания, их «каузальную работу» в сфере гражданского правопорядка. В данном случае юридическая аргументация основана на содержании правовых категорий, именно «духе закона», который отнюдь не противоречит его «букве», а лишь требует правильного, единообразного истолкования – на что, собственно, и уполномочен Верховный Суд Российской Федерации.

Как известно, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации упразднен Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», однако разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ (часть первая статьи 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»). В настоящее время мы не располагаем какими-либо достоверными сведениями о планах признать обсуждаемые разъяснения

Пленума ВАС РФ утратившими силу, так что речь идет об актуальной судебной практике.

По свидетельству Романа Сергеевича Бевзенко, начальника управления частного права Высшего Арбитражного Суда РФ вплоть до его упразднения в 2014 году, разъяснения по договорной свободе стали настоящим «вызовом текущему правовому мировоззрению»: в момент принятия постановления едва ли не впервые в истории Высшего Арбитражного Суда России 9 судей из 35 проголосовали против. По мнению названного автора, с которым мы полностью согласны, в Постановлении была заложена идеология частного права – можно всё, что не запрещено, а «мы одной ногой в капитализме – по крайней мере на уровне лозунгов, но другой-то ногой мы по-прежнему в социализме, где можно только то, что тебе разрешили», потому-то многие и не верили, что документ будет принят [6].

Ключевое разъяснение названного Постановления касается разграничения диспозитивных и императивных норм права, то есть того основополагающего признака, по которому можно судить о действительной, а не декларируемой степени свободы участника гражданского оборота.

Критерием императивности нормы, определяющей права и обязанности сторон договора, является содержащийся в ней явно выраженный, недвусмысленный запрет на установление соглашения сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. При этом с учетом целей законодательного регулирования содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно. Так, например, если данная норма нацелена на защиту слабой стороны договора, то подразумеваемый такой нормой запрет не распространяется на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем.

Если же норма, регулирующая права и обязанности по договору, не содержит явно выраженного запрета установить иное, то критериями ее императивности, с учетом целей законодательного регулирования, являются необходимость для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.); недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон; а также существование законодательного регулирования данного вида договора, само по себе обуславливающее императивность нормы.

Таким образом, императивность нормы, а равно и пределы ее диспозитивности, определяются исходя из существа нормы и целей законодательного регулирования, направленного на защиту соответствующих особо значимых охраня-

емых законом интересов или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон.

Как представляется, приведенные выше критерии достаточно последовательно, с безупречно выдержанной юридической логикой выражают принцип взаимности, в силу которого свобода договора презюмируется, так как в сфере частного права дозволено все, что не запрещено, и вместе с тем граница договорной свободы нравственными оценочными стандартами, защищающими слабую сторону и не допускающими грубого нарушения баланса интересов сторон.

Но проблема в том, что уровень корреляций морального и правового сознания пока еще недостаточен для того, чтобы внедрить идею свободы договора в современное российское общество. Скользкая привычка несвободы юридических конструкций советского гражданского права – считать дозволенным только всё разрешенное. И пока это мешает всем, от законодателя и судьи до юристов, отстаивающих в судах определенную позицию в споре о праве, потому что формальное, простое применение норм закона, к тому же нередко дефектных в технико-юридическом плане, может повлечь несправедливость, снизить степень взаимного доверия в обществе.

По нашему мнению, в действующих правилах о договорной свободе мы имеем уникальную возможность непосредственно наблюдать процесс движения морального и правового сознания к надлежащей степени динамического равновесия. Прежде чем этот оптимальный уровень корреляции будет достигнут, нам предстоит и острые дискуссии по проблеме свободы договора, и, к сожалению, несправедливые судебные решения. О типичной в таком плане ситуации Роман Сергеевич Бевзенко рассуждает на основе своего опыта, хорошо знакомого каждому практикующему юристу.

В частности, он говорит о том, что «настоящим судьей может быть человек, который хочет искать справедливость и для которого несправедливые решения, просто формально основанные на букве закона, неприемлемы. ... И искусство настоящего судьи – это найти опору, при помощи которой ты можешь выйти на решение ... Для этого в праве есть инструментарий. Те же самые принципы добросовестности. Главное, чтобы было желание и умение этим инструментарием пользоваться» [7].

В целом соглашаясь с этой точкой зрения, мы, тем не менее, хотели бы уточнить, что в гипотетически идеальном правопорядке умение отыскать справедливость относится к профессионально необходимым навыкам, которые необходимо развивать и совершенствовать каждому судье, вне зависимости от того, какую судебную инстанцию он представляет. Еще раз повторим, что формальные ориентиры для поиска справедливости есть, нужна лишь воля судьи к применению норм закона в соответствии с их правовым смыслом.

Литература:

1. *Радбрух Г.* Философия права. Перевод с немецкого. М. : Междунар. отношения, 2004. 238 с.
2. *Лотман Ю.М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн : Александра, 1993.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.11.2013 № 9738/13 по делу N A57-1954/2011.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева». Пункт 2.2. // СПС «Консультант».
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «Консультант».
6. «Постановление о свободе договора – это вызов тому существованию, к которому мы привыкли.» Интервью Р.С. Бевзенко журналу «Закон» // СПС «Консультант»
7. Интервью Романа Бевзенко 21 июля 2016 года. Летняя дискуссионная школа. [Электронный ресурс] URL: <http://summer.gaidarfund.ru/articles/2673/tab1> (дата обращения: 29.05.2017).

Literature:

1. *Radbrukh G.* Legal philosophy. Translation from German. M. : Mezhdunar. relations, 2004. 238 with.
2. *Lotman Yu.M.* «Contract» and «delivery of2 as archetypic models of culture // Lotman Yu.M. Chosen articles: In 3 t. T. 3. Tallinn : Aleksandra, 1993.
3. The resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 11/5/2013 № 9738/13 in the matter of N A57-1954/2011.
4. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from 1/23/2007 № 1-P «On the case of check of constitutionality of provisions of paragraph 1 of article 779 and paragraph 1 of article 781 of the Civil code of the Russian Federation in connection with complaints of Agency of Corporate Safety limited liability company and the citizen V.V. Makeev». Point 2.2. // Union of Right Forces «Consultant».
5. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation from 3/14/2014 № 16 «About freedom of the contract and her limits» // Union of Right Forces «Consultant».
6. «The resolution on freedom of the contract is a call to that existence to which we have got used». R.S. Bevzenko's interview to the Zakon magazine // Union of Right Forces «Consultant».
7. Roman Bevzenko's interview on July 21, 2016. Summer debatable school. [Electronic resource] URL: <http://summer.gaidarfund.ru/articles/2673/tab1> (date of the address: 5/29/2017).

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
abrsyuzanna@yandex.ru

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of Philology,
Assistant Professor of Civil
and international law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

Natalya A. Shtyrkhunova

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Theory
and the history of state and law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
abrsyuzanna@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. Важная роль в обеспечении правопорядка на железных дорогах, в гражданской авиации и на водных коммуникациях страны отводится органам внутренних дел на транспорте, представляющим собой централизованную и в определенной мере обособленную управляющую подсистему системы субъектов государственного управления. В статье проводится анализ правового положения органов внутренних дел на транспорте.

Ключевые слова: транспорт, органы внутренних дел, органы внутренних дел на транспорте, правовое регулирование.

Органы внутренних дел Российской Федерации на транспорте (далее, ОВДТ) являются неотъемлемой частью системы ОВД и занимают в ней одно из центральных мест, являясь самостоятельной структурной подсистемой МВД России. В целом, под правовым регулированием деятельности органов внутренних дел понимается устойчиво целенаправленное юридическое воздействие на общественные отношения, являющееся формой актуализации правоохранительной деятельности органов внутренних дел и осуществляемое с целью обеспечения законности в тех проявлениях общественной жизни, которые составляют сферу приложения их правоохранительных возможностей. ОВДТ в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, уставами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, изданными в пределах их полномочий.

LEGAL STATUS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES ON TRANSPORT

Annotation. An important role in ensuring law and order on the Railways, civil aviation and water communications of the country given the bodies of internal Affairs on transport, which is a centralized and to a certain extent, separate management subsystem of the system of entities of public administration. The article provides the analysis of the legal status of the bodies of internal Affairs on transport.

Keywords: transport, internal Affairs bodies, bodies of internal Affairs on transport, legal regulation.

Особенность деятельности ОВДТ состоит в том, что она регулируется разнообразными правовыми нормами, которые относятся к различным отраслям права – административного, уголовного, уголовно-процессуального и др. Однако, на ОВДТ распространяется лишь часть правовых норм указанных отраслей права, причем только тех, которые регулируют сферу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Анализ ситуации, отражающей состояние правового регулирования деятельности ОВДТ, позволяет оценить эффективность действующего законодательства в указанной сфере. К основным факторам, характеризующим состояние правового регулирования деятельности ОВДТ, следует отнести: наличие необходимых нормативных правовых актов, четкость формулировок правовых норм, их коллизионность, эффективность влияния правовых норм на осуществление деятельности ОВДТ на транспорте.

Следует отметить, что ситуация, характеризующая состояние правового регулирования деятельности ОВДТ, находится в динамичном развитии. Тем не менее, в правовом регулировании деятельности исследуемых органов, несомненно, существуют пробелы и коллизии. Совсем небольшая группа НПА регулирует непосредственно деятельность органов внутренних дел на транспорте. К тому же эти регулятивные нормы рассредоточены по различным отраслям законодательства.

До настоящего времени не разработано и не принято Положение об органах внутренних дел на транспорте, которым просто необходим собственный учредительный документ достаточно высокого уровня, в котором были бы синтезированы все статутные нормы, устанавливающие правовое положение и компетенцию этих правоохранительных органов. Им могло бы стать Положение об органах внутренних дел на транспорте, утвержденное указом Президента Российской Федерации. Указанные обстоятельства лишают нормативную основу механизма правового регулирования деятельности ОВДТ необходимой упорядоченности и единства. Считаем необходимым, подробнее остановиться на анализе некоторых нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих деятельность ОВДТ. В Конституции Российской Федерации не содержится упоминания об ОВДТ, следовательно, говорить об их конституционно-правовом статусе не приходится.

Конституционное законодательство не дает более точного определения положения ОВДТ. Рассматривая Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, необходимо отметить, что термин «органы внутренних дел на транспорте» в указанном законе также не используется. Следовательно, в своей деятельности сотрудники ОВДТ вынуждены руководствоваться нормативными правовыми актами различного уровня и направленности. Важное значение для результативности деятельности транспортной полиции имеют установленные Законом гарантии. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 46 ФЗ «О полиции» «сотрудник полиции при выполнении служебных обязанностей по обеспечению безопасности граждан и охране общественного порядка на железнодорожном, водном или воздушном транспорте имеет право проезда в поездах, на речных, морских и воздушных судах в пределах обслуживаемого им объекта (участка) без приобретения проездных документов только при выполнении указанных обязанностей». Несмотря на установленные требования Закона, ни в нем самом, ни в других нормативных правовых актах содержание понятия «служебные обязанности по обеспечению безопасности граждан и охране общественного порядка» не раскрывается. Поэтому в зависимости от ситуации это влечет его произвольное (ограничительное или распространительное) толкование. Нельзя обойти вниманием отдельные противоречия и пробелы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, имеющих значение для четкого определения компетенции ОВДТ в области административной юрисдикции.

Так, непонятно то, что в главе 11 «Административные правонарушения на транспорте» параллельно действуют две статьи – ст. 11.3.1 «Нарушение требований авиационной безопасности» и ст. 11.15.1 «Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности», предусматривающие ответственность за одинаковые правонарушения. Речь идет о том, что среди требований, за нарушение которых наступает административная ответственность по ст. 11.15.1, есть и требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2011 г. № 40. Однако право рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 11.15.1, предоставлено только органам, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере транспорта. Таким образом, подразделения транспортной полиции фактически не могут влиять на соблюдение предприятиями транспорта требований транспортной безопасности, в том числе порядка обеспечения антитеррористической защищенности объектов, находящихся в оперативном обслуживании органов внутренних дел. Продвигаясь далее в исследовании, следует отметить, что обнаруживаются существенные пробелы и коллизии в административно-правовом регулировании участия полиции в проведении оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Так, в соответствии с требованиями статей 5, 9 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» порядок проведения указанной оценки устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Этот порядок был установлен приказом Минтранса России от 12 апреля 2010 г. № 87 «О порядке проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» и согласован с МВД России. Однако этим все и ограничилось. Динамика развития отношений в транспортном комплексе в целом и в правоохранительной деятельности в частности обусловила появление новых, не урегулированных нормативными правовыми актами, форм, методов, направлений и аспектов взаимодействия. В частности, за пределами ведомственного правового регулирования все еще остаются многие вопросы организации взаимодействия между территориальными и транспортными органами внутренних дел по профилактике правонарушений, а также иными субъектами, обеспечивающими транспортную безопасность – органами прокуратуры, суда, юстиции. Обязанность по обеспечению сохранности грузов на объектах железнодорожного

транспорта на транспортную полицию ни одним нормативным правовым актом непосредственно не возложена, однако, реализация большинства функций ОВДТ связана с осуществлением ими оперативно-служебной деятельности. Борьба с преступлениями и иными правонарушениями в сфере функционирования объектов железнодорожной инфраструктуры, а также оперативно-профилактическая работа по борьбе с хищениями перевозимых грузов и другими правонарушениями напрямую связаны с выявлением, пресечением, раскрытием и профилактикой противоправных деяний, связанных с хищением либо уничтожением имущества собственников, находящегося на территориях оперативного обслуживания ОВДТ. Проведя анализ нормативной правовой базы, регулирующей деятельность ОВДТ, можно сделать вывод о том, что она яв-

Литература:

1. *Голубкина К.В.* Система управления объектами транспортной инфраструктуры в муниципальном образовании: проблемы правового регулирования / В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Сосова. 2017. С. 325–330.

ляется далеко не совершенной. Органы внутренних дел на транспорте как обособленная институированная подсистема обладает весьма усеченным правовым статусом, элементы которого рассредоточены по нормативным правовым актам разного уровня и направленности. Устранение юридических коллизий и пробелов – одно из направлений повышения эффективности правового регулирования деятельности органов внутренних дел на транспорте. Совершенствование правового регулирования деятельности органов внутренних дел на транспорте должно происходить на основе мониторинга и комплексной проверки нормативной правовой основы деятельности ОВДТ, что позволит более эффективно решать задачи охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах транспорта.

Literature:

1. *Golubkina K.V.* System of transport infrastructure in a municipal unit: problems of legal regulation / In collection: Actual problems of law and enforcement proceedings of the International scientific-practical conference. Under the General editorship of V.A. Saso. 2017. P. 325-330.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Гарская Елена Сергеевна

кандидат экономических наук,
кафедра социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Великолукская государственная
сельскохозяйственная академия
egarskaya@mail.ru

Elena S. Garskaya

Candidate of Economic Sciences,
department of social and
humanitarian and natural-science disciplines,
Velikiye Luki state agricultural academy
egarskaya@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ В АСПЕКТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

**SOCIO-ECONOMICA
PROBLEMS OF RURAL AREAS
AS VIEWED FROM
THE DEMOGRAPHICS OF
PSKOV OBLAST**

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию проблемы социально-экономического положения сельского населения Псковской области. В ходе исследования выявлены низкие показатели уровня жизни населения, а также неблагоприятная демографическая ситуация. Проблемы сельских территорий очевидны. Возникает опасность сохранения территориальной целостности России, по причине постоянного уменьшения числа жителей села. Одной из основных причин создавшегося положения является кризис базовой отрасли сельской экономики – сельского хозяйства. Путем рассуждений и результатов исследования определен комплекс действий и мер, направленных на повышение уровня жизни сельского населения Псковской области.

Annotation. The article explicates a multi-sided research of the Pskov oblast rural population socio-economic situation nowadays. The research has revealed low indicators of the level of living as well as a poor demographic situation. The rural territory issues are evident and they pose a problem of Russia's losing its territorial integrity owing to a decreasing numbers of rural population. One of the main reasons in this respect is the crisis of agriculture, the main source of the rural economy. Basing on the results of the research and deducing from them, a set of measures and actions to increase the Pskov oblast rural population level is offered.

Ключевые слова: демография, демографическая ситуация, статистика, уровень жизни, бедность, смертность, сельское хозяйство.

Keywords: demography, demographic situation, statistics, level of living, poverty, mortality, agriculture.

Рыночные реформы в России привели к неблагоприятию в социальной сфере. Если судить по полученным результатам, то особенно сложная социальная ситуация сложилась в сельской местности, которая в большинстве своем относится к центральной отрасли АПК. Поэтому в настоящее время со стороны государства необходимо усилить социальную направленность рыночной среды не только в сельском хозяйстве, но и во всём АПК.

Результат исследования данной проблемы должен обеспечить возможность всестороннего анализа процессов в социально-трудовой сфере села с учетом местных условий. Обусловлено это тем, что в последние годы резко сократилась государственная отчетность по социально-трудовым проблемам села. Такое положение не позволяет комплексно и достоверно анализировать процессы, протекающие в социально-трудовой сфере села, отслеживать различия в условиях труда и жизни в деревне.

После более чем пятнадцатилетнего реформирования экономики страны, включая её АПК, уровень бедности сельских жителей стал существенно выше, чем в городе: 75 % сельян имеют среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума, а у 61 % сельских семей и среднедушевые располагаемые ресурсы ниже черты бедности. У горожан эти показатели лучше соответственно на 16 и 17 процентных пунктов. В условиях нищеты на селе проживает 22 % жителей, то есть каждая пятая семья, в городе – каждая десятая.

Псковская область характеризуется сложным комплексом демографических проблем, которые требуют незамедлительного решения. Не решая эти частные проблемы, нельзя говорить об улучшении демографической ситуации в целом. К примеру, в последние два десятилетия Псковская область является лидером в России сразу по двум демографическим показателям: смертности и естественной убыли населения. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 г. смертность населения в Псковской обла-

сти составляла 19,3 чел. / 1000 жителей, а естественная убыль – 8,7 чел / 1000 жит. С начала 2014 г. по начало 2016 г. численность населения Псковской области уменьшилась с 688,6 тыс. чел. до 666,5 тыс. чел., т.е. на 22,1 тыс. чел. (в среднем по 11 тыс. чел. в год) [1, с. 45].

Одной из главных причин повышенной смертности является высокая доля людей пенсионного возраста. По этому показателю Псковская область также является одним из лидеров в стране. Высокая доля пожилых людей, в свою очередь, связана со значительным миграционным оттоком населения (особенно молодёжи) из Псковской области на протяжении нескольких последних десятилетий. Причём, в 2014–2016 гг. вновь произошёл заметный рост миграционного оттока из региона. Если ещё в 2004 г. миграционное сальдо в Псковской области было положительным, хотя и близким к нулю, то с 2005 г. стало отрицательным: в 2009 г. убыль населения за счёт миграции составила уже 498 чел., в 2014 г. – 2124 чел., а в 2011 г. – 1305 чел. То есть, в последнее время к ежегодной естественной убыли в 7–9 тыс.чел. добавилась ещё и миграционная убыль в 1–2 тыс. чел.

На территории Псковской области насчитывается 8393 сельских населенных пункта. Из них 12,8 % – это населенные пункты без постоянного населения, 44,8 % – деревни с населением до 10 чел. Следовательно, более 57 % сельских населенных пунктов относятся к малоперспективным; в 32,6 % деревень проживает 11–50 чел. И только 845 или 10,1 % сельских населенных пунктов можно отнести к перспективным, из них в 353 проживает от 51 до 100 чел., 498 – с населением более 100 человек [2, с. 11].

Лидерами по количеству сельских населенных пунктов являются Псковский, Порховский и Опочецкий районы. В них расположено более 500 поселений. Меньше всего поселений находится в Усвятском, Дновском, Плюсском и Стругокрасненском районах (до 172 населенных мест).

Однако если рассматривать показатель, характеризующий густоту сельских поселений, картина будет несколько иной. Самым высоким уровнем данного показателя характеризуются Пушкиногорский, Печорский и Палкинский районы (33,1, 32,3 и 31,3 с.н.п. / 100 км²). Минимальная густота сельских населенных мест – в Стругокрасненском (5,4 с.н.п./100 км²) и Плюсском районах (6,1 с.н.п. / 100 км²). По области густота сельских населенных пунктов составляет 15,8 с.н.п. / 100 км². Это меньше, чем в 2012 г., тогда этот показатель составлял 16,1 с.н.п. / 100 км².

Таким образом, можно выделить основную тенденцию – происходит старение населения региона. При этом данная тенденция наиболее ярко прослеживается в сельской местности. Сохраняется превышение доли женщин над долей мужчин. Нет ни одного района, характеризующегося обратными явлениями. Социально-демографическая ситуация в районах Псковской области обусловлена демографическими и социально-экономическими причинами. Демографическая

обстановка определяется естественным и механическим движением населения. К ним относятся: 1) увеличение смертности; 2) сохранение рождаемости на довольно низком уровне; 3) отрицательный естественный прирост населения; 4) уменьшение миграционного обмена; 5) незначительное сокращение числа выезжающих из Псковской области; 6) миграционная убыль населения [5].

В результате, за счет роста естественной убыли населения и сокращения миграционного прироста, происходит сокращение численности населения Псковской области. Эти процессы влекут за собой изменение возрастно-половой структуры населения региона и оказывают влияние на количество и людность населенных пунктов региона [4].

К социально-экономическим причинам относятся уровень развития экономики региона, жизненный уровень и условия жизни населения, качество медицинского обслуживания населения, наличие социальных, образовательных и культурных учреждений и т.д.

Безусловно, для изменения сложившегося положения, усиления социальной направленности рыночной среды всей экономики и её АПК, прежде всего, следует иметь в виду причины её снижения и на этом основании принимать необходимые меры.

В основе разработки и реализации стратегии усиления социальной направленности рыночной среды АПК должны быть:

- положение о том, что АПК и прежде всего его сельское хозяйство являются национальным приоритетом, стратегическим преимуществом России, в том числе Псковской области;
- соблюдение многоотраслевого интегрированного подхода в целях диверсификации агропромышленной, особенно сельской, экономики, сохранение многофункциональности сельского хозяйства;
- сочетание централизованных и местных ресурсов (природных, финансовых, материально-технических, человеческих, социальных и др.);
- формирование специальных институтов реализации агропромышленных, в том числе сельских, программ;
- принятие специальных социальных стандартов для сельского населения.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие первоочередные задачи агропромышленной политики, направленные на усиление социальной ориентации рыночной среды АПК: совершенствование бюджетного процесса в области поддержки сельского хозяйства Псковской области; реформирование организации сельскохозяйственных товаропроизводителей области; развитие новых сельских институтов и инфраструктуры.

Можно предложить основные мероприятия по повышению уровня жизни сельского населения, например:

1. Решение проблем, препятствующие развитию человеческого потенциала и достижению высокого качества жизни: повышение рождаемости путем различных мероприятий по поддержке молодых и многодетных семей на селе; препятствие миграционному оттоку населения в города; снижение смертности и повышение продолжительности жизни путем улучшения качества жизни населения, а также качества и доступности медицинских услуг; повышение заработной платы в большинстве секторов экономики села [3]; повышение эффективности работы учреждений образования; снижение затратности и разбалансированности медицинского обслуживания в сельских районах; достижение равенства доступности медицинских услуг по их видам и категориям населения; улучшение материально-технической базы учреждений культуры и спорта; вовлечение жителей в занятия спортом и культурную жизнь городов и сельских поселений.

2. Решение проблем, препятствующих экономическому росту: выработка четких приоритетов в политике сельских поселений; улучшение использования механизмов государственно-частного партнерства; устранение недоиспользования возможностей по привлечению внешних

инвестиций, недостаточности бюджетных инвестиций.

3. Решение проблем, негативно влияющих на социально-экономическую, научно-техническую, продовольственную и экологическую безопасность региона: улучшение экологической обстановки; рационализация промышленной, жилищной, транспортной инфраструктуры; устранение зависимости городского потребительского рынка от иностранных товаров.

4. Решение проблем, препятствующих созданию системы управления сельских поселений, отвечающих хозяйственным потребностям и ориентированных на нужды населения: повышение ориентированности на результат в деятельности исполнительных органов муниципальной власти и бюджетных учреждений; использование нереализованных возможностей в развитии институтов гражданского общества.

В заключение отметим, что усиление социальной направленности рыночной среды позволит значительно повысить объективную основу функционирования АПК, расширить проявление закономерностей развития его отраслей и прежде всего сельского хозяйства области, а сознательный учет и использование в практике агропромышленного производства – их эффективность, уровень и качество жизни населения.

Литература:

1. Демографические показатели Псковской области. Статистический сборник. Псковоблкомстат, 2014–2016.

2. *Евдокимов С.И.* Конкурентоспособность Псковской области и соседних регионов Северо-Запада России // Псковский регионологический журнал. № 9. Псков : ПГПУ, 2013. С. 3–12.

3. Концепция стратегии социально-экономического развития Псковской области (краткая версия). СПб. : ЦСР «Северо-Запад», 2009. 21 с.

4. Предположительная численность населения Псковской области до 2030 года (Статистический бюллетень). Росстат. Псков. 2009.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. URL: <http://pskovstat.gks.ru/digital/region1/default.aspx>

6. Федеральная служба государственной статистики. Естественное движение населения Российской Федерации. 2014 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_106/Main.htm

Literature:

1. Demographic indicators of the Pskov region. Statistical collection. Pskovoblkomstat, 2014–2016.

2. *Evdokimov S.I.* Competitiveness of the Pskov region and neighboring regions of the Northwest of Russia // Pskov regionologicheskyy magazine. № 9. Pskov : PGPU, 2013. P. 3–12.

3. Concept of strategy of social and economic development of the Pskov region (short version). SPb. : TsSR «Northwest», 2009. 21 p.

4. Presumable population of the Pskov region till 2030 (The statistical bulletin). Rosstat. Pskov. 2009.

5. Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Pskov region. URL: <http://pskovstat.gks.ru/digital/region1/default.aspx>

6. Federal State Statistics Service. Natural movement of the population of the Russian Federation. 2014 of URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_106/Main.htm

Грузина Юлия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
ymgruzina@fa.ru

Масино Мстислав Николаевич

кандидат экономических наук, доцент,
банковский эксперт
mstislavm@gmail.com

**АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ
СТРАТЕГИЙ РЕАГИРОВАНИЯ
НА РИСКИ КЛЮЧЕВЫХ
СТЕЙКХОЛДЕРОВ ПЛАТЁЖНЫХ
СИСТЕМ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ**

Аннотация. Важным аспектом перевода денежных средств через платежные системы (далее – ПС) являются риски, которым подвергаются участники ПС, а также их клиенты и другие заинтересованные лица. Во многих ПС, зарегистрированных в Российской Федерации, организована система управления рисками и ведется деятельность по управлению рисками в ПС, однако данная деятельность в основном носит фрагментарный характер и направлена на обеспечение соответствия требованиям Федерального закона «О национальной платежной системе».

В статье представлены результаты проведенных исследований, полученных в рамках научно-исследовательской работы, выполненной за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2017 года по теме: «Анализ рисков системно значимых платёжных систем».

Проведенные исследования позволили сформулировать предложения, учитывающие требования, предъявляемые к операторам ПС и операторам услуг платёжной инфраструктуры в части организации комплексной системы управления рисками, а также организации процесса управления рисками в соответствии с лучшей международной практикой. Так в работе приведена классификация рисков в ПС, соответствующая международному стандарту для инфраструктур финансового рынка, разработанному Комитетом по платежам и рыночным инфраструктурам при Банке международных расчетов и Техническим комитетом Международной организации комиссий по ценным бумагам «Принципы для инфраструктур финансового рынка», определены источники типичных для ПС рисков.

Кроме того, в работе проведен анализ применимости для ПС методов оценки рисков, представ-

Yulia M. Gruzina

candidate of economic sciences,
associate professor,
Financial University at
Government of the Russian Federation
Ymgruzina@fa.ru

Mstislav N. Masino

candidate of economic sciences,
associate professor, bank expert
mstislavm@gmail.com

**ANALYSIS OF POSSIBLE
STRATEGY OF RESPONSE TO
RISKS OF KEY STAKEHOLDERS OF
PAYMENT SERVICE PROVIDERS OF
VARIOUS LEVEL**

Annotation. Important aspect of money transfer through payment service providers (further – PS) are risks to which participants of PS and also their clients and other interested persons are exposed. In many PS registered in the Russian Federation risk management system is organized and activities for risk management in PS are conducted, however these activities generally have fragmentary character and are aimed at providing compliance to requirements of the Federal law «About National Payment Systems».

In article results of the conducted researches received within the research work performed at the expense of budgetary funds on the State task of the Financial university of 2017 on a subject are provided: «Risk analysis of systemically significant payment service providers».

The conducted researches allowed to formulate the offers considering requirements imposed to operators of PS and operators of services of payment infrastructure regarding the organization of complex risk management system and also the organization of risk management process according to the best international practice. So the classification of risks in PS conforming to the international standard for infrastructures of the financial market developed by Committee on payments and market infrastructures in case of Bank for International Settlements and Technical committee of «The Principles for Infrastructures of the Financial Market» International Organization of Securities Commissions is given in work sources of risks, typical for PS, are determined.

Besides, in work the analysis of applicability for PS of evaluation methods of the risks provided in the national standard of the Russian Federation «Management of risk is carried out. Risk evaluation methods» and also the list recommended for ap-

ленных в национальном стандарте Российской Федерации «Менеджмент риска. Методы оценки риска», а также сформирован перечень рекомендованных к применению в ПС методов вне зависимости от их архитектуры (порядка осуществления клиринга и расчета).

Ключевые слова: платёжная система, финансовые технологии, управление рисками в платёжной системе, риск-менеджмент.

Платёжная система подвержена различным рискам, как рискам, связанным с ее концептуальным устройством (архитектурой), так и общим (неспецифическим) рискам, например, операционным рискам, обусловленным особенностями ее технической, технологической реализации, наличием угроз в сфере информационной безопасности и т.п.

Состав и относительная величина отдельных рисков присущих конкретной платёжной системе (т.н. «профиль рисков») определяется индивидуальными особенностями реализации ее механизма, а также особенностями внутренних и внешних условий ее функционирования [1].

Для платёжных систем в силу специфики их деятельности всегда было проблематично выявить и проанализировать основные риски, присущие только этому виду деятельности. Однако Центральным Банком Российской Федерации (далее ЦБ РФ) было выпущено письмо от 4 апреля 2014 года № 55-Т «О типичных рисках в платёжных системах как рисках нарушения бесперебойности функционирования платёжных систем» [2]. В данном документе приведен перечень рисков, являющихся типовыми именно для платёжных систем. Среди наиболее значимых и существенных значатся следующие риски:

- правовой;
- операционный;
- ликвидности;
- кредитный.

Исходя из общемировой практики, можно говорить, что данный список не является полным и исчерпывающим. В него необходимо добавить общий коммерческий риск, характерный для платёжных систем, как для любых коммерческих предприятий.

Важно отметить, что на платёжные системы общий коммерческий риск воздействует на двух уровнях:

- первый уровень: финансовая устойчивость всей системы или отдельных ее элементов находится под угрозой;
- второй уровень: необходимо оценить, как финансовая неустойчивость оператора или иного субъекта системы влияет на ее функционирование на должном уровне [3].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что общий коммерческий риск вобрал в

PLICATION IN PS OF METHODS REGARDLESS OF THEIR ARCHITECTURE (A PROCEDURE OF CLEARING AND CALCULATION) IS CREATED.

Keywords: payment systems, financial technologies, risk management in payment systems, a risk management.

себя все риски, возможные в ситуации, если финансовая устойчивость оператора или иного субъекта системы находится под угрозой [4].

Выявить особенности и нюансы каждого из наиболее очевидных и значимых рисков можно, если уделить внимание рассмотрению профилей рисков. Далее рассмотрим не только источники возникновения разнообразных рисков, но и меры, необходимые для минимизации негативного воздействия от конкретного риска [5].

Риски правового характера:

- законодательные нормы и акты противоречат друг другу в вопросах, связанных с обеспечением работоспособности платёжных систем. Источником возникновения риска являются законы, подзаконные акты, иные правовые документы.

Способ управления: отслеживание всех правовых и законодательных актов. При наличии сомнений в правомерности того или иного документа, необходимо запрашивать разъяснения в ЦБ РФ.

- наличие видов деятельности, не запрещенных законодательно, но по которым нет ни законов, ни подзаконных актов, регламентирующих деятельность или исполнение.

Способ управления: оператор платёжной системы в своих локальных нормативных актах максимально подробно прописывает все спорные моменты. Если определенный участок работы никак не регламентирован на законодательном уровне, необходимо запросить более подробную информацию в компетентных органах.

- деятельность оператора регламентируется документами, противоречащими действующим законам и подзаконным актам.

Способ управления: при внесении изменений в законодательство страны необходимо корректировать локальные нормативные акты, регламентирующие деятельность оператора и иных субъектов платёжной системы. К работе необходимо привлекать юристов-экспертов.

- действующие законодательные акты, правила работы платёжной системы, взаимодействия между отдельными элементами системы, не дают полной и исчерпывающей информации о том, как должна работать система, какие обязанности возлагаются на оператора, иные субъекты платёжной системы, клиентов, пользующихся услугами системы.

Способ управления: во избежание недоразумений, судебных разбирательств оператор платежной системы должен в локальных нормативных актах прописать все аспекты деятельности платежной системы.

Риски кредитного характера:

– система предоставляет клиентам кредиты в пределах одного дня и овернайтс (ВДК/ОВН) [6; 7].

Способ управления: для каждого клиента, использующего кредиты системы, должны быть установлены определенные лимиты. Размер лимита равен стоимости предоставленного обеспечения. Если предоставляется дисконт, его размер учитывается при расчете лимита. Для клиентов, запрашивающих внутрисдневные кредиты, анализируется кредитоспособность, текущее финансовое положение.

– процедуры проведения платежей и расчетов в соответствии с построенной изначально архитектурой.

Способ управления: если платежная система предоставляет услуги по проведению отложенных платежей, необходимо установить лимиты на дебетовые обороты. В платежной системе целесообразно организовать и использовать гарантийный фонд.

Риск снижения ликвидности:

– если платежи проводятся по очереди, формируемой в пределах дня, возникновение заторов - скопления платежей.

Способ управления: если работа платежной системы предусматривает формирование очереди в пределах дня или иного интервала, необходимо предусмотреть инструменты управления элементами очереди. В частности, оператор должен иметь возможность удалять подозрительные платежи, не соответствующие определенным критериям.

– участник системы не имеет достаточной суммы средств для проведения всех запланированных платежей.

Способ управления: для каждого клиента необходимо учитывать объем совершаемых операций, контролировать наличие на остатке необходимой суммы денег. Данные требования можно прописать в локальных нормативных актах оператора платежной системы. Если участнику системы не хватает денежных средств для осуществления всех необходимых платежей, возможно предоставление внутрисдневного кредита.

Общekomмерческий риск:

– платежная система в своей работе отклоняется от первоначальной стратегии построения и развития;

– клиенты выводят денежные средства на счета, открытые в других расчетных центрах;

– у оператора платежной системы или иных участников выросли операционные платежи без явных предпосылок [7].

Единый способ управления: нормальная работа оператора платежной системы и иных субъектов возможна при условии, что ликвидных активов достаточно для финансирования деятельности в течение 6-ти и более месяцев.

Операционный риск:

В связи с тем, что операционный риск может быть вызван значительным количеством событий, и из-за большой зависимости от первоначальной архитектуры платежной системы, в Приложении В собраны обобщенные данные и наиболее часто используемые меры по нивелированию последствий.

– сбои в программном обеспечении, поломки серверных станций, а также землетрясения, наводнения, иные природные катаклизмы.

Способ управления: проверка надежности работы системы. Проверка возможности подключения дополнительного оборудования или клиентов. Подключение резервных серверных станций для хранения копий данных. Тестирование системы для выявления потенциально слабых мест.

– злонамеренные действия персонала или третьих лиц.

Способ управления: разработка мероприятий и мер, направленных на предотвращение доступа к системе лицам, не имеющим соответствующих полномочий. Проверка технического состояния оборудования.

– ошибки персонала или клиентов.

Способ управления: разработка инструкций для сотрудников по работе в условиях кризиса.

Если в процессе работы платежной системы оператор выявляет дополнительные риски и определяет источники их возникновения, представляется целесообразным пополнение профиля рисков, характерных для данной платежной системы.

После того, как определены типичные риски и источники их возникновения, необходимо уделить внимание выбору средств управления рисками. Выбор правильного средства, учитывающего уровень кризиса – залог построения правильной системы риск-менеджмента.

При выборе средств управления рисками важно учитывать специфику платежной системы, ее архитектуру, организационную структуру, принципы оказания услуг и проведения платежей. В то же время за все время существования платежных систем выработано достаточно количество способов управления, качество которых проверено на практике.

Управление рисками предполагает проведение нескольких этапов. Первоначально необходимо определить, как будет проводиться минимизация риска:

- платежная система прекращает деятельность, если она связана со значительным риском;
- проводятся операции, направленные на снижение уровня риска, посредством применения соответствующего способа управления;
- страхование деятельности, связанной с рисками;
- функционирование в условиях риска.

Оператор или иной субъект платежной системы предпринимает определенные меры по управлению рисками в том случае, если есть такая возможность и принято решение, что управление будет целесообразным. При этом необходимо выбрать соответствующий ситуации способ управления, учитывать следующие факторы:

- порядок использования. По результатам деятельности оценивается результат;
- проверка соотношения расходов на использование способа управления и полученной выгоды или прибыли;
- возможность применения различных способов управления в комплексе;
- если применение способа управления привело к возникновению новых рисков, важно их своевременно выявить и проанализировать.

Для каждого риска после проведения комплекса мер, направленных на снижение значимости данного риска, необходимо определить его уровень и сравнить с некоторым пороговым значением. Если значение риска все еще превышает данное пороговое значение, необходимо продумать иную систему нивелирования данного риска. Так этап снижения риска становится циклическим [8].

В ст. 28 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О национальной платежной системе» (далее – Закон о НПС) [9], содержатся требования, с учетом которых необходимо разрабатывать и строить систему управления рисками, характерными для платежных систем. Процедура предполагает некоторый ряд мер, мероприятий, операций, каждая из которых направлена на устранение неблагоприятных факторов, способных нарушить нормальное функционирование всей организации. При разработке мер и мероприятий важно учитывать возможные последствия и размер ущерба.

Реализовать все требования, предписанные ст. 28 Закона о НПС, относящиеся к управлению рисками, на наш взгляд можно, если будет принят стандарт, регламентирующий управление и нивелирование рисков, присущих платежным системам. В стандарте должна быть описана и определена четкая последовательность, в соответствии с которой необходимо строить систему управления рисками. В стандарте должна содержаться базовая архитектура, которую платежные системы могут брать в качестве основы.

При этом, на наш взгляд, является целесообразным операторам платежной системы и операторам, предоставляющим платежные услуги, принять документ или регламент, определяющий все действия, направленные на управление имеющимися или потенциальными рисками. Данный документ должен включать все наиболее значимые принципы, используемые при построении архитектуры риск-менеджмента. Разрабатываемый документ должен быть доступен для всех, кто пользуется данной платежной системой. При этом, если операторы платежных систем, операторы, предоставляющие услуги по переводу платежей, уже разработали и приняли определенные регламенты построения риск-менеджмента, данные документы должны быть приведены в соответствие со стандартом.

Разработка данного стандарта для платежных систем может стать основой для унификации подходов к работе платежных систем в части формирования риск-менеджмента. Это касается и распространенных систем, и платежных систем, используемых для проведения социально значимых платежей. Если стандарт будет разработан и внедрен, операторы или иные элементы системы, обязанные управлять рисками, ЦБ РФ получит возможность контролировать деятельность платежных систем.

Учитывая, что практика по оказанию платежных услуг в России развивается с учетом мировых тенденций, соответственно [10], при разработке стандарта необходимо брать во внимание и лучший мировой, и российский опыт [11; 12; 13; 14]. Важно отметить, что при построении риск-менеджмента должны учитываться положения Закона о НПС, в том числе, ч. 13, ст. 20.

Инфраструктура риск-менеджмента в платежных системах:

- в задачу оператора платежной системы должно входить не только распределение полномочий, связанных с выявлением или нивелированием рисков между отдельными элементами платежной системы. Делегирование полномочий, возможностей, обязанностей должно производиться с учетом модели построения и функционирования платежной системы. При построении организационной структуры или модели учитываются положения и требования ч. 13 ст. 20 Закона о НПС. Организационная модель системы управления рисками строится в соответствии с ч. 13 ст. 20 Закона о НПС. При необходимости оператор платежной системы должен пересматривать полномочия и обязанности элементов, составляющих платежную систему в части управления рисками;
- оператор платежной системы, и операторы, предоставляющие услуги в рамках платежной системы должны вести соответствующую отчетность, в которой будут отражаться все действия, направленные на управление рисками;
- все субъекты, составляющие платежную систему, должны отделять риски, присущие именно платежным системам, как виду деятельности, от

всех остальных рисков, неизбежно сопровождающих деятельность любого юридического лица.

Процесс риск-менеджмента:

– субъекты платежной системы, проводя оценку рисков, должны использовать методы, указан-

ные в Таблице 1 [1]. В процессе идентификации риска, проведения анализа, оценки риска необходимо выбирать методы, наиболее полно и четко соответствующие задачам и целям организации [14]. Важно учитывать трудоемкость выбранного метода, его применимость к конкретному риску и этапу работы;

Таблица 1

Перечень методов для оценки риска в платежных системах

Наименование метода	Процесс оценки риска				
	Идентификация	Анализ риска			Сравнительная оценка
		Последствие	Вероятностные характеристики	Уровень риска	
Мозговой штурм	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Структурированные и частично структурированные интервью	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Метод Дельфи	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Контрольные листы	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая	Низкая
Метод HAZOP	Средняя	Высокая	Низкая	Средняя	Низкая
Структурированный анализ сценариев методом «что если»	Средняя	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая
Анализ сценариев	Средняя	Высокая	Низкая	Низкая	Средняя
Анализ воздействия на бизнес (BIA)	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Анализ первопричины	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Анализ видов и последствий отказов (FMEA/FMECA)	Высокая	Низкая	Средняя	Средняя	Низкая
Анализ дерева событий	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая
Анализ причин и последствия	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая
Анализ дерева решений	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая	Низкая
Анализ паразитных цепей (SCA)	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя
Марковский анализ	Низкая	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя
Моделирование методом Монте-Карло	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Байесовский анализ и Сеть Байеса	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Индексы риска	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Матрица последствия и вероятностей	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая

– субъекты платежной системы для получения более точных результатов должны применять специализированное программное оборудование, с помощью которого можно оценить степень риска, основываясь на полученных в ходе анализа данных, касающихся вероятности возникновения риска и его последствий для платежной системы;

– для систематизации всех результатов, на регулярной основе должны проводиться стресстестирования, предназначенные для определения и формирования перечня событий, способствующих появлению рисков, и выявления элемента структуры, которому надлежит данным риском управлять [15]. Информация обо всех событиях, явно или потенциально способных внести изменения или коррективы в плановую работу платежной системы, источниках возник-

новения рисков должна быть внесена в форму для систематизации результатов, полученных на этапе оценки риска [8].

В статье представлен возможный порядок организации комплексной системы управления рисками, соответствующий лучшей международной практике. Представлена, по результатам проведенного анализа функционирования отечественных и международных ПС, классификация типичных рисков в ПС, сформулированы их источники и определены уже апробированные на практике способы управления данными видами рисков в ПС. Помимо вышеперечисленного, авторами проведен анализ применимости методов оценки рисков в ПС, с указанием их возможности применения на каждом из этапов оценки рисков в ПС (идентификации, анализе и сравнительной оценке).

Литература:

1. Грузина Ю.М. Сравнительный анализ подходов к управлению рисками платёжных систем различного уровня / Ю.М. Грузина, М.Н. Масино // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2017. № 12, часть 2.
2. Письмо Центрального Банка Российской Федерации от 4 апреля 2014 года № 55-Т «О ти-

Literature:

1. Georgian Yu.M. Comparative analysis of approaches to risk management of payment service providers of various level / Yu.M. Georgian, M.N. Masino // Modern science: current problems of the theory and practice. Economy and Right series. 2017. № 12, part 2.
2. The letter of the Central Bank of the Russian Federation of April 4, 2014 № 55-T «About typical risks in

пичных рисках в платежных системах как рисках нарушения бесперебойности функционирования платежных систем» [Электронный ресурс]: URL: /<http://docs.cntd.ru/document/499088195/>

3. Джозеф Синки. Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг. М. : Альпина Паблишер. 2016.

4. Jorion P. (2003) Financial Risk Manager Handbook. McGraw-Hill.

5. Масино М.Н. Качественный сравнительный анализ банковских рисков и рисков в платежных системах / М.Н. Масино, А.В. Ларионов // Банковское дело. № 11. 2015. С. 86–93.

6. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / Под ред. А.А. Лобанова, А.В. Чугунова. М. : Альпина паблишер. 2003. 761 с.

7. Количественный анализ кредитного риска. М. Помазанов; Банковские Технологии, N 2, 2004 [Электронный ресурс]: URL: http://www.creditrisk.ru/publications/files_attached/egarcreditrisk.pdf

8. Масино М.Н. Методика построения архитектуры риск-менеджмента в платежных системах / М.Н. Масино, А.В. Ларионов // Финансы и кредит. Т. 23. № 31. 2017. С. 1832–1849.

9. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О национальной платежной системе».

10. Грузина Ю.М. Анализ современного состояния платёжных систем различного уровня в условиях технологической модернизации // Инновации и инвестиции. 2017. № 12. С. 23–27.

11. Стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51897-2011 / Руководство ИСО 73:2009. «Менеджмент риска. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 16.11.2011 № 548-ст).

12. Стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО/МЭК 31000-2010 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» (утв. приказом Росстандарта от 21.12.2010 № 883-ст).

13. Стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 «Менеджмент риска. Методы оценки риска» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 01.12.2011 № 680-ст).

14. Стандарт ISO/TR 31004-2013 «Менеджмент рисков. Руководство по внедрению ISO 31000».

15. Оценка регламентного и фактического времени функционирования ПС [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cbr.ru/PSystem/P-sys2/ratio.pdf>

16. Сайт «Платежные системы и финансовые технологии» [Электронный ресурс]: URL: / <http://www.ecommerce-payments.com/psd2-revised-payment-services-directive.html>

payment service providers as risks of violation of uninterrupted operation of functioning of payment service providers» [An electronic resource]: URL: / <http://docs.cntd.ru/document/499088195/>

3. Joseph Sinki. Financial management in commercial bank and in the industry of financial services. M. : Alpina Publisher. 2016.

4. Jorion P. (2003) Financial Risk Manager Handbook. McGraw-Hill.

5. Masino M.N. The qualitative comparative analysis of bank risks and risks in payment service providers / M.N. Masino, A.V. Larionov // Banking. № 11. 2015. P. 86–93.

6. Encyclopedia of a financial risk management / Under the editorship of A.A. Lobanov, A.V. Chugunov. M. : Alpina publisher. 2003. 761 p.

7. Quantitative analysis of credit risk. M. Pomazanov; Bankovky Technologies, N 2, 2004 [Electronic resource]: URL: http://www.creditrisk.ru/publications/files_attached/egarcreditrisk.pdf

8. Masino M.N. Metodika of creation of architecture of a risk management in payment service providers / M.N. Masino, A.V. Larionov // Finance and the credit. T. 23. № 31. 2017. P. 1832–1849.

9. The federal law of June 27, 2011 № 161-FZ (an edition from 7/18/2017) the «On the National Payment System».

10. Georgian Yu.M. Analiz of the current state of payment service providers of various level in the conditions of technological modernization // Innovation and investment. 2017. № 12. P. 23–27.

11. Standard of the Russian Federation GOST P 51897-2011 / Management of ISO 73:2009. «Management of risk. Terms and definitions» (утв. also it is put into operation by the order of Rosstandart from 11/16/2011 № 548 of St).

12. Standard of the Russian Federation GOST P ISO/MEK 31000 2010 «Management of risk. Principles and management» (утв. order of Rosstandart from 12/21/2010 № 883 of St).

13. Standard of the Russian Federation GOST P ISO/MEK 31010 2011 «Management of risk. Risk assessment methods» (утв. order of Federal Agency for Technical Regulation and Metrology from 12/1/2011 № 680 of St).

14. ISO/TR 31004 standard 2013 «Management of risks. Guide to introduction of ISO 31000».

15. Assessment of procedural and actual time of functioning of PS [An electronic resource]: URL: <http://www.cbr.ru/PSystem/P-sys2/ratio.pdf>

16. Website «Payment Service Providers and Financial Technologies» [An electronic resource]: URL: <http://www.ecommerce-payments.com/psd2-revised-payment-services-directive.html>

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующий кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна

старший преподаватель
кафедры организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Гусикова Амалия Федоровна

студентка,
Кубанский государственный университет
sofi008008@yandex.ru

Папазьян Марина Вагимовна

магистрант кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ
НА АВТОТРАНСПОРТНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассмотрены современные методы управления персоналом для повышения безопасности движения на автотранспортных предприятиях. Основное внимание авторов акцентируется на повышение безопасности движения на автотранспортных предприятиях. На основе проведенного исследования авторами можно сделать вывод, зависимость между качеством транспортных услуг и уровнем кадрового потенциала предприятия, выявлена прямо-пропорциональная закономерность: повышение качества кадровых ресурсов компании приводит к повышению уровня качества автотранспортных услуг.

■ ■ ■

Ключевые слова: автомобильный транспорт, автотранспортное предприятие, управление персоналом, кадровая политика, конкурентоспособность, прогнозирование, экономика.

■ ■ ■

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
manager of department of the
organization of transportations and traffic,
Kuban state technological university
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

senior teacher
departments of the organization of
transportations and traffic,
Kuban state technological university
sofi008008@yandex.ru

Amalia F. Gusikova

student,
Kuban State University
sofi008008@yandex.ru

Marina V. Papazyan

undergraduate of department of the
organization of transportations and traffic,
Kuban state technological university
sofi008008@yandex.ru

**PERSONNEL MANAGEMENT
TO IMPROVE TRAFFIC
SAFETY ON TRANSPORT
COMPANIES**

■ ■ ■

Annotation. The article considers modern methods of personnel management to improve traffic safety in the motor transportation enterprises. The main attention of the authors focuses on improving the safety of movement on transport companies. The decisive factor in the effectiveness of the company in the conditions of modern market economy, is providing a tier of quality of personnel potential, in particular developing a HR strategy. On the basis of this study the authors can conclude that the dependence between the quality of transport services and the level of personnel potential of the enterprise, revealed the directly proportional law: improving the quality of human resources of the company leads to increasing the quality of transportation services.

■ ■ ■

Keywords: road transport, transportation company, personnel management, personnel policy, competitiveness, forecasting, Economics.

■ ■ ■

Важнейшую роль в эффективности работы компании, в частности транспортной организации, играет персонал. Независимо от размеров и сферы жизнедеятельности компании, невозможно представить работу современного предприятия без организованной системной деятельности по поиску и подбору персонала. Персонал предприятия включает в себя всех работников компании, которые реализуют ее функцию [1]. Это ключевой ресурс компании, от использования которого зависит эффективность функционирования работы предприятия.

Рассмотрим автотранспортную деятельность компаний, основным видом деятельности которых является розничная торговля. Для того чтобы занять все ниши рынка и максимально его охватить, осуществляется продаж по магазинам разных форматов [2]. Для бесперебойного процесса подачи услуг важно, чтобы полки товарных объектов не были пустыми, а был разнообразный ассортимент, согласно предусмотренных матриц. Систематическое поступление товаров на полки магазинов является грамотное обеспечение логистикой, весомый вклад в которую вносит персонал.

Так как главным ресурсом любого предприятия являются сотрудники, важно учитывать, что работа с персоналом – это грамотный и ответственный вклад в подготовку, развитие сотрудников, взаимосвязь внутри компании и взаимоотношения между сотрудниками. Успех компании зависит от того, насколько эффективным и полезным окажется труд сотрудника [3, 4]. А задача руководящих звеньев – продуктивно использовать возможности персонала. Направления кадровой политики заключаются в формировании спроса к работнику, подготовке новичков, отношении к взаимодействию сотрудников между собой.

По ключевым позициям и на конкурсной основе, при выявлении и оценке профессиональных знаний и практических навыков вместе с активным участием руководителей, осуществляется подбор персонала. Ступени отбора для разных уровней должностей различны: опыт работы, пол, образование, специальные навыки, владением программ, наличие определенных разрешений, лицензий, права. Практикуются программы привлечения студентов: прохождение практик и участие в конкурсах, с целью знакомства выпускников со спецификой компании и структурой персонала с дальнейшим трудоустройством [5, 6]. Структура персонала предполагает совокупность абсолютных и относительных значений отдельных характеристик, приводящая к созданию групп работников, объединенных по какому-либо признаку, и обеспечивающая его функционирование как единого ресурса организации. Таким образом, каждый элемент структуры персонала имеет свою определенную роль и связан с другими элементами.

Структура персонала должна соответствовать структуре рабочих функций и тенденции их развития, а взаимосвязи между характеристиками указывают на то, что изменение конструкции

одного вида может быть обусловлено изменениями структуры другого вида. Таким образом, структура персонала отражает состав и качественные характеристики персонала организации, их взаимосвязи и значимость. Также кадровая политика направлена на обеспечение мотивации и организации условий труда персонала. Следует отметить окладную оплату труда (постоянную часть) и систему премирования (по результатам работы), аттестацию рабочих мест, прохождение курсов по повышению квалификации, карьерный рост, выплата больничных и отпускных (также отпуск по беременности и родам), а также нематериальные способы поощрения в рамках подразделений и компании в целом (грамоты, благодарственные письма, подарки) [7].

Основные задачи управления персоналом выделяют: обеспечение кадрами, рациональное использование кадрового потенциала, социальное и профессиональное развитие работников. Кроме того, разработка элементов системы проводится с учетом основ маркетинга, мониторинга, аудита и контроля. Задачи экономики определяются точными социально-экономическими целями компании. Исходя из экономических задач организации, цели управления персоналом состоят в оптимизации издержек и увеличении отдачи, минимизации операционных затрат, поддержании производительных возможностей сотрудников. При этом современные убеждения предполагают социальную нацеленность и ответственность производства. Именно поэтому цели стратегии предприятия должны соответствовать целям работников [1, 3].

Поскольку между социальной и экономической составляющей отмечается противоречие, так как не всегда цели работников совпадают с целями компании. Экономика персонала формирует методологические аспекты для достижения оптимального баланса интересов. Для этого, как раз и, предусматривается использование следующих инструментов: обучения, поощрения, воспитания и информирования кадров.

При разработке системы управления персоналом нужно уделять внимание методам и способам воздействия на работников, вариантам положения задач и поиска их решений, целям, которые необходимы для свершения желаемого результата, средствам общения, основанным на всех процессах взаимодействия, принимаемым решениям, действующим функциям, разработанным убеждениям. В Российской Федерации на текущий момент объемы автомобильных перевозок повысились, отечественные перевозчики вышли на международный рынок и, как следствие, увеличилась конкуренция.

Одним из самых сложных вопросов автотранспортной деятельности «нетранспортных» предприятий и организаций остается обеспечение безопасности движения [6].

На примере конкретного автотранспортного предприятия (АТП), выбранного в результате анализа репрезентативной выборки 36 АТП одного из крупнейших торгово-производственных предприятий

Краснодарского края, разработана и апробирована методика оценки эффективности работ по безопасности движения, основанная на системе научно-обоснованных критериев эффективности. На рисунке 1 наглядно представлена методика оценки работы по безопасности движения.

Методика оценки эффективности работ по повышению безопасности движения представлена в

виде алгоритма ее реализации (от сбора данных для исследования до оценки эффективности работы АТП). Многообразии измерительных задач, решаемых с помощью методики, обуславливает необходимость использовать разнообразные алгоритмы определения весовых коэффициентов. В каждом из применяемых комплексных показателей прямо или косвенно оценивается эффективность управления персоналом.

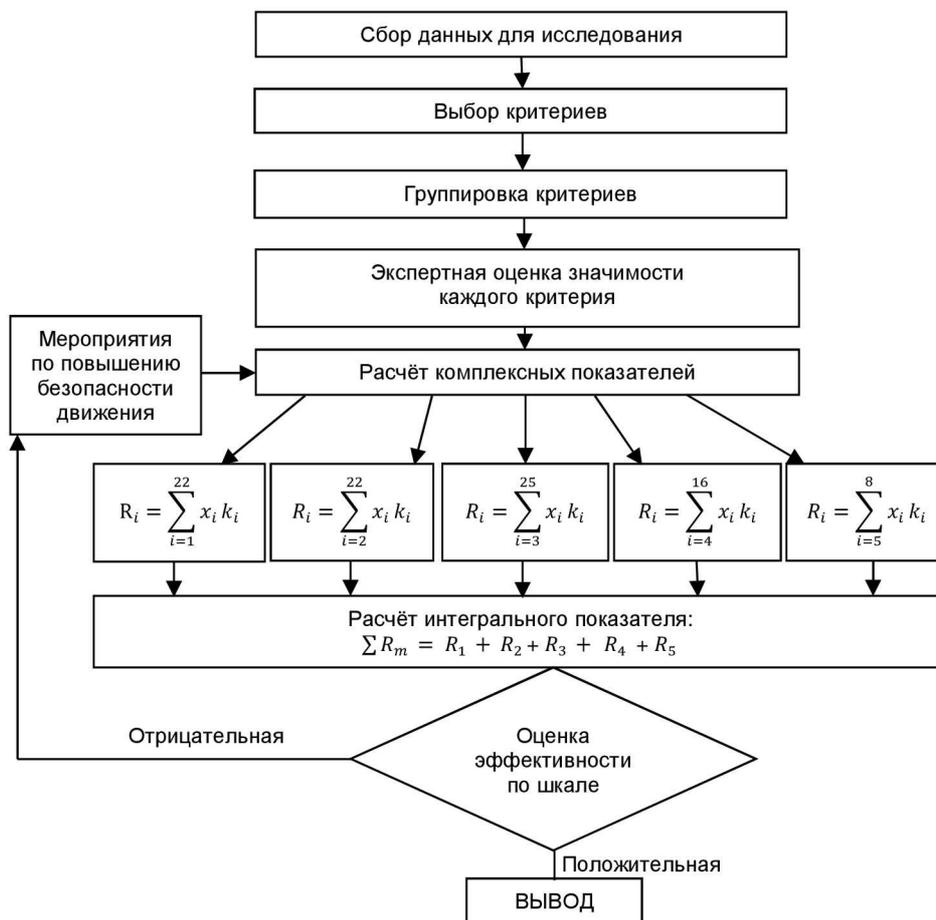

Рисунок 1 – Методика оценки работы по повышению безопасности движения на АТП

Поскольку указать некую универсальную систему критериев и показателей оценки всех без исключения невозможно, то в большинстве случаев это задача экспертов – знающих людей, имеющих опыт в соответствующей области. Такие люди на основе имеющегося у них опыта подбирают наиболее существенные признаки (критерии), определяют наиболее значимые события (показатели), выделяют доступные для наблюдения и измерения характеристики (индикаторы), которые будут использоваться для оценки проекта. Эффективность оценки в значительной мере определяется выбранными для ее проведения методами – т. е. совокупностью используемых для оценки приемов и операций. В зависимости от того, поддаются ли существенные па-

раметры проекта прямому измерению и расчету или нет (различают количественные и качественные методы оценки) [6].

Рассматривая зависимость между качеством транспортных услуг и уровнем кадрового потенциала предприятия, выявлена прямо-пропорциональная закономерность: повышение качества кадровых ресурсов компании приводит к повышению уровня качества автотранспортных услуг (в том числе и безопасности движения). Следует отметить, что в наибольшей степени на качество кадрового потенциала транспортной организации влияет уровень профессиональной подготовки и классность водительского состава, механиков и руководящих звеньев.

Литература:

1. Коновалова Т.В. Выбор системы транспортного обслуживания производственных предприятий (на примере Холмского сельского поселения) /

Literature:

1. Konovalova T.V. The Choice of system of transport service of production enterprises (for example, Kholmnsk rural settlement) / T.V. Konovalova,

Т.В. Коновалова, К.А. Кирий, С.Л. Надирян, А.О. Недашковская. Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). 2016. № 1. С. 44–47.

2. Коновалова Т.В. Информационные технологии обеспечения безопасности движения на автотранспортных предприятиях / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // В сборнике: Транспортные и транспортно-технологические системы Материалы международной научно-технической конференции. Ответственный редактор Н.С. Захаров. 2015. С. 170–172.

3. Коновалова Т.В. К вопросу эффективности кадрового обеспечения на автомобильном транспорте / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, П. Миронова // В сборнике: Научно-технические аспекты инновационного развития транспортного комплекса. Материалы III Международной научно-практической конференции, в рамках 3-го Международного Научного форума Донецкой Народной Республики. Донецкая академия транспорта; ГУ «Институт Экономических Исследований». 2017. С. 169–172.

4. Митрофанова Н.В. Методические основы формирования инновационного потенциала кадров для эффективного управления морской транспортной отраслью России // Вопросы управления. 2015. № 5 (17). 235 с. С. 198–205.

5. Коновалова Т.В. Методические основы оценки эффективности системы управления безопасностью движения на автотранспортных предприятиях / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян. Краснодар, 2015. 183 с. С.118–128.

6. Коновалова Т.В. Методика оценки работы автотранспортных предприятий по обеспечению безопасности движения / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 4 (179). С. 62–64.

7. Коновалова Т.В. Методика выбора системы транспортного обслуживания производственных предприятий / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, А.О. Недашковская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. С. 38–40.

K.A. Kiriya, S.L. Nadiryana, A.O. Nedashkivskaya. Science. Technique. Technology (Polytechnic Bulletin). 2016. № 1. P. 44–47.

2. Konovalova T.V. Information technologies safety on transport companies / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryana In the collection: Transport and transport-technological system of Materials of international scientific-technical conference. Responsible editor: N.S. Zakharov. 2015. P. 170–172.

3. Konovalova T.V. To the question of the effectiveness of staffing for road transport / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryana, P. Mironova // In the collection: Scientific and technical aspects of innovative development of the transport complex. Proceedings of the III International scientific-practical conference in the framework of the 3rd International Scientific forum of the Donetsk people's Republic. Donetsk Academy of transport; «Institute of Economic Researches». 2017. P. 169–172.

4. Mitrofanova N.In. Methodological bases of formation of innovative potential of personnel for effective management of the marine transport industry of Russia. Management issues. 2015. № 5 (17). 235 p. P. 198–205.

5. Konovalova T.V. Methodological framework for the assessment of the effectiveness of the management system of safety on transport companies / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryana. Krasnodar, 2015. 183 p. P. 118–128.

6. Konovalova T.V. Methodology for evaluating the work of the motor transportation enterprises to ensure traffic safety / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryana // Bulletin of the Orenburg state University. 2015. № 4 (179). P. 62–64.

7. Konovalova T.V. Method of selection of system of transport service of production enterprises / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryana, A.O. Nedashkivskaya, Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2015. № 11–2. Pp. 38–40.

Подгорный Борис Борисович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Юго-Западный государственный
университет
b.podgorny46@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Мировой практикой доказано, что фондовый рынок является одной из наиболее эффективных структур для решения как экономических, так и социальных задач. Однако сегодня в большинстве российских регионов развитию структур, механизмов и инструментов фондового рынка уделяется недостаточно внимания. В статье представлены результаты документального анализа, характеризующего участие региональных властей в комплексном развитии фондового рынка.

Ключевые слова: фондовый рынок, региональные власти, стратегии развития.

Мировой практикой доказано, что фондовый рынок является одной из наиболее эффективных структур для решения как экономических, так и социальных задач. Однако российская специфика такова, что значительная часть финансовых ресурсов аккумулируется в столичных регионах, где и существует наиболее развитая инфраструктура фондового рынка. Так, в России есть регионы, из которых ни одна компания не представлена на организованном фондовом рынке. И если в 2013 году таких регионов было 24 [7], то сегодня их уже – 27. В Северо-Западном Федеральном округе (ФО) – республики Карелия и Коми, Архангельская, Калининградская, Псковская области; в Южном ФО – республики Адыгея и Калмыкия, Крым и город федерального значения Севастополь; в Северо-Кавказском ФО – республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская, Чеченская республики; в Приволжском ФО – Кировская и Ульяновская области. В Сибирском ФО – республики Алтай, Тыва, Хакасия; Алтайский край; в Дальневосточном ФО – Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; в Центральном Федеральном округе – Белгородская, Брянская, Курская, Ивановская, Орловская, Тверская область [9].

Кроме того, выполненный нами анализ по регистрации и ликвидации открытых акционерных обществ, являющихся фундаментом фондового рынка показывает, что регистрация новых акционерных обществ стремится к нулю. Более того, за последние 7 лет в России количество открытых акционерных обществ снизилось с 85 тысяч

Boris B. Podgorny

PhD in Sociology, Associate Professor at the
Philosophy and Sociology, Department
South-Western State University
b.podgorny46@gmail.com

REGIONAL AUTHORITIES AND THE STOCK MARKET: A DOCUMENTARY ANALYSIS

Annotation. International practice proved that the stock market is one of the most effective structures for solution both economic and social objectives. However today, in most Russian regions insufficient attention is paid to the development of structures, mechanisms and instruments of the stock market. The article presents the results of the documentary analysis, characterizing the participation of regional authorities in the stock market development.

Keywords: stock market, regional authorities, development strategies.

до 16 469, а в последние годы количество ликвидированных ОАО более, чем в 10 раз, превышает число зарегистрированных [11].

Считаем, что перечисленные проблемы необходимо, в первую очередь, рассматривать на региональных уровнях, ведь отсутствие структур, механизмов и инструментов фондового рынка препятствует успешному развитию регионов.

Есть ряд исследований, посвященных развитию региональных фондовых рынков – Д.А. Середников [8], А.А. Миллер [4], Н.А. Звягинцева [3], Д.А. Вавулин [1], И.Г. Горловская [2], Б.Б. Подгорный [6] и другие ученые и исследователи. Авторы в своих работах обосновывают необходимость развития региональных фондовых рынков, показывают их значимость для социально-экономического развития регионов.

Мы поддерживаем определение И.Г. Горловской, согласно которого, региональный фондовый рынок следует рассматривать как «устойчивую систему экономических отношений по поводу выпуска и обращения ценных бумаг, механизмов, институтов и инструментов, используемых для привлечения инвестиций в экономику региона». Считаем важным отметить, что кроме указанных экономических, региональный фондовый рынок должен выполнять важнейшие социологические функции, заключающиеся в формировании сообщества собственников, укреплении уважения к категории «собственность», возможности перераспределения собственников и отделение их от управления, усиле-

ние ответственности бизнес-сообщества, росте среднего класса.

По нашему мнению, перечисленные функции в регионах могут быть реализованы только при активном участии региональных властей. Ведь именно региональные власти, являясь важным элементом нормативного поля власти [11], должны быть инициаторами развития региональных фондовых рынков, решая, таким образом, задачи по социально-экономическому развитию регионов.

Цель статьи – показать результаты выполненного нами документального анализа, характеризующего участие региональных властей в комплексном развитии фондового рынка, под которым мы понимаем создание условий и стимулирование к развитию учредительского (долевого) сектора – основы фондового рынка, первичного рынка или IPO акций, корпоративных, региональных и муниципальных облигаций; стимулирование бизнеса к участию в качестве эмитентов в работе организованного вторичного фондового рынка.

Реализуя поставленную цель, мы провели анализ законодательной базы, касающейся развития региональных фондовых рынков. Выборка составила 13 из 85 регионов Российской Федерации. Для исследования мы выбрали 4 региона из 27, в которых не зарегистрировано ни одной коммерческой организации, являющейся эмитентом, чьи акции обращаются на организованном вторичном фондовом рынке (ОВФР) – Белгородская, Курская, Ивановская и Новосибирская области; а также 9 регионов из 58, в которых зарегистрированы компании, чьи акции обращаются на организованном вторичном фондовом рынке – Республика Башкирия (4); Республика Татарстан (6); Краснодарский край (8); Калужская (1), Нижегородская (6), Самарская (3), Свердловская (4), Челябинская (9), Ярославская (4) области.

Для проведения анализа нами были выбраны следующие документы:

- Стратегии социально-экономического развития регионов
- Положения о министерствах (комитетах) экономического развития и министерствах (комитетах) финансов

Данные документы находятся в свободном доступе на официальных сайтах органов власти исследуемых регионов. Далее приведены полученные результаты.

Стратегии социально-экономического развития регионов

Выполненный анализ документов, описывающих стратегии социально-экономического развития регионов показал, что только в 6 из 13 исследованных стратегий развития регионов частично затронуты вопросы, касающиеся развития структуры регионального фондового рынка:

- В стратегии развития Белгородской области (0 компаний на ОВФР) дана характеристика выпуска государственных ценных бумаг, а также

направление инвестиций средств, полученных от реализации данных займов.

- Развитие элементов и структуры фондового рынка в (0 компаний на ОВФР) предусмотрено в главе 6 стратегии развития Курской области, где указано, что планируется стимулировать процесс эмиссии ценных бумаг предприятий посредством создания необходимой инфраструктуры; содействовать их эффективному размещению; создать благоприятные условия для свободного перелива капитала в наиболее эффективные отрасли и сферы деятельности.

- В стратегии развития Новосибирской области (0 компаний на ОВФР) в разделе «Основные задачи по совершенствованию финансовых институтов в Новосибирской области» заявлено о необходимости разработки программ выхода предприятий области на рынки ценных бумаг.

- В стратегии Республики Татарстан (6 компаний на ОВФР) при характеристике финансового кластера республики зафиксировано наличие и даны описательные характеристики участников регионального фондового рынка а также указаны региональные компании, оказывающие профессиональные консультационные услуги.

- В стратегии развития Самарской области (3 компании на ОВФР) указано, что планируется привлечение внебюджетных инвестиционных ресурсов (средств населения, частных компаний), через выпуск корпоративных облигаций и целевых облигационных займов.

- в программе развития Краснодарского края (8 компаний на ОВФР) указывается о необходимости повышения доверия к финансовым институтам, расширению инструментария и внедрении практики использования финансовых инструментов (фондовый рынок, кредитование).

- в стратегии развития Нижегородской области (6 компаний на ОВФР) отмечена необходимость вовлекать в инвестиционный оборот финансовые ресурсы жителей области через использование инструментов фондового рынка, привлекать стратегических и прямых инвесторов.

- В стратегиях развития Республики Башкирия (4 компании на ОВФР), Ивановской (0 компаний на ОВФР), Калужской (1 компания на ОВФР), Свердловской (4 компании на ОВФР), Челябинской (9 компаний на ОВФР), Ярославской (4 компании на ОВФР) областей развитие структуры, инструментов и элементов фондового рынка не запланировано. Косвенно к развитию регионального фондового рынка можно отнести декларируемые мероприятия по активизации инвестиционной деятельности, поиску и привлечению потенциальных инвесторов.

Положения о министерствах (комитетах) экономического развития и министерствах (комитетах) финансов

Поскольку стратегии социально-экономического развития являются более представительскими, чем предписываемыми документами, мы изучи-

ли положения, регламентирующие деятельность структурных подразделений в регионах (финансы, экономика), которые, по нашему мнению, должны выступать в качестве основного организатора реализации программ комплексного развития региональных фондовых рынков.

Анализ положений о структурных подразделениях (министерств, комитетов, департаментов) финансов и экономики показал, что в большинстве случаев их деятельность сводится лишь к эмиссии и обслуживанию государственных региональных ценных долговых бумаг. Справедливости ради необходимо отметить, что это направление деятельности также относится к институту фондового рынка, однако оно составляет очень незначительную часть от всего комплекса фондового рынка. И только в обязанности министерства финансов Республики Татарстан наряду с осуществлением функций по управлению эмиссией и обращением государственных ценных бумаг, входит участие в разработке предложений о развитии регионального фондового рынка.

Также считаем важным отметить, что начиная с 2017 года властные структуры исследуемых регионов приняли участие в старте развития такого направления фондового рынка, как выпуск и организованный оборот корпоративных (коммерческих) облигаций. Так, в Республике Татарстан, Самарской и Нижегородской областях приняты планы мероприятий по развитию рынков корпоративных облигаций, что является одним из компонентов региональных фондовых рынков. Запланированные в этих регионах мероприятия носят комплексный подход, в том числе предусмотрено инициирование изменений в региональное законодательство в части установления мер государственной поддержки при размещении корпоративных облигаций, повышение уровня компетенций менеджмента и сотрудников финансовых служб предприятий – потенциальных эмитентов облигаций, а также региональных участников финансового рынка. Также вопросы реализации проекта по развитию рынка корпоративных облигаций в ЦФО и привлечения бизнес-сообщества к его реализации обсуждались на конференции 30-31 октября 2017 года в городе Рязань. Подобные мероприятия в 2017 году также прошли в Челябинской, Свердловской, Новосибирской области, Республике Башкирии. Считаем, что развитие данного направления необходимо официально вменить в обязанности министерств (департаментов, комитетов) финансов или экономики регионов.

Показательно, что до 2015 года в одном из исследуемых регионов – Краснодарском крае – существовал департамент по финансовому и фондовому рынку, в обязанности которого входила разра-

ботка и реализация проектов и программ развития секторов финансового и фондового рынка Краснодарского края, в том числе механизмы государственной поддержки; осуществление методологической работы по внедрению и сопровождению эффективных финансовых инструментов и продуктов в целях привлечения инвестиций субъектами экономики Краснодарского края; анализ информации о деятельности профессиональных участников финансового и фондового рынка края в целях разработки эффективных программ развития секторов финансового и фондового рынка Краснодарского края. Однако в 2015 году полномочия данного департамента были переданы департаменту инвестиций и региональному министерству финансов, а сам департамент по финансовому и фондовому рынку ликвидирован. Поддерживая право руководства региона на кадровые перестановки, считаем такое управленческое решение ошибочным, способствующим регрессивному развитию регионального фондового рынка. Это подтверждает и то, что сегодня в обязанности регионального министерства финансов входит лишь разработка и реализация программы государственных заимствований Краснодарского края, что, как отмечалось выше, составляет очень незначительную часть от всего комплекса фондового рынка, а в обязанностях департамента инвестиций нет положений, регламентирующих развитие структуры и элементов регионального фондового рынка. Таким образом, заявленное в программе развития региона внедрение практики использования инструментов фондового рынка не реализовываются. В качестве примера можно привести проводимый департаментом инвестиций конкурс «Лидер финансового рынка», среди номинаций которого нет ни одной, имеющей отношение к развитию фондового рынка в регионе.

Выводы нашего исследования показывают, что независимо от наличия на территории региона эмитентов, чьи акции обращаются на организованном фондовом рынке, региональные власти пока уделяют недостаточно внимания комплексному развитию регионального фондового рынка, в лучшем случае обращая внимание на долговые инструменты фондового рынка. Мы считаем, что это происходит по нескольким причинам, в том числе: гистерезис в действиях федеральной власти; жесткая горизонталь органов власти; недостаточное понимание региональными властями функций и возможностей, предоставляемых комплексным развитием фондового рынка для решения экономических и социальных проблем в регионах. В то же время, результаты социологических исследований [5] на предмет отношения населения к возможному участию в работе фондового рынка показывают, что население проявляет определенный интерес к фондовому рынку, при этом приоритетом пользуются именно региональные долевыми ценными бумагами.

Литература:

1. Вавулин Д.А. К вопросу о необходимости развития региональных рынков ценных бумаг // Финансы и кредит. 2012. № 8 (488). С. 41–50.
2. Горловская И.Г. Типологизация и систематизация факторов развития регионального рынка

Literature:

1. Vaulin D.A. To the question on necessity of regional stock markets development // Finance and credit. 2012. № 8 (488). P. 41–50.
2. Gorlovskaya I.G. Typology and systematization regional stock market development factors as an

ценных бумаг как инструмент формирования стратегии развития региональной экономики // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2017. № 1. С. 23–34.

3. *Звягинцева Н.А.* Региональный рынок ценных бумаг как механизм привлечения инвестиций: оценка последствий вступления России в ВТО (на примере Иркутской области) // Известия УрГЭУ. 2013. № 3–4 (47–48). С. 61–68.

4. *Миллер А.А.* Региональные особенности функционирования рынка ценных бумаг в Российской Федерации // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 38–43.

5. *Подгорный Б.Б.* Население и фондовый рынок: региональные аспекты // Известия Юго-западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. № 2, 2017. С. 192–202.

6. *Подгорный Б.Б.* Генезис регионального фондового рынка // Известия Юго-западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. № 3, 2016. С. 155–165.

7. *Подгорный Б.Б.* Спрос и предложение на российском фондовом рынке: социально-экономический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 3. URL: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201323>
DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-23>

8. *Середников Д.А.* Механизм развития рынка ценных бумаг в регионе Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Екатеринбург-2010.

9. Список ценных бумаг, торгуемых на МБ. URL: <http://www.moex.com/s1161> (дата обращения: 17 ноября 2017 года).

10. *Podgorny B.* The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3–4. С. 20–24.

11. *Podgorny B.* The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3–4. С. 20–24.

instrument of regional economy strategy development // Herald of Omsk state University. Series: Economics. 2017. № 1. P. 23–34.

3. *Zvyagintsev N.A.* Regional stock market as a mechanism for attracting investment: assessing the impact of Russia's accession to WTO (on the Irkutsk region example) // proceedings of the USUE. 2013. № 3–4 (47–48). P. 61–68.

4. *Miller A.A.* Regional peculiarities of the stock market functioning in the Russian Federation // The Bulletin of Omsk University. 2011. № 1. P. 38–43.

5. *Podgorny B.B.* The Population and the stock market: regional dimensions // Southwest state University Proceedings. Series Economic. Sociology. Management. № 2, 2017. P. 192–202.

6. *Podgorny B.B.* The genesis of regional stock market // Proceedings of southwest state University. Series Economic. Sociology. Management. № 3, 2016. Pp. 155–165.

7. *Podgorny B.B.* Supply and demand on the Russian stock market: socio-economic analysis // Modern researches of social problems. 2013. № 3. <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201323>
DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-23>

8. *Cherednikov D.A.* Mechanism of the stock market development in the region – the dissertation autoabstract of candidate of economic Sciences degree competition. Ekaterinburg-2010.

9. The list of securities traded on the ME. URL: <http://www.moex.com/s1161> (access date: 17 November 2017).

10. *Podgorny B.* The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3–4. Pp. 20–24.

11. *Podgorny B.* The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3–4. P. 20–24.

Садиг Рза Исмаил оглы

доктор философии по экономике,
Банк БТБ, Азербайджан,
председатель наблюдательного совета.
rahib36@mail.ru

Sadig Rz Ismail Oglou

the doctor of philosophy on economy
BTB bank, Azerbaijan,
chairman of the supervisory board.
rahib36@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ И СПЕКТР ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ACTUALITY AND SPECTRUM OF RESEARCH OF INNOVATIONS IN THE MODERN ECONOMIC SCIENCE

Аннотация. Инновации привлекают внимание сотен ученых-экономистов. Спектр исследования феномена инноваций, методологии оценки уровня инновационного развития стран и регионов мира, несмотря на всю свою широту, весьма фрагментарен. В статье приводится экспресс-оценка актуальности изучения и степени разработки методологии оценки уровня развития национальных инновационных систем. Автором проведен обзор научных работ уровня докторской и кандидатской диссертаций по теме исследования и разработана первичная типологизация массива таких работ. В результате выделены кластеры научных знаний по направлению «инновации»: инновационный потенциал, инновационный механизм, управление инновациями, инновационное развитие, оценка эффективности инноваций. Отмечен недостаточный уровень проработки в научных трудах направления оценки уровня развития национальных инновационных систем, в том числе направления оценки эффективности инноваций. В результате автор приходит к выводу об актуальности и целесообразности дальнейшего исследования темы и разработки современной комплексной системы оценки уровня инновационного развития государств и регионов мира.

Ключевые слова: инновация, инновационный потенциал, национальная инновационная система (НИС), оценка уровня инновационного развития.

Annotation. The innovations attract the attention of hundreds of economists. The study of the phenomenon of the spectrum of innovations, methodology of estimation the level of innovative development of the countries and regions of the world, despite all its latitude, it is very fragmented. The article provides a rapid assessment of the degree of relevance of the study and development of methodologies for assessing the level of development of national innovation systems. The author conducted a survey of scientific researches of level of doctoral and candidate dissertations on the research topic and developed the initial typology of the array of such works. The study has identified clusters of scientific knowledge in the direction of «innovation»: innovation potential, innovation mechanism, innovation management, innovation development, assessment of efficiency of innovations. Noted the insufficient level of study in the scientific works of the direction of assess the level of development of national innovation systems, including the directions of assessment of efficiency of innovations. As a result, the author comes to the conclusion about the relevance and appropriateness of further study of the topic and development of a modern integrated system of estimation of level of innovative development of States and regions of the world.

Keywords: innovation, innovative capacity, national innovation system (NIS), estimation of level of innovative development.

Исследование оценки уровня развития национальных инновационных систем предполагает развернутый анализ существующих подходов в науке относительно методологии и понятийного аппарата инноваций. Обзор современных открытых источников позволяет обнаружить тысячи научных работ не ниже кандидатской диссертации, в которых объект или предмет исследования частично либо полностью связан с инновациями.

При этом значительное число авторов – профессиональных исследователей, экспертов-аналитиков, практикующих менеджеров инновацион-

ных компаний и проектов – признает неоднозначность и феноменальность (см. исследование Martin Srholec [2, с. 1]) экономической категории «инновации». В данной статье термин «инновация» понимается («Инновация есть введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях» [1]) в изложении, приведенном в [1].

В рамках проведенного нами мониторинга различных источников научной информации, обна-

ружено свыше двухсот диссертаций уровня «соискателя степени доктора экономических наук», которые защищены в 1994–2016 по направлению исследования «инновации». Большая часть из них устарела, поскольку выполнялась в принципиально иных экономических, социальных, политических условиях. Можно констатировать пик научного интереса к теме инноваций, приходившийся на 2005–2012 гг.

Наибольший научный интерес для нашего исследования представляют работы, в которых внимание исследователей сконцентрировано на вопросах оценки уровня инновационного развития. Весь массив вышеуказанных научных работ можно разделить на три больших части – общетеоретические работы, работы с преобладанием отраслевого аспекта, работы с преобладанием территориального аспекта.

Общетеоретических работ в открытых источниках обнаружено 93 единицы. Весь массив работ не привязан к конкретному региону либо отрасли, а направлен на раскрытие аспектов экономической сущности инновационного развития и инноваций как экономической категории.

Работы с отраслевым аспектом, т. е. докторские диссертации, выполненные по профилю инноваций, но на примере конкретного сегмента экономики: всего обнаружена 91 научная работа. Массив работ ценен для целей исследования уровня развития национальных инновационных систем исключительно с точки зрения частичного использования наработанных авторами методологического аппарата, систем показателей, подходов оценки инновационного потенциала, инновационных механизмов, методов оценки и критериев эффективности инноваций, принципов управления инновациями на примере отраслей, отдельные элементы которых могут быть адаптированы для глобального территориального аспекта.

Массив работ с концентрацией на территориальном аспекте инновационного развития включает всего 16 работ. Таким образом, территориальный аспект – наименее изученное направление исследования инноваций, которое представлено около 8 % всех диссертаций, проанализированных нами в рамках научного обзора. Среди таких работ следует отметить работы Ленчук Е.Б. (по странам Центрально-Восточной Европы и СНГ, 2006), Матвеева О.А. (по региону Крайнего Севера России, 2012), Смирнова Е.Н. (по Европейскому Союзу, 2016), также отдельная группа работ по общим региональным аспектам инноваций (без привязки к конкретному региону либо государству мира) – Антоненко А.В. (2014), Олейникова И.Н. (2004), Кармышева Ю.А. (2004), Машегова П.Н. (2005), Кортova С.В. (2005), Шершунова В.А. (2005), Семеновой Т.Ю. (2008), Тихомирова С.А. (2007), Бойко И.В. (2009), Тетерина Н.И. (2011), Луковцевой А.А. (2012), Коржова А.И. (2008), Стрекалова О.Б. (1999), Шаймиевой Э.Ш. (2012). Данная категория работ содержит различные разрозненные научные положения и научные данные, факты относительно территориальных аспектов инновационных процессов в отдельных

регионах мира, которые могут быть частично использованы в процессе авторского научного поиска и обобщения. Как видим, охват стран мира и регионов исследованиями их уровня инновационного развития весьма неполный; работы обобщающего характера, в которых бы можно было почерпнуть системные сведения о детерминантах, особенностях и закономерностях развития инновационных систем стран мира, на сегодня не обнаружены. Таким образом, актуальность проведения системного исследования и разработки комплексной методологии оценки развития национальных инновационных систем весьма высока.

Вышеперечисленные работы защищались по различным направлениям научной мысли – математические методы в экономике, экономика и управление, экономическая теория, региональная экономика. Несколько работ выполнены по социологическому направлению. Рассматривая весь массив проанализированных научных работ, мы также установили, что накопленные научные знания по инновационной экономике и теории инноваций могут быть разбиты на условные информационные кластеры и структурированы в виде следующей логической схемы:

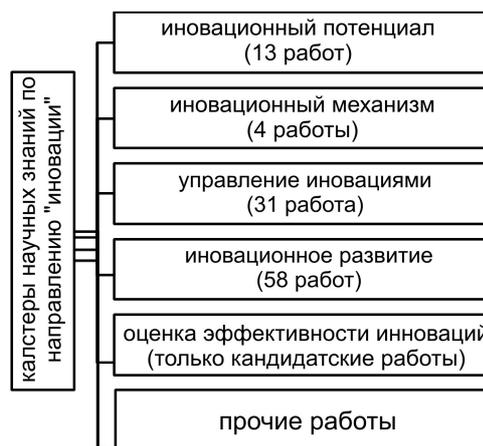

Рисунок 1 – Кластеры научных знаний по направлению «инновации» (разбивка массива диссертаций по выделенным кластерам)

Источник информации: составлено автором по итогам научного обзора.

Анализ перечня диссертационных исследований и состава кластеров научных знаний окончательно подтверждает тот факт, что направление оценки уровня развития национальных инновационных систем на сегодня является недостаточно изученным в современной экономической науке и заслуживает отдельного глубокого и системного исследования. В частности, направление «эффективность инноваций», которое, по нашему мнению, наиболее интересно с точки зрения научной и практической ценности, не представлено ни одной диссертацией докторского уровня.

Отдельно отметим, что, кроме научного мира, масштабные исследования сущности инноваций проводились (Среди наиболее известных следует отметить Cornell University, Boston Consulting

Group, World Economic Forum, Всемирный банк, National Science Foundation, Institute of Management Development, ОЭСР) и в экспертной среде. Среди наиболее системных документов следует отметить «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» [1], разработанные экспертными группами ОЭСР и Евростата. Данный документ содержит положения относительно дефиниций, концепций, методологии, метрик измерения инноваций в странах мира, моделей и аналитических подходов изучения инноваций. «Рекомендации ...» определяют подходы к измерению и интерпретации данных по инновациям, включает различные справочники. Несмотря на системность документа, основополагающего для оценки инновационных систем ведущих государств мира, его важнейшим огра-

Литература:

1. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Руководство Осло. Третье издание. Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Москва. 2010.
2. *Martin Srholec*. A multilevel analysis of innovation in developing countries. Charles University. Center for Economic Research and Graduate Education. Academy of Sciences of the Czech Republic. Economics Institute – [электронный ресурс]. URL: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp432.pdf>
3. The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World. 10 EDITION – [электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf – дата обращения: 09.08.17.
4. The Bloomberg Innovation Index – [электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries> – дата обращения: 09.08.17.

нением, по нашему мнению, является микроэкономический уровень рассмотрения инноваций (инновация понимается как «только новое для предприятия»), причем исключая инновации сектора public (государственные) и институциональные инновации. Вопросы сущности и измерения инноваций в глобальном аспекте в документе не раскрыты. Обзор других экспертных источников научных знаний [3; 4 и аналогичных] о методологии оценки инновационного развития стран мира, кстати – во многом имеющих плагиативный характер, дает примерно такой же результат. Это вызывает объективную необходимость дальнейшего исследования темы и разработки современной комплексной системы оценки уровня инновационного развития государств и регионов мира.

Literature:

1. Recommendations for the collection and analysis of data on innovation. The Oslo Guide. Third edition. Joint publication of OECD and Eurostat. Moscow., 2010.
2. *Martin Srholec*. A multilevel analysis of innovation in developing countries. Charles University. Center for Economic Research and Graduate Education. Academy of Sciences of the Czech Republic. Economics Institute – [electronic resource]. URL: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp432.pdf>
3. The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World. 10 EDITION – [electronic resource]. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf – reference date: 09.08.17.
4. The Bloomberg Innovation Index – [electronic resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries> – reference date: 09.08.17.

Цалко Татьяна Валерьевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
маркетинга и коммерции,
Омский государственный университет
путей сообщения

МАРКЕТИНГОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье дана авторская точка зрения на специфику образовательной деятельности вузов в современных условиях. Автор рассматривает некоторые аспекты маркетингового взаимодействия участников рынка образовательных услуг: потребителей, покупателей, внутренних клиентов, государства, рынка труда. В статье приводятся принципы клиентоориентированного подхода как варианта стратегического развития образовательной организации. Отдельным маркетинговым направлением в деятельности вуза автор выделяет работу с его выпускниками, поясняя необходимость поддержания длительных клиентоориентированных взаимоотношений и связей с целью повторных контактов.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, рынок труда, клиентоориентированность, маркетинг вуза, внутренний маркетинг.

Образовательная деятельность является важнейшей составляющей социальной политики государства. Образование обеспечивает передачу / получение систематизированных знаний, умений и навыков для дальнейшего применения их в профессиональной деятельности человека. Система образования, как любая социальная, научно-исследовательская и хозяйственная составляющая, образует комплекс народного хозяйства страны.

Расширение высшего образования характерно для большинства стран в последние десятилетия, а переход от «элитного» к массовому высшему образованию стал общим явлением в развитых и во многих развивающихся странах, так как в него включается все большая доля подходящей возрастной группы [1]. Российский рынок труда на протяжении нескольких десятилетий сталкивается с важной и актуальной проблемой – трудоустройством выпускников вузов. Обеспечение рынка труда специалистами нужной профессии лежит именно на учебных заведениях, специалистами же высокой квалификации – на высших учебных заведениях.

Tatiana V. Calko

Candidate of Economic Sciences,
associate professor management,
marketing and commerce,
Omsk State Transport University

MARKETING OF SUBJECTS OF THE MARKET OF EDUCATION

Annotation. In article the author's position on feature of functioning of higher education institutions in modern conditions is given. The author considers aspects of marketing interaction of participants of education market: consumers, buyers, internal clients, state, labor market. The principles of klientooriyentivanny approach for strategic development of the educational organization are given in article. The separate marketing direction in activity of higher education institution the author calls work with graduates, for maintenance of the long relations and repeated contacts.

Keywords: education market, labor market, customer focus, marketing of higher education institution, internal marketing.

Благоприятной средой развития научных основ маркетинга является высшее образование. Приоритетной задачей маркетинга в осуществлении образовательной деятельности вуза выступает удовлетворение потребностей личности в получении желаемой профессии, а также рынка труда в подготовке востребованных специалистов.

Образование выступает результатом усвоения систематических знаний, умений, навыков, формирование компетенций в рамках конкретной образовательной программы. Высшее образование имеет целью подготовку и переподготовку специалистов соответствующего уровня, удовлетворение потребности в углублении и расширении знаний. В России система обучения в вузе предполагает реализацию долгосрочных образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета в соответствии с Перечнем направлений и специальностей высшего образования.

Возрастающая популярность на рынке образовательных услуг принадлежит тенденции к непрерывному образованию. В последнее время всё больше публикаций посвящено этой теме. Идея непрерывного образования сформирова-

лось в концепцию в середине 20 века и была вызвана начавшейся в мире научно-технической революцией. Такой принцип организации обучения объединяет дошкольное, школьное, профессиональное и «постпрофессиональное» (повышение квалификации и переподготовка) в целостную систему ступеней, что обеспечивает возможность пополнения и обновления знаний, умений и навыков на протяжении всей жизни человека. Соответственно в рамках принципа непрерывности выстраивается содержание образования, обеспечивающее порядок, последовательность и преемственность знаний.

Остановимся на некоторых понятиях образовательной деятельности с точки зрения маркетингового знания. Согласно статье 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» под образованием понимается «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [5]. То есть образование – это удовлетворение образовательных потребностей. Следовательно, образовательные услуги представляют собой комплекс объектов маркетинга в сфере образования. Стоит отметить, что понятие «образовательная услуга» в российских нормативно-правовых документах не используется, а содержатся понятия образовательной деятельности и отношения в сфере образования. Мы понимаем под образовательной услугой образовательную программу, реализуемую вузом.

Маркетинг образования – это, в теоретическом смысле, область знаний, а в практическом – деятельность, изучающая и формирующая стратегию и тактику взаимоотношений субъектов рынка образовательных услуг, образовательных организаций, участников образовательных отношений.

Потребность в образовании возникает у всех субъектов рынка труда: работника, работодателя, государства. Каждый субъект рынка и потребитель образовательной услуги имеет собственное понятие, представляющее собой индивидуальный набор полезностей.

Одной из управленческих функций образовательной организации является маркетинговая функция, конечная цель которой удовлетворение потребностей потребителей образовательных услуг. Следует отметить, что для достижения маркетинговой цели высшему учебному заведению необходимо быть ориентированным не только на внешний, но и на внутренний рынок. Потребители – это объект внимания внешнего маркетинга, а персонал вуза – внутреннего маркетинга. Основная задача руководства вуза – проведение эффективной и сбалансированной внешней и внутренней маркетинговой политики.

В последнее время внутреннему маркетингу придается большое значение, так как он способствует совершенствованию деятельности организации, ориентированной на потребителя, и является частью стратегической концепции клиентоориентированности. По мнению ряда авторов, ориентация организации на персонал – «внутренних клиентов» – является одним из главных факторов успеха на внешнем рынке [1, 4].

С одной стороны, клиентоориентированность – это способность организации извлекать дополнительную выгоду за счет эффективного удовлетворения потребностей клиентов [3], с другой, является инструментом, который позволяет получать лояльное отношение клиентов.

Понятие «клиент» довольно широкое, мы применяем его в отношении потребителя и покупателя образовательной услуги, сотрудников организации.

Говорить о клиентоориентированности в рамках деятельности высшего учебного заведения, безусловно, противоречиво. Ведь отношения, которые возникают на рынке высшего образования, строятся также в интересах государства. Целевая подготовка, покрытие потребности рынков труда в специалистах и прочие аспекты социальной политики в сфере образования – не позволяют вузу в полной мере применить клиентоориентированный подход. Однако, отдельные принципы возможны для реализации в целях повышения эффективности деятельности вуза. К ним можно отнести:

- оказание услуг, качество которых соответствует ожиданиям потребителя или превосходит их;
- взаимодействие с клиентами, построенное на взаимном уважении;
- готовность руководителей любого уровня и сотрудников к коммуникации и обратной связи;
- гибкость в отношении меняющихся запросов рынка труда и рынка образовательных услуг;
- создание для клиента комфортной психологической обстановки;
- стремление помочь клиенту, принять участие в решении его задач;
- постоянная работа над улучшением качества услуг;
- планирование действий, направленных на привлечение и удержание клиентов.

Отдельным маркетинговым направлением в деятельности вуза может также стать работа с его выпускниками. Если у студента сформировалось положительное отношение к учебному заведению, то он склонен контактировать с сотрудниками – преподавателями, кураторами и после его окончания. Частота контактов вуза и выпускника формирует связи, которые могут быть периодическими или разовыми в зависимости от целей контактов (приобретение или оказание образовательных и других услуг, неформального

общения и т.д.). С целью снижения транзакционных издержек вуз заинтересован (или даже зависим) в длительных взаимоотношениях и связях с клиентами. Следовательно, взаимная зависимость вуза и клиента формирует связи, которые, «... представляют собой определенный тип отношений между субъектом и объектом ...» [2]. Таким образом, маркетинговая деятельность вуза должна быть направлена на формирование длительных клиентоориентированных взаимоотношений и связей с выпускниками.

Можно согласиться с утверждением А. Бравермана, о выпускниках как о специфическом товаре для предприятия, нанимающих выпускников с целью удовлетворения своей потребности в кадрах нужной квалификации. Однако нельзя принять однозначное утверждение автора о вузе как производителе товара в виде молодых специалистов. Ведь с тем же основанием производителем этого специфического товара можно

Литература:

1. *Бакун Т.В.* Маркетинг взаимоотношений вуза : монография. Омск : Изд-во Омского эконом. ин-та, 2013. 155 с.
2. *Елкина О.С.* О категориях «связь», «отношения» и их соотношение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2006. № 4. С. 44–46.
3. *Серых Е.О.* Клиентоориентированность, в чем суть? // Сборник статей форума «Персонал 2008: проблемы, перспективы, развитие» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obrazovanie9.ru/articles/389-client-orientation-whatsup.html>
4. *Соловьева Ю.П.* Внутренний маркетинг как элемент рыночной ориентации организации // Маркетинг в России и за рубежом. 2005. № 6. С. 3–8.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

назвать родителей, школу, среду и окружение и самого выпускника. Ведь даже в формировании профессионально значимых знаний, умений и навыков, которые используются работодателями на рынке труда, участвует не только вуз. Самообразование в период обучения в вузе, параллельное обучение на различных курсах, влияние семьи, окружающей среды и т.п. приносит выпускникам знания, умения и навыки, востребуемые затем рынком труда. Кроме этого профессиональные качества нельзя рассматривать в отрыве от других характеристик личности, которые также значимы как при трудоустройстве, так и во время профессиональной деятельности [1]. Поэтому индивидуальный подход к студенту, использование разнообразных технологий предоставления теоретического и практического материала, воспитательный, научный и другие аспекты могут дать возможность студенту самореализоваться в разных направлениях, а вузу обеспечить длительные лояльные связи.

Literature:

1. *Bakun T.V.* Marketing of relations of the higher school: monograph. Omsk : Publishing house Omsk economy. in-TA, 2013. 155 p.
2. *Elkina O.S.* On the categories «communication», «relationships» and their relationship // Bulletin of Omsk University. Series «Economy». 2006. № 4. P. 44–46.
3. *Gray E.O.* customer focus, what's the point? / E. O. Gray // Collection of articles of the forum «Staff 2008: problems, prospects and development» [Electronic resource]. URL: <http://www.obrazovanie9.ru/articles/389-client-orientation-whatsup.html>
4. *Solovyov Yu.p.* Internal marketing as an element of market orientation of the organization // Marketing in Russia and abroad. 2005. № 6. P. 3–8.
5. Federal law of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended on 29.07.2017) «On education in Russian Federation» [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.01.2018
Подписано в печать 23.01.2018
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом-Юг»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», оф. 41/3
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 1835

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://www.id-yug.com>